2025 ТОМ 3 № 2 https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

https://doi.org/10.24866/2949-2580
ISSN 2949-2580

Научный журнал

Основан в 2023 году
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:

690922,
г. Владивосток,
о. Русский,
п. Аякс, 10

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство Эл № ФС77-85316 от 15 мая 2023 г.

Главный редактор
МОДИНА Галина Ивановна, доктор филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Заместитель главного редактора
НИКОЛАЕВА Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Ответственный секретарь
ПИВОВАРОВА Екатерина Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Адрес редакции:
690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
Размещено на сайте 19.06.2025

2025 VOL. 3 № 2 https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2

FAR EASTERN PHILOLOGICAL JOURNAL

https://doi.org/10.24866/2949-2580
ISSN 2949-2580

Science Journal

Founded in 2023
Published 4 times a year

Founder and Publisher:

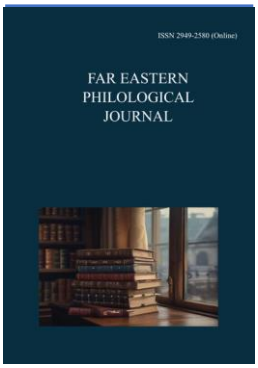
10 Ajax Bay,
Russky Island,
Vladivostok,
690922, Russia

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate Эл № ФС77-85316 dated 15.05.2023

Chief Editor
Galina I. MODINA, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Deputy Chief Editor
Olga V. NIKOLAEVA, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romance and Germanic Philology, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Executive Secretary
Ekaterina V. PIVOVAROVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)



Editorial address:
FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia
Published on 19.06.2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА Ольга Николаевна	доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
ЗАБИЯКО Анна Анатольевна	доктор филологических наук, профессор Амурского государственного университета, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры (Благовещенск)
МЕХТИЕВ Вургун Георгиевич	доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
ОСИПОВА Ольга Ивановна	доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (Владивосток)
ПЕРВУШИНА Елена Александровна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
УРМАНОВ Александр Васильевич	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск)
БЕЗРУКОВ Андрей Николаевич	кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий (Бирск)

5.9.2. Литературы народов мира

ГАЛЬЦОВА Елена Дмитриевна	доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки новейшего времени, заведующий Научной лабораторией «Rossica: русская литература в мировом культурном контексте», профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
КИРЕЕВА Наталия Владимировна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск)
КИРИЧУК Елена Владиленовна	доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета (Омск)
ЛИТВИНЕНКО Нинель Анисимовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова (Москва)
ПИНКОВСКИЙ Виталий Иванович	доктор филологических наук, доцент кафедры литературы Северо-Восточного государственного университета (Магадан)
ХУЗИЯТОВА Надежда Константиновна	кандидат филологических наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

5.9.4. Фольклористика

КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна	доктор филологических наук, заведующий Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)
ХУСАИНОВА Гульнур Равиловна	доктор филологических наук, заведующий отделом фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа)

ЮША **Жанна Монгеевна**	доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

САДЧЕНКО **Валентина Тарасовна**	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
СТАРОДУМОВА **Елена Алексеевна**	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ШЕРЕМЕТЬЕВА **Елена Сергеевна**	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ШАПОВАЛОВА **Татьяна Егоровна**	доктор филологических наук профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет (Москва)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АНДРОСОВА **Светлана Викторовна**	доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (Благовещенск)
ЗАВЬЯЛОВА **Виктория Львовна**	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КАРПУХИНА **Тамара Петровна**	доктор филологических наук, профессор высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
КОХАН **Ирина Николаевна**	кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОРНИЛОВА **Людмила Евгеньевна**	кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МИХЕЕВА **Ирина Владимировна**	кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МОРЕВА **Надежда Семёновна**	кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СБОЕВ **Александр Николаевич**	кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ТИХОНЕНКО **Валентина Александровна**	кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АВТУХОВИЧ Татьяна Евгеньевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)
АЙ Хуэйжун	кандидат филологических наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна	доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
ИНЬКОВА Ольга Юрьевна	доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Женевского университета (Женева, Швейцария)
КЕЙДУН Ирина Борисовна	доктор философских наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия)
ЛЮ Чжицян	кандидат филологических наук, доцент Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
САЙ На	кандидат филологических наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
СТОРОЖУК Александр Георгиевич	доктор филологических наук, профессор кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
ХАЧАТРЯН Наталия Михайловна	доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета им. В. Брюсова (Ереван, Армения)

EDITORIAL TEAM

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

Olga N. ALEXANDROVA-OSOKINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk)
Anna A. ZABIYAKO	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Literature and World Art Culture, Amur State University (Blagoveshchensk)
Vurgun G. MEKHTIEV	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk)
Olga I. OSIPOVA	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian as Foreign Language, Far Eastern State Fishery University (Vladivostok)
Elena A. PERVUSHINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Alexander V. URMANOV	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
Andrey N. BEZRUKOV	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Philology, Ufa University of Science and Technology, Birsk Branch (Birsk)

5.9.2. Literature of the peoples of the world

Elena D. GALTSOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Literature of Europe and America of Modern Times, Head of the Scientific Laboratory "Rossica: Russian Literature in the World Culture Context", Professor of the Department of Foreign Literature History, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Natalia V. KIREEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
Elena V. KIRICHUK	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Omsk State University (Omsk)
Ninel A. LITVINENK	Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Sholokhov Moscow State University for The Humanities (Moscow)
Vitaliy I. PINKOVSKY	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature, North-Eastern State University (Magadan)
Nadezhda K. KHUZIYATOVA	Candidate of Philological Sciences Professor, Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

5.9.4. Folklore studies

Tatyana V. KRAYUSHKINA	Doctor of Philological Sciences, Head of the Center for History of Culture and Inter-cultural Communication of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok)
Gulnur R. KHUSAINOVA	Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Folklore Studies, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (Ufa)
Zhanna M. YUSHA	Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the Folklore Sector of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)

5.9.5. Russian language. Languages of peoples of Russia

Valentina T. SADCHENKO	Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk)
Elena A. STARODUMOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena S. SHEREMETYEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Tatyana E. SHAPOVALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow)

5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics

Svetlana V. ANDROSOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University (Blagoveshchensk)
Victoria L. ZAVYALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Tamara P. KARPUKHINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Higher School of European Linguistics and Intercultural Communication, Pacific State University (Khabarovsk)
Irina N. KOKHAN	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Department of the English Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Lyudmila E. KORNILOVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina V. MIKHEEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda S. MOREVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Alexander N. SBOEV	Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Valentina A. TIKHONENKO	Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Tatyana E. AVTUKHOVICH	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)
Huirong AI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China) Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Elena E. VOITISHEK	Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)
Olga Y. INKOVA	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, University of Geneva (Geneva, Switzerland)
Irina B. KEIDUN	Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Zhiqiang LIU	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Na SAI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Alexander G. STOROZHUK	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Natalia M. KHACHATRYAN	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of World Literature and Culture, Yerevan State University named after V. Bryusov (Yerevan, Armenia)

СОДЕРЖАНИЕ

5.9.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гавриленко В.Д., Киреева Н.В. Роль баллады в формировании художественной манеры Леонида Завальнюка 10

Андреев Д.А. Сравнительный анализ переводов на русский язык стихотворения Г. Тракля “Menschheit” 23

Ван Синьминь. История переводов произведений А.К. Толстого в Китае 35

Ян С. Говорящие имена героев пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» в переводе Гэн Цзичжи. 41

Ху И. Осмысление китайскими критиками романов В. Брюсова «Огненный ангел» и «Алтарь победы» 46

5.9.8. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Прасол А.Ф. Сравнительный анализ употребления условных форм японского языка 56

Дыбовский А.С. Протокитайские фразеологические композиты современного японского языка (постановка проблемы) 69

Дыбовский А.С. Грамматика четырёхсимвольных протокитайских фразеологических композитов современного японского языка 87

Казаченкова Н.В. Новостные пропозиции с оценочными существительными (на материале текстов англоязычных СМИ) 108

5.9.5. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Петрова Т.И., Каширина А.Д. К вопросу о жанровом своеобразии интернет-коммуникации: коммуникативный блок «пост – комментарий» 120

5.9.4. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Шитина М.А., Кириллова Е.О. Образы дочери, сестры, невесты в нивхском фольклоре (по материалам текстов в литературной обработке В.М. Санги). 128

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ОПЫТЫ

Плахотник У.А. Особенности функционирования диалектизмов в романе Б.П. Екимова «Родительский дом» 137

Залуцкая В.Г. Метаязыковой комментарий *в буквальном смысле слова*: семантика и функционирование. 142

CONTENTS

5.9.1. RUSSIAN LITERATURE

Gavrilenko V.D., Kireeva N.V. The role of the ballad in the formation of the artistic manner of Leonid Zavalnyuk 10

Andreev D.A. Comparative analysis of Russian translations of G. Trakl's poem "Menschheit" 23

Wang Xinmin. History of translations of A.K. Tolstoy's works in China 35

Yang X. Speaking names of the characters in A.N. Ostrovsky's play "Guilty Without Guilt" in Gen Jizhi's translation. 41

Hu Y. The interpretation of V. Bryusov's novels "The Fiery Angel" and "The Altar of Victory" by Chinese critics 46

5.9.8. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Prasol A.F. Comparative analysis of the use of conditional forms in Japanese 56

Dybovsky A.S. Proto-Chinese phraseological compounds in modern Japanese (problem statement) . 69

Dybovsky A.S. The grammar of four-character Proto-Chinese phraseological composites in modern Japanese 87

Kazatchenkova N.V. News propositions with evaluative nouns (based on English media texts). 108

5.9.5. RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLE OF RUSSIA

Petrova T.I., Kashirina A.D. On the issue of the genre identity of Internet communication: communication block "post – comment" 120

5.9.4. FOLKLORE STUDIES

Shitina M.A., Kirillova E.O. Images of daughters, sisters, brides in Nivkh folklore (based on materials of texts in literary rendition By V.M. Sangi) 128

FIRST SCIENTIFIC EXPERIENCES

Plakhotnik U.A. Features of dialectisms' functioning in B.P. Ekimov's novel "Parents' House" 137

Zalutskaya V.G. A metalinguistic commentary *V Bukvalnom Smysle Slova*: semantics and functioning 142

Научная статья
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/10-22

Роль баллады в формировании художественной манеры Леонида Завальнюка

Виктория Дмитриевна Гавриленко[1], Наталия Владимировна Киреева[2]

[1,2] Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Российская Федерация
[1] Старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, gin_kitsune@list.ru,
https://orcid.org/0000-0002-1489-1196
[2] Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы,
kireeva@bgpu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7354-5181

Аннотация. В статье рассматривается путь формирования индивидуальной художественной манеры Леонида Завальнюка. Данное явление прослеживается на примере сборника «За отступающим горизонтом» (1956). Особое внимание уделено «Таёжной балладе» и «Балладе о тающем снеге». Их сюжет развивается в художественном пространстве тайги, ставшей местом нравственного испытания. Завальнюк первым ввёл образ тайги в балладу. В его произведениях прослеживается как сохранение балладных традиций, так и трансформация жанра. Баллада помогла поэту в поиске своей художественной манеры и в реализации сюжетного начала его лирики.

Ключевые слова: Леонид Завальнюк, баллада, жанр, жанровый эксперимент, жанровый канон, сюжетность, мотив

Для цитирования: Гавриленко В.Д., Киреева Н.В. Роль баллады в формировании художественной манеры Леонида Завальнюка // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 10–22.

Original article

The role of the ballad in the formation of the artistic manner of Leonid Zavalnyuk

Victoria D. Gavrilenko[1], Nataliya V. Kireeva[1]

[1,2] Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation
[1] Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language, gin_kitsune@list.ru,
https://orcid.org/0000-0002-1489-1196
[2] Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department
of Russian Language and Literature, kireeva@bgpu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7354-5181

Abstract. The article examines the way of forming the individual artistic style of Leonid Zavalnyuk. This phenomenon is traced using the example of the collection "Behind the Receding

© Гавриленко В.Д., Киреева Н.В., 2025

Horizon" (1956). Particular attention is paid to "Taiga Ballad" and "Ballad of the Melting Snow". Their plot develops in the artistic space of the taiga, which has become a place of moral testing. Zavalnyuk was the first to introduce the image of the taiga into the ballad. His works show both the preservation of ballad traditions and the transformation of the genre. The ballad helped the poet in finding his artistic style and in realizing the plot of his lyrics.

Key words: Leonid Zavalnyuk, ballad, genre, genre experiment, genre canon, plot, motif

For citation: Gavrilenko V.D., Kireeva N.V. The role of the ballad in the formation of the artistic manner of Leonid Zavalnyuk. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 10–22. (In Russ.).

Леонид Завальнюк (1930–2010) – поэт, прозаик, драматург, сценарист и художник, пришедший в литературу ещё в 1950-е гг., но лишь сейчас обретающий заслуженное место в отечественной литературе. Можно согласиться с оценкой литературоведа А.А. Белого, назвавшего Завальнюка недооценённым, непрочитанным, но не забытым поэтом [26]. На данный момент литературное наследие Завальнюка продолжает оставаться малоизученным, однако при этом вызывает стойкий интерес у литературоведов. Так, Центром литературного краеведения Благовещенского государственного педагогического университета более 20 лет ведётся изучение как опубликованных произведений поэта, так и его рукописного архива [5; 20; 21; 22; 24; 25; 28]. В 2016 г. в Амурской области, откуда Завальнюк начал свой путь в литературу и где увидели свет первые поэтические сборники, была учреждена литературная премия его имени. После смерти Завальнюка его произведения продолжают издаваться [7; 9; 11; 12; 15; 16]. Особого внимания заслуживает альбом стихов и картин [13], а также подготовленный А.А. Белым лирический сборник «Всё с вами, но не ваш», в который наряду с ранее опубликованными стихотворениями вошло около двухсот прежде никогда не издававшихся [6].

Первый период творчества Завальнюка приходится на 1950–1960-е гг. Он характеризуется поиском индивидуальной художественной манеры и проявляется в эксперименте с использованием разных жанровых форм: лирических, прозаических и лиро-эпических.

Так, наряду с лирическими стихотворениями поэт обращается к созданию песен в соавторстве с дальневосточными композиторами Н.А. Лошмановым и Е.Н. Лыткиным. В 1962 г. выходит первый песенный сборник Завальнюка «Приснитесь мне, города», а спустя почти десятилетие – сборник «Как ты близок мне, Дальний Восток» (1971). Примечательно, что в обоих изданиях частотными являются образы Дальнего Востока, Амура и Благовещенска («Как ты близок мне, Дальний Восток», «Каток на Амуре», «Песня о Благовещенске», «Амурская песня о Днепре», «Амурская прощальная», «Амурские вёсны», «Девичья дальневосточная» и др.), что свидетельствует о важности этих художественных образов для поэта.

Несмотря на то, что в дальнейшем Завальнюк не издавал песенные сборники, к жанру песни он постоянно обращался в 1970–1980-е гг. Более того, широкой публике он прежде всего известен как поэт-песенник, на чьи стихи исполняли песни многие советские и российские музыканты. В соавторстве с композиторами Ю. Саульским, Л. Лядовой, А. Зацепиным, Д. Тухмановым, Б. Емельяновой и др. Завальнюк написал стихи к более чем полусотне популярных песен. Не единожды удостаивался звания лауреата телевизионного фестиваля «Песня года»: «Не покидает нас весна» (исп. И. Кобзон, 1979), «Ожидание» (исп. С. Ротару, 1980),

«Осенняя мелодия» (исп. С. Ротару, 1981), «Обида» (исп. Т. Рузавина и С. Таюшев, 1982), «Счастья тебе, Земля!» (исп. С. Ротару, 1983), «Сожалею» (исп. В. Леонтьев, 1986) [13, с. 208].

Не менее удачными были эксперименты Завальнюка в прозаических жанрах. Первым прозаическим произведением стала небольшая повесть «На полустанке» (1961), однако широкую известность получила другая повесть, написанная тремя годами позже, – «Дневник Родьки – "трудного человека"» (1964).

После переезда в Москву Завальнюк выступил в роли сценариста мультипликационных фильмов: «Сегодня день рождения» (1966), «Зеркальце» (1967), «Рассказы старого моряка» (1970), «Алло! Вас слышу!» (1971), «Рассказы старого моряка: Необитаемый остров» (1971), «Коля, Оля и Архимед» (1972), «Рассказы старого моряка: Антарктида» (1972), «Волшебная палочка» (1972). Позже, в соавторстве с С. Кулишом, был написан сценарий к фильму «Развлечение для старичков» (1976). Интерес к созданию произведений для детей продолжился и в третий период творчества (конец 1980-х – 2000-е гг.): «Как заяц Прошка волшебником был» (1996), «Зеркальце» (1997), «Веселая азбука» (1998), «О профессиях» (1999), «По грибы, по ягоды» (1999), «Андрюша и Боря в глубинах моря» (1999), «Азбука» (2000).

В контексте тематики данной работы наибольший интерес вызывает обращение Завальнюка в первой половине 1950-х гг. к лиро-эпическим жанрам. Результатом эксперимента стал выход второй книги – «За отступающим горизонтом» (1956), состоящей из цикла баллад и поэмы «В пути».

Сюжетно поэма «В пути» напоминает роман-воспитание. Завальнюк не скрывал, что при создании поэмы вдохновлялся романом В. Каверина «Два капитана» (1940): «Как бредил он каверинским героем / И сам себе не признавался в том» [8, с. 42]. Героем поэмы становится восемнадцатилетний юноша, современник автора. Его отец погибает на фронте, а мать умирает от горя. Вызванный врач даже не предпринимает попыток бороться за её жизнь. Поражённый равнодушием герой даёт клятву стать врачом и доказать виновность «эскулапа с бутылочно-зелёными глазами» [8, с. 41] в смерти матери. Однако, в отличие от персонажа Каверина – Сани Григорьева, герой Завальнюка не добивается поставленной цели. Можно согласиться с мнением С.И. Красовской, считающей, что герой поэмы достиг большего: освободившись от желания отомстить, он обретает смысл жизни в вечном движении вперёд [24, с. 150]. Значимость поэмы в том, что здесь продолжается поиск своей манеры и ярко раскрывается один из ключевых мотивов лирики Завальнюка – мотив пути, символизирующий жизнь человека, поиск своего места в мире и себя самого. Более того, в поэме поднимается проблема истинных и ложных путей и целей.

Однако открывает сборник балладный цикл. По нашему мнению, обращение к жанру баллады позволило Завальнюку опробовать новые пути развития его поэзии в первый период творчества. Баллада открыла перед поэтом возможности для эксперимента, ведь этот жанр, генезис которого невозможно свести к одному источнику, постоянно претерпевал изменения. Как отмечает Н.И. Кравцов, синкретичный жанр баллады сложился в результате постоянного обогащения благодаря своей связи с народной жизнью и другими жанрами [23, с. 197]. Во многом именно здесь можно найти причины разнообразия тем и мотивов баллады и её изменчивости.

Канонические черты баллады были выделены А.Н. Веселовским. По мнению учёного, балладе свойственны: сюжетность, зачастую с элементами чудесного и сверхъестественного; любовь к троичности; эмоциональность повествования; использование рефренов, повторов и

диалогов; повествование от третьего лица [3, с. 71–79]. Но уже в XVIII в. происходит разрушение канона, деканонизация жанра, в результате чего лирическая составляющая начинает довлеть над сюжетной [2, с. 331–334].

В советской поэзии наблюдался стойкий интерес к жанру баллады и его трансформация [1, с. 68]. В 1920–1930-е гг. к этому жанру обращались Н. Тихонов, Э. Багрицкий, М. Светлов. Во второй половине XX в. жанр переживает процесс трансформации в произведениях Л. Ошанина, Р. Рождественского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы. Л. Завальнюк – ученик Л. Ошанина – также внёс вклад в процесс развития и трансформации жанра.

Цикл из пяти баллад, появляющийся в сборнике «За отступающим горизонтом», объединяет в единое целое мотив нравственного испытания. Ключевые позиции цикла – начало и конец – автор отвёл «Таёжной балладе» и «Балладе о тающем снеге», действие которых разворачивается в тайге. Таким образом, поэт «расширяет географию» баллады: вводит в неё таёжную тему и образ тайги как места единения человека с первозданной природой, где способны выжить только сильные духом. Именно в таком контексте представлен образ тайги в повести «Дерсу Узала» (1923) В.К. Арсеньева, в произведениях В.Г. Распутина «Край возле самого неба» (1966) и «Сибирь, Сибирь» (1991), в рассказах В.П. Астафьева «Васюткино озеро» (1952) и «Капалуха» (1963). Важное место таёжная тематика занимает и в произведениях амурских авторов, особый интерес вызывают быт, повседневная жизнь людей, связанных с тайгой. Среди них произведения знаменитого исследователя и писателя Г.А. Федосеева (сборник рассказов «Таёжные встречи» (1950), повести «Тропою испытаний» (1958), «Злой дух Ямбуя» (1966), «Последний костёр» (1968)) и повесть одного из ведущих писателей современной литературы Приамурья В.Г. Лецика «Пара лапчатых унтов» (1979). Анализ этих произведений позволяет убедиться, что мотив нравственного испытания как своего рода экзамен на звание человека так гармоничен и естественен в художественном пространстве тайги.

Второй и третьей балладой цикла стали «Баллада о спрятанном оружии» и «Баллада о рыжем и чёрном». Они близки первой балладе, ключевыми в них выступают мотивы испытания и расплаты за совершаемые проступки.

Четвёртая, «Баллада о жёлтом листе», характеризуется философским осмыслением жизни. Несмотря на своё положение в цикле, это первая, ученическая баллада Завальнюка, написанная по заданию Л. Ошанина в Литинституте: взять первую строфу из стихотворения Игоря Федорина и написать своё произведение:

В очень серьёзное здание,
Где мрамор холодно чист,
Был занесён нечаянно
Жёлтый осенний лист… [10, с. 79]

Кто-то из студентов написал поэму, кто-то песню, а Завальнюк – балладу. Её герой переживает переоценку нравственных ценностей. Он «пробуждается ото сна» и начинает осознавать красоту и быстротечность жизни.

В центре повествования открывающей цикл «Таёжной баллады» – судьба двух мужчин, оказавшихся в тайге и вынужденных пережидать вьюгу в зимовье. Но этот реалистический сюжет не лишён метафоричности. В экспозиции баллады люди совершают молебен о заблудших в тайге:

Древний обычай края –
В день, когда быть пурге,
В сельских церквах правят
Молебен о заблудших в тайге.
Хмурые люди молятся
Хмурому богу тайги:
– Всем,
Кто скитается по лесу,
Господи, помоги! [8, с. 9]

Происходит характерное для баллады смешение языческих и христианских понятий. С одной стороны, ведётся богослужение в церкви, а с другой – люди обращаются к языческому «хмурому богу тайги». Молитва о спасении потерявшихся в тайге становится молитвой о спасении заблудшей души, сбившейся с истинного пути. Обратим внимание, что слово «всем» автор выносит в отдельную строку, так подчёркивается мысль, что «перед Богом все равны».

В «Таёжной балладе» Завальнюк использует архетипический сюжет притчи о братьях Авеле и Каине. В русской литературе к нему обращались И.А. Бунин («Каин»), Н.С. Гумилёв («Сон Адама», «Потомки Каина», «Дочери Каина»), С.А. Есенин («Анна Снегина»), М.А. Шолохов («Тихий Дон»), но при этом каждый автор преобразовывал сюжет, наполнял его новыми смыслами и образами [18, с. 78–85]. Далее перед читателем должны появиться «братья», но поэт привносит изменения: герои не являются братьями, сближает и роднит их посланное им испытание, о чём повествуется во второй строфе. Использование собирательного числительного «двое» подчёркивает единство героев, их одинаково трудное положение:

...Вторая неделя, как двое
Еле вползли в дом.
Вторую неделю двое
Лежат в зимовье пластом.
А вьюга поёт кочетом
На весь белый свет.
И первый сказал:
– Кончено.
Хлеба больше нет... [8, с. 9]

Разбушевавшаяся стихия для «первого» становится нравственным испытанием, которого герой не выдерживает. Он обманывает товарища и скрывает от него последний кусок хлеба. Тем самым нарушается одна из христианских заповедей: не лжесвидетельствуй, не обманывай. Желая спасти себя, герой обрекает на гибель человека:

Воздух упруг, как губка.
В висках засыпает кровь.
Обглодав рукава полушубка,
К ночи затих второй [8, с. 9–10].

Символичны слова «Хлеба больше нет...». Речь идёт не только об отсутствии пищи как таковой, но и о потере веры. В Евангелии от Иоанна Иисус говорит: «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6:48). Хлеб символизирует тело Христово в христианской традиции. Земной хлеб питает тело, а хлеб небесный – души. Лишившийся веры «второй» обессиливает и умирает. Его гибель ложится тяжким грехом на «первого».

Стоит обратить внимание, что при переиздании поэт нередко давал своим произведениям новые названия, а порой вносил и небольшие правки. Это было связано с переосмыслением ключевых моментов в мировоззрении, развитием творческого почерка. Примечательно, что «Таёжная баллада» при повторной публикации получила новое название – «Баллада о хлебе». Давая такое название спустя почти двадцать лет после первой публикации, автор подчёркивает библейский смысл, который, возможно, изначально сам не осознавал или целенаправленно не выделял по цензурным соображениям.

Косвенно герой баллады становится убийцей, таким же, как Каин, который, согласно книге Бытия, считается первым человеком, совершившим убийство. За одним совершённым грехом (лжесвидетельство) следует другой, который нельзя исправить. Убийство является самым страшным грехом в художественном мире поэта. Эта мысль неоднократно находит выражение в более поздних лирических произведениях: «Заповедь», «Разговор с шестой заповедью», «Не убий!». Шестую заповедь поэт назовёт «единой», то есть объединяющей всех людей вне зависимости от их национальности и вероисповедания: «Только верю в единую заповедь – / Не убий!» [14, с. 62]. Анализ баллады позволяет убедиться: уже в начале творческого пути поэт предлагает убедительное художественное воплощение для шестой христианской заповеди.

Появляющийся в балладе образ мертвеца вводит характерную для балладного жанра категорию ужасного. К этой категории в зарубежной литературе обращались Г.А. Бюргер, И.В. Гёте, Ф. Шиллер, а в русской – В.А. Жуковский. Но если в балладах Жуковского мертвец является в снах, тем самым происходит встреча двух миров (земного и потустороннего), что типично для жанра, то у Завальнюка мертвец реален, он настойчиво напоминает о совершённом грехе:

Скулы воском отглажены,
Глазница синим кольцом...
И первый, чтоб не было страшно,
Положил его вниз лицом [8, с. 10].

Никакого раскаяния, сожаления и чувства вины «первый» не испытывает – лишь страх перед пугающим лицом покойника. Однако сокрытый от товарища кусок хлеба не спасает «первого». Охваченный лихорадкой, он оказывается на пороге между жизнью и смертью, так и не осознав своих грехов, а значит, лишается шанса на спасение. Откликнувшиеся на молитвы людей «мудрые боги тайги» воплощаются в образе охотников, которые живут по суровым законам тайги и способны спасти героя из снежного плена:

И хоть это нигде не сказано,
Люди с таёжной судьбой,
Жизнью рискуя,
Обязаны
Живых уносить с собой [8, с. 10].

Тем не менее грехи, совершённые «первым», лишают его шанса на спасение:

Но когда слушали сердце,
Голубой обнажив сосок,
На землю
Из-за пазухи
Выпал
Чёрствого хлеба кусок...

И старшой суковатой палкой
Сухарь отшвырнул псам.
– Пули на гада жалко.
Пусть умирает
Сам [8, с. 10–11].

Если в начале баллады Завальнюк выделяет местоимение «всем», то здесь мы видим, как в отдельную строку выносится местоимение «сам». Суровый таёжный край, населённый сильными духом и телом людьми, не оставляет шансов лжецу и убийце, утаившему последний кусок хлеба. Испытание, посланное заблудшей душе, завершилось поражением.

В завершении баллады переосмысливается и образ языческого «хмурого бога», появляющегося в начале стихотворения. Его место занимают люди, которые вершат в тайге свой суд – «мудрые боги тайги»:

Пурга улеглась к рассвету.
И высушив сапоги,
Ушли по медвежьему следу
Мудрые боги тайги [8, с. 11].

Характерная для баллады персонификация природных сил позволяет сделать вьюгу и пургу активными участницами происходящих событий: по мере приближения кульминации вьюга усиливается (сначала «поёт», затем «жалит снежным сеевом»), затишье наступает после завершения испытания. Так проводится параллель между миром нравственным и миром природным. Балладный цикл Завальнюка открывает сюжет о человеке, который не справляется с нравственным испытанием. Завершает цикл «Баллада о тающем снеге», в которой подводится итог размышлениям о нравственной состоятельности человека.

Если в «Таёжной балладе» повествование ведётся от третьего лица, то в пятой балладе – от первого. Однако лирическое «я» не становится действующим героем, а остаётся рассказчиком: «Балладу о тающем снеге / Ставлю с другими в ряд» [8, с. 22].

Герой баллады вынужден идти пешком через тайгу вместе со своей спутницей. Уже в самом начале зарождается предчувствие страшного. Как отметил В.И. Тюпа, диалог в балладе «демонстрирует движение сюжета» [27, с. 441], он становится движущей силой развития событий. Завальнюк же отказывается от диалога, используя лишь отдельные реплики героев:

Мокрым тающим снегом
Лес пропах весь.

И женщина сказала со смехом:
– А мы заночуем здесь!
А мы разобьём палатку,
Сделайте для меня!
Спит она сладко-сладко,
Мужчина сидит у огня [8, с. 23].

Идиллическая картина весеннего леса и оживающей после долгого сна природы, образы женщины и мужчины создают романтический фон. Но со сменой художественного времени изменяется атмосфера баллады и даже форма. При изображении ночи как времени испытаний поэт использует рубленные строки, передавая короткими фразами ожидание страшного:

В восемь
Она уснула,
А в десять
Стая пришла [8, с. 23].

Типичным балладным размером является четырёхстопный хорей [2, с. 333], однако Завальнюк отказывается от него, что связано с использованием эпического элемента, сюжетности. А.П. Квятковский отмечал значимость такого элемента для баллад XX в., подчёркивая, что баллада – «это сюжетное стихотворение на современную тему, выдержанное преимущественно в остром ритме» [19, с. 56]. Но уравновешивает «лирическую составляющую» баллады введение лирического отступления, роль которого в балладах XX в. возрастает [17, с. 71]. Автор усиливает чувство напряжения, обращаясь к народному преданию:

Люди сложили поверье,
В тайге дожив до седин:
Бойся с весенним зверем
Выйти один на один,
Бесчисленны в дебрях могилы
Без насыпей и крестов [8, с. 23].

Передавая безнадёжность сложившейся ситуации, Завальнюк вновь сбивает ритм баллады: «...Семнадцать, / Острых, как пилы, / Семнадцать / Серых хребтов» [8, с. 23]. Эта точная цифра звучит как приговор – надежды на благополучный исход нет.

Завальнюк показывает, что герой его баллады – обычный человек, испытывающий страх и растерянность – оказавшись в экстремальной ситуации, способен меняться:

В памяти некогда рыться.
Палка и нож в руке.
И проснулся
Высокий рыцарь
В старом холостяке.
И дрался он, как влюблённый,
Огнём сокрушая врага [8, с. 24].

Это изменение фиксируется с помощью «вечного» образа рыцаря, символизирующего благородство, самоотверженность и великодушие. Введение такого образа помогает поэту усилить контраст между «первым» из «Таёжной баллады» и «старым холостяком» из «Баллады о тающем снеге», справившимся с испытанием. Так обозначена авторская позиция (долг мужчины – защищать женщину), которая найдёт раскрытие в последующем творчестве.

Выстраивая сюжет баллады, Завальнюк использует традиционный приём, характерный для баллад эпохи романтизма, – с наступлением рассвета всё страшное исчезает:

Дрогнула темень густая.
Утро
И тишина.

В четыре
Ушла стая,
А в восемь
Проснулась она [8, с. 24–25].

Важно отметить, что действие пятой баллады цикла разворачивается весной – в противоположность художественному времени первой баллады. Смерть «первого» в заснеженной тайге соотносится с восприятием зимы как завершения жизненного пути. Так, снова используя принцип контраста двух баллад, автор подчёркивает, что перерождение героя в «высокого рыцаря» обеспечивает ему право на продолжение жизненного пути:

И пошли они дальше, отважные,
По молодой весне.
И были губы у женщины влажные,
Как влажен тающий снег... [8, с. 25]

Проведённый анализ позволяет убедиться, что балладный цикл выстроен вокруг мотива нравственного испытания. Наиболее ярко этот мотив связан с образом тайги, предстающим как пространство, которое позволяет человеку остаться один на один с собой и с миром. Именно Завальнюк делает образ тайги частью художественного мира баллады, обогатив и расширив этот жанр.

Обратившись к балладе, поэт сохраняет такие канонические черты жанра, как использование архетипических сюжетов, смешение христианских и языческих понятий, персонификация природных сил, особая роль художественного времени в развитии сюжета, жанровый синкретизм. Вместе с тем молодой поэт отваживается на жанровую трансформацию. Претерпевает изменение категория ужасного: Завальнюк отказывается от мистической составляющей, делая сюжет более жизненным и реалистичным. Наблюдается уход от традиционного четырёхстопного хорея, использования повествования от первого лица. Интересным представляется и факт возвращения сюжетности – в этом поэт следует традициям, характерным для советской баллады.

Баллада для поэта стала пространством поиска своей художественной манеры, в том числе связанной с использованием мотива нравственного испытания как одного из ключевых

в его художественном мире и сюжетного начала как характерной черты лирики. Как подчеркнул М.Н. Эпштейн, именно «баллада делает поэзию вменяемой, возвращает ей чувство сюжета, временной последовательности, нарративности» [29, с. 210], при этом позволяя сохранить лаконичность повествования. Впоследствии поэт неоднократно возвращался к жанру баллады. Во-первых, ранние баллады неоднократно переиздавались по отдельности в сборниках «Лирика» (1963), «Вторые травы» (1975) и «Книга встреч» (1977). Во-вторых, были написаны новые баллады: «Баллада о первой любви» (1975), «Баллада о жёлтой машине» (1987), «Баллада о рогах» (1987) и др.

Таким образом, пробуя себя в разных жанрах (песня, повесть, поэма, баллада), Завальнюк в 1950–1960-е гг. находится в поиске идеальной для него жанровой формы выражения. В этот период усиливается сюжетное начало его лирики, ведётся эксперимент с ритмикой и строфикой, что позволяет выйти за рамки традиционного стихосложения. Всё это свидетельствует о начале формирования собственной художественной манеры.

Список литературы

1. *Боровская А.А.* Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века: дис. … д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. 527 с.

2. *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

3. *Веселовский А.Н.* К народным мотивам баллад о Леноре // Журнал Министерства народного образования. СПб., ноябрь 1885. С. 71–79.

4. *Гамерман Ю.В.* Леонид Завальнюк: грани судьбы, грани таланта // Амур: литературный альманах БГПУ. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. № 3. С. 82–91.

5. *Гамерман Ю.В.* Человек, которого я люблю. Благовещенск: Макро-С, 2009. 189 с.

6. *Завальнюк Л.* «Всё с вами, но не ваш». Избранное. СПб.: Алетейя, 2019. 680 с.

7. *Завальнюк Л.* Другое измерение. М.: Зебра Е, 2012. 504 с.

8. *Завальнюк Л.* За отступающим горизонтом. Баллады и поэма. Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1956. 104 с.

9. *Завальнюк Л.* Мужик ласкает даму. Стихи. СПб.: Алетейя, 2014. 208 с.

10. *Завальнюк Л.* Планета Зет. М.: Зебра Е, 2006. 416 с.

11. *Завальнюк Л.* Предвестие. СПб.: Алетейя, 2014. 296 с.

12. *Завальнюк Л.* Пророка жду. СПб.: Алетейя, 2017. 200 с.

13. *Завальнюк Л.* Слово и цвет. Сто стихов – сто картин. СПб.: Алетейя, 2014. 208 с.

14. *Завальнюк Л.* Стихи. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2001. 272 с.

15. *Завальнюк Л.* Токи души. СПб.: Алетейя, 2017. 176 с.

16. *Завальнюк Л.* Три поэмы. СПб.: Алетейя, 2018. 226 с.

17. *Ивашина В.В.* Эволюция жанра баллады в русской литературе. Общие тенденции // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. С. 67–72. EDN: YUAYSY

18. *Карасик В.И.* Переосмысление мифа о братоубийстве в художественном тексте // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 78–85. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-78-85

19. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.

20. *Киреева Н.В.* Литературная премия имени Леонида Завальнюка: выработка механизмов поддержки и продвижения «Амурского текста» к читателю // Лосевские чтения – 2019: материалы региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск, 2019. С. 55–60. EDN: IJODUF

21. *Киреева Н.В.* Неизвестный Леонид Завальнюк: первые итоги работы над рукописным архивом писателя // Лосевские чтения – 2018: материалы XI региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. С. 57–64. EDN: XRAYMP

22. *Киреева Н.В., Тимошкова В.В.* Образ пути в лирике Леонида Завальнюка // Лосевские чтения – 2014: материалы региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 46–54. EDN: TCLHRX

23. *Кравцов Н.И.* Славянская народная баллада // Проблема славянского фольклора. М.: Наука, 1972. 360 с.

24. *Красовская С.И.* Леонид Андреевич Завальнюк // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 149–153.

25. *Красовская С.И.* Леонид Завальнюк между «углом» и «овалом», или об одном стихотворении с двумя эпиграфами // Культура и наука Дальнего Востока. 2021. № 2 (31). С. 37–42. EDN: RLWKUH

26. *Павлова Е.* Завальнюк, который всегда с тобой: в Благовещенске в третий раз вручили премию известного поэта // Амурская правда. 26.10.2018.
URL: https://ampravda.ru/2018/10/26/085064.htm (дата обращения: 09.04.2021).

27. *Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н.* Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 1. 512 с.

28. *Урманов А.В.* Мы твёрдо стали на Амуре…: История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях: монография. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. 528 с.

29. *Эпштейн М.Н.* Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 480 с.

References

1. *Borovskaya A.A.* Genre transformations In Russian poetry of the first third of the 20th century: Doctor’s degree thesis. Astrakhan, 2009. 527 p.

2. *Broytman S.N.* Historical poetics. *Theory of literature*: Textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: In 2 volumes. Ed. by N.D. Tamarchenko. Vol. 2. Moscow: Akademiya Publ., 2004. 368 p.

3. *Veselovsky A.N.* On folk motifs in ballads about Lenore. *Zhurnal Ministerstva narodnogo obrazovaniya.* St. Petersburg, November 1885, pp. 71–79.

4. *Gamerman Yu.V.* Leonid Zavalnyuk: facets of fate, facets of talent. *Amur: Literary Almanac of Blagoveshchensk State Pedagogical University*. Blagoveshchensk: Publishing House of Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2004, no. 3, pp. 82–91.

5. *Gamerman Yu.V.* The man I love. Blagoveshchensk: Macro-S Publ., 2009. 189 p.

6. *Zavalnyuk L. "*Vsyo s vamy, no ne vash" (Everything is with you, but not yours). Selected works. Saint Petersburg: Aleteiya, 2019. 680 p.

7. *Zavalnyuk L.* Another dimension. Moscow: Zebra E Publ., 2012. 504 p.

8. *Zavalnyuk L.* Behind the retreating horizon: Ballads and a Poem. Blagoveshchensk: Amurskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1956. 104 p.

9. *Zavalyniuk L.* A man caresses a lady: Poems. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2014. 208 p.

10. *Zavalyniuk L.* Planet Zet. Moscow: Zebra E Publ., 2006. 416 p.

11. *Zavalyniuk L.* Foreshadowing. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2014. 296 p.

12. *Zavalyniuk L.* Prophet's waiting. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2017. 200 p.

13. *Zavalnyuk L.* Word and color. One hundred poems – one hundred paintings. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2014. 208 p.

14. *Zavalnyuk L.* Poems. Blagoveshchensk: Amur State University Publishing House, 2001. 272 p.

15. *Zavalnyuk L.* Currents of soul. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2017. 176 p.

16. *Zavalnyuk L.* Three Poems. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2018. 226 p.

17. *Ivashina V.V.* The evolution of the ballad genre In Russian literature: General Trends. *Culturology, Philology, Art History: Current Issues of Modern Science*: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk: Association of Research Scientists "Siberian Academic Book", 2018, pp. 67–72.

18. *Karasik V.I.* Rethinking of fratricide myth in fiction text. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 78–85. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-78-85

19. *Kvyatkovsky A.P.* Poetic dictionary. Sci ed. I. Rodnyanskaya. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1966. 376 p.

20. *Kireeva N.V.* The Leonid Zavalnyuk literary prize: Developing mechanisms for supporting and promoting the "Amur Text" to the reader. *Losev Readings – 2019*: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Ed. by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2019, pp. 55–60.

21. *Kireeva N.V.* Unknown Leonid Zavalnyuk: Initial results of work with the writer's manuscript archive. *Losev Readings – 2018*: Proceedings of the XI Regional Scientific and Practical Conference. Ed. by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2018, pp. 57–64.

22. *Kireeva N.V., Timoshkova V.V.* Image of a road in the Leonid Zavalnyuk's poetry. *Losev Readings – 2014*: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Ed. by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2014, pp. 46–54.

23. *Kravtsov N.I.* Slavic folk ballad. *The Problem of Slavic Folklore*. Moscow: Nauka Publ., 1972. 360 p.

24. *Krasovskaya S.I.* Leonid Andreevich Zavalnyuk. *Encyclopedia of Literary Life in the Amur Region of the 19th–21st Centuries*. Ed. by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2013, pp. 149–153.

25. *Krasovskaya S.I.* Leonid Zavalynyuk between 'Angle' and 'Oval,' or about a poem with two epigraphs. *Culture and Science of the Far East*, 2021, no. 2 (31), pp. 37–42.

26. *Pavlova E.* Zavalnyuk who is always with you: the famous Poet's Prize awarded for the third time in Blagoveshchensk. *Amurskaya Pravda*, October 26, 2018. URL: https://am-pravda.ru/2018/10/26/085064.htm (accessed: 09.04.2021).

27. *Tamarchenko N.D., Tyupa V.I., Broytman S.N.* Theory of artistic discourse. Theoretical poetics. *Theory of Literature*: A Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Education Institutions. Ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow: Akademiya Publ., 2004 vol. 1, pp. 512.

28. *Urmanov A.V.* We firmly stood on the Amur…: the history of Amur Region literature in persons, fates, and creative quests: Monograph. Blagoveshchensk: Publishing House of Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2019. 528 p.

29. *Epstein M.N.* Poetry and super-Poetry: on the diversity of Creative worlds. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 480 p.

Статья поступила в редакцию / Received 19.02.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 06.05.2025
Принята к публикации / Accepted 06.05.2025

Научная статья
УДК 830.035
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/23-34

Сравнительный анализ переводов на русский язык стихотворения Г. Тракля “Menschheit”

Дмитрий Андреевич Андреев[1]
Научный руководитель: **Виталий Иванович Пинковский**[2]

[1,2] Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Российская Федерация
[1] Аспирант, Педагогический институт, кафедра социальных и гуманитарных наук, dmitrii.andreev@hotmail.com
[2] Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии и журналистики, alennart@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена сравнительному анализу пяти русскоязычных переводов стихотворения Георга Тракля “Menschheit” («Человечество»). Актуальность исследования определяется значимостью творчества Тракля в контексте литературы экспрессионизма и необходимостью глубокого понимания его символической и философской многослойности при переводе. В ходе анализа рассматриваются ключевые аспекты передачи апокалиптической атмосферы, религиозной символики и экспрессионистских образов. Особое внимание уделяется выбору лексики, сохранению ритмической структуры и степени интерпретации, влияющих на художественную ценность текста.

Ключевые слова: Тракль, экспрессионизм, перевод

Для цитирования: Андреев Д.А. Сравнительный анализ переводов на русский язык стихотворения Г. Тракля “Menschheit” / науч. рук. В.И. Пинковский // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 23–34.

Original article

Comparative analysis of Russian translations of G. Trakl’s poem “Menschheit”

Dmitry A. Andreev[1]
Scientific advisor: **Vitaly I. Pinkovsky**[2]

[1,2] North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation
[1] Postgraduate Student, Pedagogical Institute, Department of Social and Human Sciences, dmitrii.andreev@hotmail.com
[2] Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Russian Philology and Journalism, alennart@mail.ru

Abstract. This study is devoted to the comparative analysis of five Russian translations of Georg Trakl’s poem “Menschheit”. The relevance of the research is determined by the significance

© Андреев Д.А., 2025

of Trakl’s work in the context of Expressionism and the necessity of a deep understanding of its symbolic and philosophical complexity in translation. The analysis examines key aspects of conveying the poem’s apocalyptic atmosphere, religious symbolism, and Expressionist imagery. Special attention is paid to the choice of vocabulary, preservation of rhythmic structure, and degree of interpretation, all of which influence the artistic value of the text.

Key words: Trakl, expressionism, translation

For citation: Andreev D.A. Comparative analysis of Russian translations of G. Trakl’s poem “Menschheit” / sci. adv.: V.I. Pinkovsky. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 23–34. (In Russ.).

Георг Тракль (1887–1914) родился в Зальцбурге в семье состоятельного торговца. Его жизнь была омрачена апокалиптическими предчувствиями, душевными конфликтами. К моменту написания стихотворения “Menschheit” («Человечество») Тракль находился в состоянии глубокого душевного кризиса. Его мрачное восприятие человечества, обречённого и погрязшего в грехе, прямо связано с общей атмосферой европейского декаданса, предшествующего Первой мировой войне. В 1914 году он, будучи военным фармацевтом, стал свидетелем ужасов войны, окончательно утратил жизненные силы и, предположительно, покончил с собой.

Цель работы – сравнительный анализ пяти переводов стихотворения Георга Тракля “Menschheit” на русский язык. Актуальность исследования обусловлена значимостью творчества Тракля в контексте направления экспрессионизм и необходимости глубокого понимания его символических и философских аспектов в переводе. Материалом послужили оригинал стихотворения и его переводы.

Стихотворение “Menschheit” было написано в 1913 году. Оно погружает читателя в тревожную атмосферу предчувствия неизбежной катастрофы. Европа в этот период находилась на грани масштабного военного конфликта. Политическое напряжение, индустриализация, кризис гуманизма создавали ощущение общего духовного упадка. Экспрессионисты, а к этому литературному направлению принадлежит творчество Тракля, воспринимали эти процессы как симптомы конца цивилизации. В произведениях Тракля эта тема выражена в апокалиптических и религиозных символах, что особенно отчётливо обнаруживается в стихотворении “Menschheit”.

Стихотворение не только отражает внутренние экзистенциальные конфликты автора, но и предвосхищает апокалиптические события Первой мировой войны, начавшейся через год после создания стихотворения (оригинал стихотворения приведён ниже).

MENSCHHEIT

Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt,
Ein Trommelwirbel, dunkler Krieger Stirnen,
Schritte durch Blutnebel; schwarzes Eisen schellt,
Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen:
Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld.
Gewölk, das Licht durchbricht, das Abendmahl.
Es wohnt in Brot und Wein ein sanftes Schweigen
Und jene sind versammelt zwölf an Zahl.

Nachts schrein im Schlaf sie unter Ölbaumzweigen;
Sankt Thomas taucht die Hand ins Wundenmal.

Стихотворение состоит из двух пятистиший и написано ямбом. Между собой рифмуются первая, третья, пятая и вторая, четвёртая строфы в каждом пятистишии. Интерес вызывает шестая строка – она ритмически выделяется из всего стихотворения. В первой строфе возникает образ человечества, стоящего перед “Feuerschlünden” (огненными безднами), являющимися метафорой апокалиптической катастрофы. Барабанный бой и лязг чёрного железа создают атмосферу войны и обречённости. Этот символ апокалипсиса, связанный с предчувствием грядущей войны, усиливает ощущение коллективной вины и страха перед неизбежным. Во второй строфе появляются библейские аллюзии. Здесь “Evas Schatten” (тень Евы) отсылает к первородному греху, а упоминание “rotes Geld” (красных денег) – к крови и коррупции человеческой души, аллюзии на мотивы грехопадения и искушения. В них автор находит параллель между библейским прошлым и современным состоянием человечества, где моральные принципы подменены материальными ценностями. Заключительные строки переносят читателя в пространство Тайной вечери (Abendmahl), однако здесь акцентирован не сакральный характер этого события, но сомнение и отчаяние, воплощённые в образе Святого Фомы (Sankt Thomas), проверяющего раны Христа. Христианские образы у Тракля не связаны с надеждой на спасение. Вместо святого молчания апостолов звучат их крики во сне под оливковыми деревьями, а Фома олицетворяет неверие в божественное чудо.

Тракль мастерски сочетает религиозные аллюзии с экспрессионистскими образами, подчёркивая деградацию человечества. Барабанный бой, железный звон и кровавый туман представляют войну как неизбежную катастрофу. Этот мотив – центральный в стихотворении – отражает растущее беспокойство по поводу состояния европейского мира. Образ «тени Евы» и аллюзии к Тайной вечере позволяют Траклю изобразить человечество греховным и несущим ответственность за собственное разрушение. Религиозные образы лишены святости, что подчёркивает упадок духовных ценностей в современной эпохе. Стихотворение “Menschheit” можно рассматривать как пророческое заявление о состоянии мира перед Первой мировой войной. Образ человечества, стоящего перед огненной пастью, отражает неспособность предотвратить надвигающийся кризис. Тракль, будучи свидетелем распада старых ценностей, соединяет в тексте личное чувство отчаяния с общечеловеческой трагедией.

Образы Библии, в частности Тайная вечеря, обычно ассоциирующиеся с искуплением и надеждой, у Тракля теряют позитивное значение. Крики апостолов и сомнения Фомы подчёркивают разрыв между человечеством и верой в возможность спасения. Это может быть связано с ощущением утраты божественного порядка в мире, где война становится новой реальностью. Тракль создал поэтический текст, предвосхищающий ужасы Первой мировой войны, и одновременно обнажил глубокий духовный кризис человека. В символах и библейских образах, в мрачной атмосфере он выразил чувство утраты и отчаяния, характерное для эпохи модернизма. Биографический контекст, внутренние страдания автора, его болезненное восприятие мира усиливают трагический пафос произведения, делая его универсальным выражением духовного упадка и человеческой трагедии.

Перевод А. Солянова демонстрирует попытку максимально сохранить экспрессионистский дух оригинала, при этом адаптируя его к русской поэтической традиции. В переводе чувст-

вуется высокий уровень художественной обработки текста, что делает его эмоционально выразительным и ритмически организованным. В переводе сохранены оригинальные размеры стихотворения: ямб, два пятистишия с рифмовкой ABAB.

РОД ЛЮДСКОЙ

Пред бездной огненной построен род людской,
Дробь барабана, рати в гари жирной,
Сквозь червлень мглы удар подков глухой:
Ум плачет, обручённый с тьмой всемирной,
Тень Евы здесь, червонцы, гон лихой.
Лучом пробита облачная скань.
Вино и хлеб – путь жертвы молчаливой,
Се кротко отдают Двенадцать дань
И вопиют, уснувши под оливой;
Святой Фома влагает в раны длань.

Перевод А. Солянова

Первая строка «Пред бездной огненной построен род людской» передаёт идею оригинала, но замена нейтрального слова «поставлен» (aufgestellt) на «построен» добавляет некоторой искусственности. Вместо экспрессионистского ощущения хаоса возникает образ организованного, почти ритуального действия. Это усиливает коллективный характер сцены, но отчасти ослабляет её катастрофический тон. Аналогичное усиление военной символики наблюдается в строке «Сквозь червлень мглы удар подков глухой», где образ «подков» заменил слово «шаги» из оригинала. Это смещает акцент с тревожной, апокалиптической атмосферы на более конкретный военный контекст. Вместе с тем слово «червлень» добавляет тексту архаической поэтичности, что делает перевод эмоционально насыщеннее, но несколько отдаляет его от лаконичной строгости оригинала. Строка «Ум плачет, обручённый с тьмой всемирной» является интерпретацией строки “Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen” из оригинального текста. Здесь переводчик уходит от буквальной передачи смысла (отчаяние, ночь в печальных мозгах) в сторону более метафорической фразы, придающей эмоциональную глубину. Образ «ума», обручённого с «тьмой всемирной», усиливает масштабность и универсальность упадка, что удачно сочетается с общим тоном стихотворения, однако теряется непосредственность оригинального выражения. Строка «Тень Евы здесь, червонцы, гон лихой» демонстрирует сочетание смыслов оригинала. “Evas Schatten” в оригинале символизирует первородный грех и искушение, а “rotes Geld” – намёк на кровь или преступную материальность. В переводе эти образы переработаны: «червонцы» сохраняют отсылку к материальным ценностям, а «гон лихой» добавляет динамику, что усиливает ощущение алчности и морального падения. Однако прямолинейность этих образов лишает их той загадочной символической насыщенности, которая характерна для Тракля.

В строках, связанных с религиозными мотивами, переводчик стремится передать атмосферу святости и жертвенности. Фраза «Лучом пробита облачная скань» звучит поэтично и возвышенно, сохраняя визуальный образ света, прорывающегося через облака. Перевод «Вино и хлеб – путь жертвы молчаливой» адекватно передаёт идею Тайной вечери из оригинала, однако добавляет интерпретационный слой: слова «путь» в оригинале нет. Оно акцентирует про-

цесс искупления, что расширяет смысловое значение текста. Завершающие строки «И вопиют, уснувши под оливой; Святой Фома влагает в раны длань» демонстрируют почти буквальную точность, сохраняя ключевые библейские образы. Здесь переводчик точно передаёт атмосферу сомнения и тревоги, связанную с образом Фомы. Переводчик бережно работает с образами Тракля, однако делает их более конкретными и эмоционально насыщенными, что иногда приводит к отступлениям от лаконичной строгости и многозначности оригинала. А. Солянов добавляет тексту яркую эмоциональную окраску, усиливая элементы трагизма и апокалипсиса, что делает перевод удачной адаптацией для русскоязычной аудитории, но частично он утрачивает ту сдержанность и аллегорическую открытость, какие присущи оригиналу.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Идут повзводно, чтоб в геенну впасть,
Дробь барабана, воинов оскалы,
Туман кровавый, звон, червонцы – в масть,
Ночь царствует в умах, и все сначала:
Где призрак Евы – там металла власть.
В разрывах туч – свет Вечери, сама
Святая немота в вине и хлебе.
И те двенадцать, что сошли с ума,
Кричат во сне о недоступном небе:
Перстами рану бередит Фома.

Перевод А. Прокопьева

Перевод А. Прокопьева представляет собой сложную художественную интерпретацию оригинала, выполненную с акцентом на драматизм и экспрессию. Переводчик сохраняет ключевые образы, но изменяет их тональность, добавляя элементы эмоциональной напряжённости. В переводе А. Прокопьева сохранён двусложный размер. Но вместо шестистопного ямба он использует пятистопный ямб, что придаёт переводу большую ритмичность, придавая ему сходство с маршем.

Первая строка «Идут повзводно, чтоб в геенну впасть» передаёт трагизм ситуации и обречённость человечества, представленные в оригинале. Однако выбор слов «идут повзводно» создаёт военный контекст, отсутствующий у Тракля в таком явном виде. В оригинале “Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt” подразумевает символическое состояние человечества перед «огненными безднами». В переводе А. Прокопьева движение вперёд ассоциируется с маршем смерти и коллективной безысходностью. Упоминание «геенны» вместо «огненных бездн» добавляет библейской конкретики, но ограничивает многозначность исходного образа, который мог бы интерпретироваться шире. Фраза «Дробь барабана, воинов оскалы» экспрессивно и точно передаёт военную атмосферу. Однако использование слова «оскалы» вместо «тёмные лбы воинов» (dunkler Krieger Stirnen) меняет визуальный образ. У Тракля важен контраст между физической неподвижностью солдат и их внутренним отчаянием, но А. Прокопьев усиливает агрессию, придавая образам больше динамизма и угрожающего характера. В строке «Туман кровавый, звон, червонцы – в масть» наблюдается ещё большее отступление от текста Тракля. Сравнение с карточной мастью и метафорическая связка «червонцы – в масть» заменяют оригинальный символ «красных денег» (rotes Geld), который отсылает к ма-

териальной жадности и коварству. Эти изменения делают перевод более ярким, но отдаляют его от исходной символики. Строка «Ночь царствует в умах, и все сначала» перерабатывает оригинальное “Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen”. У Тракля здесь явное отчаяние и мрак в сознании, а у Прокопьева добавлен мотив вечного повторения (всё сначала), что придаёт тексту философскую глубину. Однако в оригинале такая трактовка неочевидна. Образ «призрака Евы» и «власти металла» усиливает аллюзию на первородный грех и современные индустриальные реалии, что соответствует духу стихотворения. Однако строка «Где призрак Евы – там металла власть» более однозначна, чем оригинальное “Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld”, где речь шла не только о Еве, но и об охоте и жадности, указывающих на потерю духовности. Символ света в строке «В разрывах туч – свет Вечери» сохранён, но дополнен конкретизацией, отсутствующей у Тракля. В оригинале свет, прорывающийся сквозь облака, более неопределённый и метафоричный, а его связь с Тайной вечерей интерпретируется читателем. А. Прокопьев делает эту связь очевидной, что упрощает восприятие, но снижает многозначность образа.

Заключительные строки перевода сохраняют трагизм и напряжённость оригинала. Образ двенадцати апостолов, которые «сошли с ума», придаёт тексту эмоциональный надрыв, но устраняет ту тихую обречённость, что присутствует у Тракля. Вместо «вопля во сне под оливой» (Nachts schrein im Schlaf sie unter Ölbaumzweigen) здесь звучит крик о «недоступном небе», что привносит новый философский оттенок тоски по утраченной высшей истине. Последняя строка «Перстами рану бередит Фома» точнее передаёт жест сомневающегося апостола, чем многие другие переводы, сохраняя и метафизическое напряжение, и реалистичность образа.

Таким образом, в переводе А. Прокопьева стихотворение Тракля переосмыслено, в нём больше драматизма и экспрессии. Переводчику удаётся создать яркую и эмоционально насыщенную версию, но при этом возникают дополнительные интерпретационные слои и проще становятся некоторые образы оригинала. В этом тексте больше конкретности и риторической яркости, чем в оригинальном стихотворении, что делает его более понятным, но менее многозначным и атмосферным.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Людей глотает огненный дракон,
Бой барабанный, армий обреченность,
Шаги в кровавой мгле; железа черный звон,
Отчаянье, рассудка помраченность:
Здесь деньги, Евы тень и вечный гон.
Лучи сквозь тучи, вечер, благодать.
Хлеб и вино, и ужин молчаливый,
И те двенадцать собрались опять.
Заснув, они кричат в тени оливы;
Фоме неймется веру испытать.

Перевод И. Калугина

Перевод И. Калугина отличается стремлением к лаконичности, сохранению основной символики и структурной точности оригинала. В отличие от более вольных интерпретаций,

этот перевод ближе к тексту Тракля, хотя переводчик привносит определённые изменения, смещающие акценты и иногда упрощающие сложные образы автора. Переводчик сохраняет апокалиптический дух стихотворения, но использует более прямолинейные выражения, которые делают текст доступнее для современного читателя, при этом несколько теряется аллюзивная многослойность оригинала.

Первая строка перевода – «Людей глотает огненный дракон» – интерпретирует оригинальное “Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt”. Здесь переводчик заменяет образ «огненных бездн» (Feuerschlünden) образом «огненного дракона», что добавляет ему мифологический и фантастический оттенок. Этот выбор усиливает экспрессию, делая катастрофу более персонифицированной и зрелищной, однако такой образ не соответствует замыслу Тракля. Поэт описывает безликий и всеобъемлющий апокалипсис, избегая мифологических конкретизаций. Переводчик сохраняет авторский ямб, но уменьшает количество слогов.

Во второй строке – «Бой барабанный, армий обреченность» – сохранена экспрессивная военная символика оригинала. Однако слово «обреченность» заменяет более нейтральный образ «тёмных лбов воинов» (dunkler Krieger Stirnen). Это смещает акцент с внутреннего состояния солдат (их тревоги, замкнутости и подавленности) на обобщённый фатализм происходящего. Перевод, таким образом, усиливает идею коллективной гибели, но лишает строку интимной связи с конкретными участниками катастрофы. Данная строка представлена трёхсложным дактилем.

Третья строка – «Шаги в кровавой мгле; железа черный звон» – достаточно близка оригиналу “Schritte durch Blutnebel; schwarzes Eisen schellt”. Образ «кровавой мглы» и «черного звона железа» сохраняет ключевые детали текста Тракля, отражая хаос, насилие и тревогу. Этот фрагмент перевода удачно передаёт атмосферу гибели, при этом остаётся лаконичным и точным. Сохранён авторский ямб.

В строке «Отчаянье, рассудка помраченность» переводчик справляется с задачей передачи экспрессионистского образа оригинала: “Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen”. Однако «рассудка помраченность» заменяет оригинальное «ночь в печальных мозгах», что лишает образ его зловещей визуальной конкретики и внутренней динамики. Вместо ощущения мрака и тьмы в сознании создаётся более общий образ психологического упадка. Размер – трёхсложный анапест.

Образы «деньги, Евы тень и вечный гон» удачно интерпретируют оригинальную строку “Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld”, где упоминаются тень Евы, охота и кровавые деньги. И. Калугин сохраняет центральные символы, но заменяет «охоту» (Jagd) на «вечный гон», усиливая философский и экзистенциальный характер текста. Это адаптация, которая делает перевод более понятным для современного читателя, но уменьшает смысловую многоуровневость оригинала.

Фраза «Лучи сквозь тучи, вечер, благодать» представляет собой достаточно вольную интерпретацию строки “Gewölk, das Licht durchbricht, das Abendmahl”. В оригинале облака, через которые пробивается свет, метафорически связаны с темой Тайной вечери. И. Калугин делает акцент на «благодати», что усиливает христианский подтекст, но при этом исчезает образ света как символа надежды и откровения.

Строка «Хлеб и вино, и ужин молчаливый» сохраняет сакральные символы хлеба и вина, центральные для Тайной вечери. Однако перевод добавляет слово «ужин», которого в оригинале нет. Это упрощает образ, делая его более обыденным и снижая его метафизическую

глубину. Тем не менее образ молчания сохраняет ту атмосферу святости и жертвенности, которая была заложена в оригинале.

Заключительные строки – «И те двенадцать собрались опять. Заснув, они кричат в тени оливы; Фоме неймется веру испытать» – передают смысл оригинала (Und jene sind versammelt zwolf an Zahl. / Nachts schrein im Schlaf sie unter Ölbaumzweigen; / Sankt Thomas taucht die Hand ins Wundenmal), однако здесь возникает явное упрощение. Образ двенадцати апостолов, «собравшихся опять», слишком прямо указывает на их встречу, тогда как в оригинале это подчёркнуто нейтральное наблюдение. Сцена их крика во сне под оливами выдержана достаточно точно, но упоминание «недоступного неба», характерное для других переводов, здесь заменено спокойной и почти бытовой формулировкой «Фоме неймется веру испытать». Это снижает экспрессию и напряжённость образа Фомы, который в оригинале активно взаимодействует с раной как символом сомнения и стремления к пониманию.

В целом перевод И. Калугина отличается тщательностью, стремлением к ясности и сохранению общей атмосферы трагизма. Однако желание упростить сложные образы оригинала и усилить эмоциональную ясность иногда приводит к утрате символической многослойности, характерной поэзии Тракля. Перевод делает смысл более доступным для читателя, но снижает его экспрессионистскую напряжённость и внутреннюю динамику. Даже использование различных стихотворных размеров не создаёт ощущение «шума», а работает на поддержание атмосферы стихотворения.

ЛЮДСКОЙ РОД

Над огненною бездной род людской,
Бой барабанов, лязг, ожесточенье,
Туман кровавый, чёрных ратей вой,
Отчаяние, умопомраченье:
Тень Евы, похоть, золото, разбой.
Свет в облаке, причастья спелый плод.
И в хлебе и вине молчанье живо,
И те двенадцать продолжают сход.
И стонут по ночам в тени оливы;
Перст на рубцы от ран Фома кладёт.

Перевод В. Летучего

Перевод В. Летучего представляет собой интерпретацию с сохранением ключевых образов оригинала и с ярко выраженным акцентом на лексическую сжатость и поэтическую выразительность. Особенность перевода В. Летучего – акцентирование символических аспектов стихотворения, стремление сохранить атмосферу трагизма и апокалиптической неизбежности, присущую тексту Тракля. Однако некоторые нюансы оригинала теряются, а порой переведённый текст становится более лаконичным, что снижает его многозначность и глубину. Первая строка перевода – «Над огненною бездной род людской» – достаточно точно передаёт смысл оригинала (Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt). Однако слово «род» вносит определённую детерминацию, делая образ человечества более коллективным и не таким абстрактным, как в оригинале, где можно было воспринимать «человечество» как некую универсальную сущность. Здесь переводчик акцентирует внимание на идее судьбы и массовой ответственнос-

ти. Во второй строке – «Бой барабанов, лязг, ожесточенье» – сохраняет важную военную тематику. Применение слов «лязг» и «ожесточенье» эффективно передаёт агрессивную атмосферу, но теряет изначальную напряжённость Тракля, где звуки барабана и металл были скорее символами неизбежности и цикличности трагедии, нежели конкретного конфликта. Вместо этого в переводе создаётся ощущение конкретной войны, что акцентирует образ насилия, но упрощает философский подтекст. Третья строка – «Туман кровавый, чёрных ратей вой» – представляет собой яркую визуализацию туманного и хаотичного мира. Образ «кровавого тумана» соответствует оригиналу, но слово «вой» вносит дополнительную конкретику, намекая на шум сражений, что подчёркивает внешний конфликт, но снижает многозначность образа, который у Тракля был ближе к внутреннему, психологическому состоянию. Строка «Отчаяние, умопомраченье» передаёт основной смысл строки (Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen) – отчаяние и психическое замешательство. В данном случае переводчик не уходит от буквальности, что помогает сохранить точность перевода, однако теряется глубина трагедии, заложенная в изначальном образе «мозгов», где Тракль акцентирует внимание на внутреннем, беспокойном состоянии сознания, а не на более общем «умопомрачении». Образ «Тень Евы, похоть, золото, разбой» достаточно точно передаёт символику оригинала. В первой части строки “Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld” упоминаются тень Евы, охота и красные деньги, но переводчик заменяет «охоту» на «похоть», что придаёт строке более прямолинейную сексуальную коннотацию. Это изменяет акцент: если в оригинале «охота» скорее связана с понятием преследования, то «похоть» здесь создаёт более явный моральный контекст, осуждающий людскую жажду наслаждения и власти. Строка «Свет в облаке, причастья спелый плод» интерпретирует образ света, пробивающего облака в контексте религиозной символики, связанной с Тайной вечерей. Однако переводчик несколько упрощает оригинал, заменяя образ «вечери» на более абстрактное «причастье». Это делает текст более универсальным и понятным, но снижает его конкретную связь с христианским символизмом, присущим исходному стихотворению. «И в хлебе и вине молчанье живо» – точная передача оригинальной строки, в которой присутствует важное символическое значение. Использование слов «молчанье живо» помогает сохранить таинственную и сакральную атмосферу этой сцены, однако, возможно, теряется более глубокая ассоциация с духовным и метафизическим аспектом, присущим оригиналу. Заключительные строки перевода – «И те двенадцать продолжают сход. / И стонут по ночам в тени оливы; / Перст на рубцы от ран Фома кладёт» – весьма близки к оригиналу, однако переводчик несколько сокращает динамику. Описание двенадцати апостолов, собравшихся снова, звучит достаточно нейтрально, лишая образ трагической неизбежности, которая была в оригинале. В последней строке образ сомневающегося Фомы приобретает меньше акцента на внутреннюю борьбу, превращаясь, скорее, в акт физической проверки.

Таким образом, перевод В. Летучего сохраняет основные символы и атмосферу стихотворения Тракля, но при этом делает его более прямолинейным и доступным. В тексте ощущается стремление к лаконичности и выразительности, что в целом делает перевод более понятным для читателей. Однако, в отличие от оригинала, в котором присутствуют тонкие, многозначные образы и символы, этот перевод более откровенен, что снижает многослойность и философскую глубину исходного произведения. Также В. Летучий сохраняет стихотворный размер – ямб.

Перевод Н. Колесниковой демонстрирует глубокое понимание символики и настроения оригинала. Этот перевод сочетает точность передачи образов и стилистическую гибкость, что

позволяет передать трагический и философский дух стихотворения, оставаясь при этом верным изначальной структуре. В отличие от некоторых других переводов, где акценты расставляются на экспрессионистской яркости и напряжённости, в переводе Н. Колесниковой сохраняется религиозная и философская многослойность, а также ощущение неизбежности катастрофы.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Человеческий род в строю пред бездной огня.
Дробь барабанов, воинов тёмные лица.
Металла чёрного звон и красный туман.
Отчаянье, мрак, от дум некуда скрыться:
Тень Евы, деньги в крови, что льётся из ран.
Сквозь туч заслон – Вечери тайной свет,
В вине и хлебе кроткое молчанье.
И все Двенадцать в сборе... Только нет
Им ночью сна среди олив печальных.
Святой Фома вложил в Христову рану перст.

Перевод Н. Колесниковой

Первая строка – «Человеческий род в строю пред бездной огня» – достаточно точно передаёт оригинальное “Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt”. Использование выражения «в строю» слегка смещает акцент с неизбежной гибели (как в оригинале), добавляя военную нотку дисциплины, что также указывает на коллективную судьбу человечества. Однако, несмотря на это, метафора «бездна огня» сохраняет ту мрачную картину, которую рисует Тракль, подчёркивая катастрофический характер происходящего. Вторая строка – «Дробь барабанов, воинов тёмные лица» – достаточно точно интерпретирует исходный образ (dunkler Krieger Stirnen). Однако использование фразы «тёмные лица» расширяет визуальную картину, добавляя образ лиц, что может затруднить восприятие внутреннего напряжения, заложенного в оригинальном образе «военных лбов», ассоциирующихся скорее с внутренними конфликтами, а не с внешней агрессией. С другой стороны, использование «дроби барабанов» сохраняет ритмичность и апокалиптическую динамику. Строка «Металла чёрного звон и красный туман» – прямой перевод фраз оригинала. Образ «красного тумана» является довольно точной интерпретацией “Blutnebel”, что сохраняет метафорический образ войны и насилия. «Звон металла» эффективно передаёт ощущение мощи и холодной решимости, в то время как красный туман усиливает визуальный образ хаоса, кровопролития и смерти.

В строке «Отчаянье, мрак, от дум некуда скрыться» чувствуется сильное психологическое напряжение, соответствующее оригиналу “Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen” (Отчаяние, ночь в печальных мозгах). Использование «мрак» и «некуда скрыться» является художественным усилением, что делает образ ещё более отчаянным, хотя он при этом утрачивает исходную метафору Тракля, где «ночь в мозгах» символизирует не только внешнюю, но и внутреннюю тьму. Стихотворная линия «Сквозь туч заслон – Вечери тайной свет» представляет собой интерпретацию образа, связанного с христианской темой Тайной вечери, где свет, пробивающий тучи, воспринимается как символ божественного откровения. Перевод «Вечери

тайной свет» делает этот образ более прозрачным и прямолинейным, что может ограничивать ту многозначность, которую Тракль вложил в свои религиозные образы. Фраза «В вине и хлебе кроткое молчанье» сохраняет важность символики хлеба и вина в христианской традиции. В оригинале Тракль использует образ молчания в контексте жертвенной трапезы, и перевод Н. Колесниковой адекватно передаёт это молчание как кроткое и умиротворённое, что в сочетании с образом хлеба и вина приобретает религиозную и метафизическую значимость.

Заключительная часть стихотворения – «И все Двенадцать в сборе... Только нет / Им ночью сна среди олив печальных» – довольно точно передаёт оригинальную сцену, в которой апостолы, несмотря на их собранность, остаются лишёнными покоя. Здесь поэт сохраняет атмосферу экзистенциального страха и сомнения, однако слово «печальных» добавляет ещё один эмоциональный оттенок, усиливая тоскливость этого образа. Последняя строка «Святой Фома вложил в Христову рану перст» сохраняет важность сцены сомнения и испытания веры. Этот момент традиционно ассоциируется с сомнением Фомы и его стремлением к подтверждению истинности. В данном случае перевод адекватно сохраняет образ сомневающегося апостола, однако его роль в ситуации проверки и сомнения приобретает менее динамичную форму.

Переводы стихотворения Тракля “Menschheit” варьируются в степени точности и глубины передачи оригинала. Каждый из переводчиков подходит к передаче стихотворения с разной степенью личной интерпретации, что влечёт за собой как сохранение, так и утрату некоторых важных аспектов философского и символического содержания. В этом контексте можно выделить несколько ключевых сходств и отличий между переводами, а также отметить наиболее точный перевод.

Все переводы сохраняют ключевые элементы символизма, присутствующие в оригинале. Это и мрак, и отчаяние, и катастрофические образы, связанные с войной, разрушением и внутренним кризисом человечества. Переводчики не отклоняются от основной тематики, связанной с военной агрессией, апокалипсисом и духовным поиском. В каждом из переводов есть чёткий акцент на судьбе человечества, его коллективной ответственности перед лицом неизбежного катаклизма. Изображение человечества «стоящим» или «находящимся перед бездной» сохраняется в каждом переводе, что подчёркивает мотивы тотальной гибели и разрушения. Основные мотивы стихотворения Тракля – мотивы христианской жертвы и Тайной вечери. Они выражены в образах хлеба, вина и фигуры Святого Фомы и присутствуют в каждом переводе, что позволяет сохранить религиозный контекст, ставший неотъемлемой частью философского содержания стихотворения.

Каждый переводчик подходил к выбору стиля по-своему. Например, перевод И. Калугина отличается более яркими и визуально насыщенными образами, такими как «кровавый туман» или «железный звон», что создаёт впечатление яркой, почти кинематографичной сцены. В то же время у В. Летучего стиль более сдержанный и лаконичный, что делает перевод более абстрактным и сконцентрированным на метафизике, а не на внешней картине. Это добавляет тексту философской глубины, но может затруднить восприятие менее подготовленного читателя.

В переводе А. Прокопьева значительно акцентирована абстрактность образов и философский подтекст, сохранена смысловая неоднозначность оригинала. С другой стороны, перевод Н. Колесниковой акцентирует более конкретные образы и эмоциональную выразительность, что упрощает его восприятие.

В переводах Н. Колесниковой и А. Прокопьева наблюдается ярко выраженное внимание к религиозной символике. В частности, роль Святого Фомы, который сомневается, испытывает веру, становится важным моментом. При этом в переводе Н. Колесниковой используются более явные религиозно окрашенные выражения, такие как «перст на рубцы от ран». Это усиливает духовную и этическую экспрессию текста, что, в свою очередь, придаёт ему более религиозный характер, чем это свойственно другим интерпретациям.

На наш взгляд, перевод А. Солянова является самым удачным из представленных. Этот перевод сочетает в себе точность в передаче символов и образов, сохраняя при этом богатство философского подтекста оригинала. А. Солянову удалось сохранить атмосферу мрака, отчаяния и внутренней борьбы, важную для Тракля. В его переводе ярко выражены религиозные и экзистенциальные темы, и одновременно текст остаётся достаточно ясным для читателя, не знакомого с источниками философских аллюзий. В то же время стиль не теряет метафоричности и глубины, что делает перевод многозначным, как и сам оригинал.

Перевод Н. Колесниковой из представленных вариантов наименее удачен. Несмотря на воспроизведение основных символов и образов, он утрачивает сложность и многозначность оригинала. Н. Колесникова использует более прямолинейный способ выражения, что снижает философскую и метафизическую глубину текста. Её перевод в большей степени упрощён и менее выразителен, в нём отсутствуют те нюансы, какие делают стихотворение Тракля таким многозначным.

Список литературы

1. *Колесникова Н.* Георг Тракль. Человечество, 1913. URL: https://stihi.ru/2009/08/30/2038 (дата обращения: 02.02.2025).

2. *Тракль Г.* Себастьян во сне: Полное собрание стихотворений / пер. с нем. Владимира Летучего. 2-е. изд. М: Водолей, 2016. 224 с.

3. *Тракль Г.* Стихотворения. Проза. Письма / пер. с нем. А. Белобратова. Предисл. В. Метлами. СПб.: «Symposium», 2000. 640 с.

4. *Чайковский Р.Р.* Реальности поэтического перевода (типологические и социальные аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.

References

1. *Kolesnikova N.* Georg Trakl. Menschheit, 1913. URL: https://stihi.ru/2009/08/30/2038 (accessed: 02.02.2025). (In Russ.).

2. *Trakl G.* Sebastian in a dream: Complete collection of poems. Translated from German by Vladimir Letuchy. 2nd ed. Moscow: Vodoley, 2016. 224 p. (In Russ.).

3. *Trakl G.* Poems. Prose. Letters. Translated from German by A. Belobratov. Preface by V. Metlami. St. Petersburg: Symposium, 2000. 640 p. (In Russ.).

4. *Tchaikovsky R.R.* Realities of poetic translation (typological and social aspects). Magadan: Kordis, 1997. 197 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 24.02.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 12.03.2025
Принята к публикации / Accepted 30.04.2025

Научная статья
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/35-40

История переводов произведений А.К. Толстого в Китае

Ван Синьминь[1]

Научный руководитель: **Галина Ивановна Модина**[2]
[1, 2] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация
[1] Аспирант, van.sinm@dvfu.ru
[2] Доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, modina.gi@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1179-9666

Аннотация. Статья посвящена истории изучения переводов произведений А.К. Толстого (1817–1875) в Китае. Рассматриваются этапы знакомства китайских читателей с творчеством русского писателя от 1920-х гг., когда Цюй Цюбай впервые познакомил китайских читателей с русским эстетизмом и одним из его представителей – поэтом А.К. Толстым в публикации собрания его стихотворений с подробными комментариями в 2018 г. Отмечается интерес к творчеству писателя в 1980-е гг., возникший в связи с переводом его исторического романа «Князь Серебряный». Выявляется значение публикации сборника «Колокольчики мои…» как основы глубокого изучения лирики русского поэта и факта взаимодействия русской и китайской литературы и культуры.

Ключевые слова: А.К. Толстой, лирика, художественный перевод, «Колокольчики мои…», переводческая рецепция в Китае

Для цитирования: Ван Синьминь. История переводов произведений А.К. Толстого в Китае / науч. рук. Г.И. Модина // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 35–40.

Original article

History of translations of A.K. Tolstoy's works in China

Wang Xinmin[1]

Scientific advisor: **Galina I. Modina**[2]
[1,2] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
[1] Postgraduate Student, van.sinm@dvfu.ru
[2] Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Romance and Germanic Philology, modina.gi@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1179-9666

Abstract. The article is devoted to the history of the study of A.K. Tolstoy's works translations in China (1817–1875). The article considers the stages of acquaintance of Chinese readers with

© Ван Синьминь, 2025

the works of the Russian writer from the 1920s, when Qu Qiubai first introduced Russian aestheticism and one of its representatives, the poet A.K. Tolstoy in the publication of a collection of A.K. Tolstoy's poems with detailed commentaries in 2018. The article notes the interest in the writer's works in the 1980s, which arose in connection with the translation of his historical novel "Prince Serebryanny". The significance of the publication of the collection "My Bluebells…" as a basis for an in-depth study of A.K. Tolstoy's lyrics and the fact of interaction between Russian and Chinese literature and culture is revealed.

Key words: A.K. Tolstoy, lyrics, artistic translation, "My Bluebells…", translation reception in China

For citation: Wang Xinmin. History of translations of A.K. Tolstoy's works in China / sci. adv. G.I. Modina. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 35–40. (In Russ.).

А.К. Толстой (1817–1875) – драматург, прозаик и поэт, автор трагедий «Смерть Иоанна Грозного» (1865), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870), исторического романа «Князь Серебряный» (1862). Его лирику высоко ценили русские поэты А.А. Блок, В.Я. Брюсов, С.А. Есенин, В.В. Маяковский. Более семидесяти его стихотворений были положены на музыку известными композиторами – П.И. Чайковским, Н.А. Римским-Корсаковым, М.П. Мусоргским, С.В. Рахманиновым и другими, и получили большую известность.

Русские исследователи, в том числе Д.А. Жуков, В.И. Кулешов, В.И. Новиков, В.А. Котельников, А.П. Дмитриев, В.А. Кошелев, А.В. Федоров, Н.Н. Старыгина, Е.В. Никульшина и М.Н. Красникова, обращаются к изучению эстетических взглядов писателя, жанровых особенностей прозы, философских и религиозных мотивов лирики А.К. Толстого. Но творчество старшего писателя из рода Толстых изучено значительно меньше, чем произведения его знаменитых родственников Льва Толстого и Алексея Николаевича Толстого. В России публиковались собрания его произведений, но первое полное научно-критическое собрание всех сочинений писателя было опубликовано в 2017 году, а через год первый сборник его лирики был издан в Китае.

Заметим, что изучение творчества А.К. Толстого в Китае имеет свою историю, началось оно не с перевода его произведений, а с исследований мировоззрения и эстетических взглядов писателя. Впервые, в статье «Русская литература и революция» (1918), имя писателя упомянул Ли Дачжао, политический деятель, профессор Пекинского университета [3, с. 587]. В 1920-е годы интерес китайских литературоведов привлекла русская школа «чистого искусства», и здесь центром внимания стал А.К. Толстой. Цюй Цюбай в «Истории русской литературы», написанной во время путешествия по России в 1921–1922 годы, связывает обращение Толстого к идее «чистого искусства» с политическими взглядами писателя, его неприятием и консерватизма, и демократии. Цюй Цюбай видел в нём сторонника веротерпимости, гуманности, ценности национальной культуры [4, с. 532–533].

В 1924 году Чжэн Чжэньдуо в «Краткой истории русской литературы» уделил особое внимание А.К. Толстому и народному стилю его лирики. По словам Чжэн Чжэньдуо, поэзия Толстого очень музыкальна, обладает неповторимым очарованием формы [6, с. 68]. Работы исследователей 1920-х годов Ли Дачжао, Цюй Цюбай, Чжэн Чжэньдуо, Ван Туаньран стали фундаментом дальнейшего изучения творчества А.К. Толстого в Китае.

В 1940-е годы с началом антияпонской войны интерес ко многим произведениям русской литературы, и в том числе к творчеству А.К. Толстого, был утрачен. В начале 1950-х годов, в первые годы создания КНР, интерес к русской литературе стал доминирующим, но всё внимание было направлено на произведения советских писателей, а творчество А.К. Толстого, писателя-аристократа, было забыто. В конце 1950-х годов культурные контакты России и Китая были прерваны, новый этап политических и культурных связей начался в 1980-е годы, затем последовал перерыв, связанный с распадом Советского Союза, и межкультурный диалог Китая и России был восстановлен в новом столетии. Вновь возник интерес китайских литературоведов к русской литературе, русской поэзии и творчеству А.К. Толстого. Особое внимание китайских литературоведов привлекает поэтическая часть его творчества. Одним из оснований восприятия лирики Толстого в Китае стала «История русской литературы» Д.С. Мирского, опубликованная в 2013 году на китайском языке. В ней подчёркиваются свойственные лирике Толстого тонкость выражения чувств, выразительное изображение русской природы, идеи вечности и абсолюта [1, с. 304–306]. К лирике Толстого обращаются современные китайские учёные Юй Шуанянь Чжоу Лян, Цзэн Сыи, Ван Шуфэн, Чжоу Гочжун [5, с. 47].

История перевода произведений А.К. Толстого в Китае намного лаконичнее короткой истории изучения его произведений. Первым к переводу Толстого в Китае обратился писатель и переводчик, создатель современной китайской литературы Лу Синь (настоящее имя – Чжоу Шужэнь, 1881–1936). В 1909 году в соавторстве с братом, Чжоу Цзожэнем (1882–1967), он готовил к публикации перевод на китайский язык исторического романа «Князь Серебряный». Но по разным причинам им не удалось завершить эту работу, и рукопись перевода была утрачена. Роман «Князь Серебряный» на китайском языке был опубликован в 1984 году в переводе Ван Ляо, Ли Фэна и Вэй Цзя. В эти же годы были переведены двадцать стихотворений А.К. Толстого. Восемь из них в переводах Лай Хаочжи и других авторов под заголовком «Избранные лирические стихотворения А.К. Толстого» были опубликованы в журнале «Советская литература» в 1985 г. В журнале «Русско-советская литература» за 1986 год было опубликовано несколько стихотворений в переводах Лай Хаожи и Лай Хуа. Однако в конце 1980-х годов перевод русской литературы в Китае пережил спад, связанный с политическими обстоятельствами, и переводчики сосредоточили своё внимание на европейской и латиноамериканской, японской и корейской литературе.

Китайские исследователи и переводчики заново открыли русскую литературу в новом столетии. В 2012 г. в журнале «Китайская поэзия» под заголовком «Избранные стихотворения А.К. Толстого» были опубликованы девятнадцать стихотворений в переводах Цзэн Сийи и Ван Шуфэна. С 1985 по 2012 год в Китае стали известны только двадцать лирических произведений А.К. Толстого. Среди них стихи о природе, в том числе «Колокольчики мои…», «По гребле неровной и тряской…», «Запад гаснет в дали бледно-розовой...», «Источник за вишнёвым садом...», «Звонче жаворонка пенье...», «То было раннею весной…». Ещё несколько стихотворений посвящены теме любви, например, «Средь шумного бала, случайно…», «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре…».

Событием в истории изучения творчества А.К. Толстого и переводов его произведений в Китае стал опубликованный в 2018 году сборник под названием «Колокольчики мои: избранные лирические стихотворения А.К. Толстого» [2]. Переводчики: Цзэн Сии – профессор, исследователь творчества Ф.И. Тютчева, переводчик произведений Ф.М. Достоевского, Льва

Толстого, русской лирики, и Ван Шуфэн – доцент, преподаватель русского языка, автор статей о творчестве А.К. Толстого.

«Колокольчики мои…» – самое полное в Китае собрание лирики русского поэта. Это стихи разных лет и лирический цикл «Крымские очерки», созданный под впечатлением путешествия писателя с женой по Крыму в мае-июне 1856 года. Подстрочный перевод большей части стихотворений выполнила Ван Шуфэн, поэтическую форму им придал Цзэн Сии. Подстрочный перевод и поэтическая обработка другой части стихотворений полностью принадлежит Цзэн Сии. Сборник состоит из предисловия, переводов стихотворений и послесловия. В предисловии переводчики представляют основные произведения А.К. Толстого, его литературный статус, объясняют свои переводческие задачи. В послесловии представлен анализ стихотворений А.К. Толстого, их основные идеи, новое понимание смысла, замечания о трудностях перевода. Говоря о композиции сборника, авторы переводов указывают на возможность составить его по тематическому принципу, собрав в отдельные разделы лирику о любви, природе и философские стихи. Но они предпочли традиционный хронологический порядок с указанием даты создания произведения, точной или предположительной [2, с. 201–244].

Сборник включает 131 произведение А.К. Толстого, демонстрирующее читателям разные жанры его поэтического творчества: лирические стихотворения и баллады. В них размышления автора о жизни, любви, природе. Переводчики стремятся передать эмоциональный подтекст оригинальных стихотворений, сохранить их рифму и ритм, приблизить к восприятию современного читателя, сохранив при этом стиль оригинала.

Стихи А.К. Толстого о природе, отмечают переводчики, на первый взгляд, лишь красивые пейзажи, но эти прекрасные «пейзажи в стихах» передают богатые и глубокие движения чувств. Переводчики выделяют три особенности пейзажной лирики А.К. Толстого. Во-первых, это русские пейзажи с их национальным своеобразием, изображённые поэтом с любовью. Во-вторых, в пейзажной лирике А.К. Толстого звучат философские мотивы. В-третьих, описание природы у А.К. Толстого отличается тонкостью и наблюдательностью, в них возникает единство природы и души лирического героя [2, с. 201–244].

В переводе пейзажной лирики Ван Шуфэн и Цзэн Сии стремились передать все особенности русского пейзажа, его колорит в разные времена года. При переводе стихотворений о любви основная задача состояла в том, чтобы передать чувства автора: радость, печаль, боль, тоску, ревность. В переводах намеренно подчёркнуты искренность, незащищённость – переживания, непривычные для китайского читателя. Перевод философской и религиозной лирики потребовал понимания особенностей православного религиозного сознания и своеобразия выражения религиозного чувства и философских размышлений в лирике Толстого. Мистические образы, объясняют в послесловии переводчики, выражают благочестивую веру в Творца. Православный гуманизм отражается в сострадательной любви и страстном стремлении к абсолютной, Божественной истине [2, с. 201–244].

Задачу перевода некоторых образных выражений авторы решили, добавив к ним объяснения в тексте. Это несколько разрушает ритмичность и музыкальность перевода, но помогает читателю воспринять идеи во всей их полноте. Заметим, что передать в переводе ритм русского стихотворения – одна из самых сложных задач. В качестве примера приведём две строфы известного стихотворения «Колокольчики мои...» и сравним оригинал и его перевод на китайский язык.

Стихотворение в оригинале	**Перевод на китайский язык**	**Подстрочный перевод**
Колокольчики мои, Цветики степные! Что глядите на меня, Темно-голубые? И о чем звените вы В день веселый мая, Средь некошеной травы Головой качая?	我的风铃草， 草原的鲜花！ 黑蓝的眼睛， 为何望着我？ 在欢乐的五月 你丁零着什么？ 在没有收割过的青草中 你为何频频摇头？	Мои колокольчики. Степные цветы! Черные и голубые глаза. Почему смотрите на меня? В радостном месяце мае Что это вы *диньлинь*? В неубранной траве Почему вы качаете головой?
Конь несет меня стрелой На поле открытом; Он вас топчет под собой, Бьет своим копытом. Колокольчики мои, Цветики степные Не кляните вы меня, Темно-голубые!	马儿驮着我箭驰 在自由的原野上； 它的蹄声嗒嗒 把你踩在脚下。 我的风铃草， 草原的鲜花！ 黑蓝的眼睛， 请你不要责怪 ……	Конь несет меня галопом По полям свободы; Копыта (стучат) *да-да,* Топчут вас. Мои колокольчики Степные цветы! Черные и голубые глаза. Пожалуйста, не вините .....

В результате сопоставительного анализа первой и второй строф русского стихотворения «Колокольчики мои…» (далее – оригинал) и его китайского перевода (далее – перевод) выявлено, что перевод в целом сохраняет содержание и основные образы оригинала. Прежде всего, с точки зрения содержания перевод воссоздаёт взаимодействие между полевыми цветами (колокольчиками) и лирическим героем, включая радостную майскую атмосферу в степи, ритм лошадиных копыт и раскаяние поэта из-за невольного повреждения цветов. Далее, при рассмотрении идейно-эмоционального аспекта, отметим, что прославление природы и сострадание к живому, характерные для оригинала, находят отражение и в переводе. Хотя выражение «Не кляните вы меня» в китайском тексте передано несколько мягче как «请你不要责怪» («не вините»), это не умаляет общей тональности раскаяния и просьбы о прощении. Что касается образной системы, использование звукоподражаний «丁零» (диньлинь) и «嗒嗒» (да-да) в переводе удачно подчёркивает метафору – «звон» полевых цветов и создаёт ритмический рисунок топота конских копыт, тем самым воспроизводя динамичность и поэтическую атмосферу оригинала. Отметим использование ономатопоэтического слова «丁零». В китайском языке это слово обычно пишется как «叮铃». Однако переводчик выбрал написание «丁零», которое часто используется в поэзии, что добавляет музыкальности в перевод стихотворения. С одной стороны, «丁零» – это ономатопея, которая может выражать звук; с другой стороны, в традиционной китайской поэзии «丁零» обычно выражает чувство меланхолии, необъятности, дикости и одиночества; кроме того, «丁零» – это также название древнего китайского племени, живущего в степях, что для китайского читателя ассоциируется с образом главного героя, скачущего верхом по степи.

Подводя итог, отметим: изучение творчества А.К. Толстого и его переводческая рецепция в Китае только начинается. Китайские переводчики заново открывают русскую литературу, и в том числе лирику А.К. Толстого, не с политической, но эстетической точки зрения. Книга «Колокольчики мои» свидетельствует о новом уровне художественного перевода в Китае. Переводчики стремятся точно передать содержание, своеобразие художественных образов, красоту рифмы и ритма, эмоциональные оттенки оригинала. Различия в способах выражения экспрессии и деталях не ведут к существенному снижению художественной выразительности произведения, и это позволяет считать данную работу успешным опытом перевода русской лирики XIX в., фактом межкультурного диалога и богатым материалом для изучения взаимодействий русской и китайской литературы и культуры.

Список литературы

1. *Мирский Д.С.* История русской литературы. В 2 т. Т. 1. Пер. с англ. Лю Вэньфэй. Пекин: Народное изд-во, 2013. 389 с.

2. *Толстой А.К.* Колокольчики мои. Пер. Ван Шуфэн. Цзяньань: Шаньдунское изд-во литературы и искусства, 2018. 244 с.

3. *Ли Дачжао.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Пекин: Народное литературное изд-во, 1984. 682 с.

4. *Цюй Цюбай.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Пекин: Народное литературное изд-во, 1953. 1292 с.

5. *Чжоу Гочжун.* Три Толстых на русско-советской литературной сцене // Мировая культура. 2007. № 1. С. 47.

6. *Чжэн Чжэньдо.* Краткая история русской литературы. Чанша: Изд-во «Юэлу», 2020. 180 с.

References

1. *Mirsky D.S.* History of Russian literature. Vol. 1. Trans. by Liu Wenfei. Beijing: Renmin Chubanshe, 2013. 389 p. (In Chin.).

2. *Tolstoy A.K.* My Bluebells. Trans. by Wang Shufeng. Jinan: Shandong Literature and Art Publishing House, 2018. 244 p. (In Russ.).

3. *Li Dazhao.* Li Dazhao wenji: In 2 vols. Vol. 1. Beijing: Renmin Wenxue Chubanshe, 1984. 682 p. (In Chin.).

4. *Qu Qiubai.* Qu Qiubai wenji: In 2 vols. Vol. 2. Beijing: Renmin Wenxue Chubanshe, 1953. 1292 p. (In Chin.).

5. *Zhou Guozhong.* "Three Tolstoys on the Russian Soviet literary scene". *World Culture*, 2007, no. 1, p. 47. (In Chin.).

6. *Zheng Zhenduo.* Elu wenxue shilüe [A brief history of Russian literature]. Changsha: Yuelu Shushe, 2020. 180 p. (In Chin.).

Статья поступила в редакцию / Received 31.03.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 06.05.2025
Принята к публикации / Accepted 06.05.2025

Научная статья
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/41-45

Говорящие имена героев пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» в переводе Гэн Цзичжи

Ян Сюээр[1]

Научный руководитель: **Галина Ивановна Модина**[2]

[1,2] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

[1] Аспирант кафедры романо-германской филологии, yan.syu@dvfu.ru, https://orcid.org/0009-0008-7889-2906

[2] Доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, modina.gi@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1179-9666

Аннотация. Статья посвящена адаптации пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» в переводе Гэн Цзичжи, названной «Материнское сердце». Основное внимание уделяется функции «говорящих» имён в пьесе Островского и их художественной адаптации переводчиком с учётом культурных ценностей Китая. Перевод Гэн Цзичжи отличается верностью оригиналу и творческим подходом к переводу имён героев пьесы, используя стратегии доместикации для превращения русских имён в понятные культурные образы. В статье подробно рассмотрены конкретные примеры трансформации имени главной героини (Любовь Ивановна Отрадина) и её псевдонима (Елена Ивановна Кручинина) в китайском переводе: Хэ Айгу (何爱姑) и Гу Яньлянь (顾艳莲). Особое внимание уделяется символическому значению образа лотоса в имени героини. Рассматриваются значения фамилий Муров и Незнамов. В результате проведённого анализа можно заключить, что адаптация имён персонажей в переводе Гэн Цзичжи не только обеспечивает фонетическое и семантическое соответствие оригиналу, но и обогащает произведение культурными ассоциациями и символами, значимыми для китайской аудитории. Такой подход способствует устранению барьеров восприятия, позволяет глубже исследовать характеры персонажей и их моральные качества, а также демонстрирует высокий уровень культурной компетенции переводчика.

Ключевые слова: А.Н. Островский, говорящие имена, «Без вины виноватые», адаптация, культурная локализация, Гэн Цзичжи, символика лотоса

Для цитирования: Ян С. Говорящие имена героев пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» в переводе Гэн Цзичжи // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 41–45.

Original article

© Ян С., 2025

Speaking names of the characters in A.N. Ostrovsky's play "Guilty Without Guilt" in Gen Jizhi's translation

Yang Xueer[1]

Scientific advisor: **Galina I. Modina**[2]

[1,2] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

[1] Postgraduate Student, Department of Romance and Germanic Philology, yan.syu@dvfu.ru, https://orcid.org/0009-0008-7889-2906

[2] Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Romance and Germanic Philology, modina.gi@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1179-9666

Abstract. The article is devoted to the adaptation of A.N. Ostrovsky's play "Guilty Without Guilt" in the translation by Gen Jizhi, titled "A Mother's Heart". The focus is on the function of "speaking" names in Ostrovsky's play and their artistic adaptation by the translator, who takes into account Chinese cultural values. Gen Jizhi's translation is characterized by fidelity to the original and a creative approach to rendering the characters' names, using domestication strategies to turn Russian names into culturally comprehensible images. The article provides a detailed analysis of the transformation of the main character's name (Liubov Ivanovna Otradina) and her pseudonym (Elena Ivanovna Kruchinina) into their Chinese versions: He Aigu (何爱姑) and Gu Yanlian (顾艳莲). Special attention is paid to the symbolic meaning of the lotus image in the heroine's name. The meanings of the surnames Murow and Neznamov are also considered. The analysis concludes that the adaptation of characters' names in Gen Jizhi's translation ensures not only phonetic and semantic correspondence with the original but also enriches the work with cultural associations and symbols meaningful to the Chinese audience. This approach helps to eliminate barriers to perception, allows a deeper exploration of characters' traits and moral values, and demonstrates the translator's high level of cultural competence.

Key words: A.N. Ostrovsky, speaking names, "Guilty Without Guilt", adaptation, cultural localization, Gen Jizhi, lotus symbolism

For citation: Yang X. Speaking names of the characters in A.N. Ostrovsky's play "Guilty Without Guilt" in Gen Jizhi's translation / sci. adv. G.I. Modina. *Far Eastern Philological Journal,* 2025, vol. 3, no. 2, pp. 41–45. (In Russ.).

Пьеса А.Н. Островского «Без вины виноватые» в процессе распространения в Китае породила множество переводов и разнообразных художественных адаптаций, включая такие формы, как драма «Царица сцены», шанхайская опера «Мать и сын», одноимённый фильм и комиксы. В данной статье рассматривается адаптация «Материнское сердце», созданная в 1941 году Гэн Цзичжи – пионером в области перевода русской и советской литературы в Китае. Его перевод, являясь важным достижением в раннем систематическом внедрении русского реалистического театра в Китае, отличается типичной верностью исходному содержанию пьесы. По сравнению с другими адаптациями версия Гэн Цзичжи строго следует оригиналу в сюжете, драматическим конфликтам и композиции пьесы, лишь незначительно сокращая реплики второстепенных персонажей, что практически не сказывается

на их образах.

Используя стратегии доместикации, Гэн Цзичжи систематически трансформирует русские имена, топонимы и реалии в культурные образы, понятные китайской аудитории. Приём локализации особенно ярко проявляется в искусстве именования персонажей: Гэн Цзичжи не только придаёт именам эстетически приемлемую форму, соответствующую ожиданиям китайского читателя, но и мастерски интегрирует в них элементы китайской культуры. Такой подход способствует устранению барьеров восприятия у целевой аудитории и благодаря уникальной иероглифической выразительности позволяет творчески передать художественные особенности оригинальных «говорящих имён».

В адаптации Гэн Цзичжи полное имя героини Любовь Ивановна Отрадина преобразовано в китайский вариант «何爱姑» (Хэ Айгу). Компонент «Любовь» был переведён с применением осмысленного семантического подхода как «Ай» (爱), что представляет собой распространённый китайский иероглиф, означающий «глубокую привязанность» и «искренние чувства». Этот выбор точно отражает ключевую черту характера персонажа, поскольку, как показывают события пьесы, любовь к Мурову и их общему сыну была смыслом жизни Отрадиной. Уже в юности ей были свойственны глубокие и искренние чувства: она проявляла редкую самоотверженность и была готова пожертвовать всем ради любимого человека и их общего ребёнка [4, с. 357].

Отчество «Ивановна» было передано через компонент «Гу» (姑). Согласно толковому словарю «Синьхуа», этот иероглиф обозначает «молодую незамужнюю девушку», что соответствует возрасту героини в начале повествования. Такое решение в выборе имени также подчёркивает изначальную чистоту и искренность её характера.

В результате художественной обработки переводчика имя Елена Ивановна Кручинина было творчески преобразовано в «顾艳莲» (Гу Яньлянь). При этом фамильный компонент «顾» (Гу) образован путём частичной транслитерации (начальная буква «К» из Кручинина). Имя «艳莲» (Яньлянь) было создано методом фонетической адаптации, сохраняя звуковую основу имени Елена (Елен → Яньлянь). Слово «莲» («лотос») заслуживает особого внимания. Лотос в традиционной китайской культуре с древних времён является символом красоты, чистоты характера и высших моральных качеств. Лотос как символ внутреннего благородства возникает в классической поэме Цюй Юаня «Лисао» (IV век до н. э.), отражая возвышенные устремления поэта и его решимость отстаивать свои принципы и честность: «Чилилл и лотос мне нарядом будут. Надену плащ из лилий водяных» («制芰荷以为衣兮，集芙蓉以为裳») – перевод Анны Ахматовой.

В произведении поэта династии Сун Чжоу Дуньи «爱莲说» («О любви к лотосу») утверждается, что «лотос из грязи выходит, но ею отнюдь не замаран, и, чистой рябью омытый, капризных причуд он не знает» (出淤泥而不染，濯清涟而不妖, перевод В.М. Алексеева), что делает его символом конфуцианского идеала благородной личности. Выбор Гэн Цзичжи иероглифа «лотос» для имени героини выходит за пределы простой эстетической функции и обретает глубокую метафорическую значимость, раскрывающую характер и судьбу персонажа. Героиня пьесы Гу Яньлянь демонстрирует стойкость духа, сохраняя преданность искусству и внутреннюю чистоту, несмотря на «горе да слёзы». Тень закулисной пошлости не коснулась её и не запятнала её личность, пишет Н.А. Шалимова. Пройдя через предательства и потери, она

не только не утратила своих душевных качеств, но и смогла выстоять и реализовать себя в творчестве, став известной актрисой, по праву пользующейся любовью и уважением публики [5].

В китайской буддийской культуре образ лотоса часто ассоциируется с милосердием и всепрощением. Эти качества находят идеальное воплощение в образе героини пьесы: сталкиваясь с иррациональными обвинениями Янь Кэли (Незнамова) и Ши Моци (Шмаги), Гу Яньлянь проявляет архетипические материнские качества всеобъемлющего приятия. Это великое человеческое достоинство проистекает не из внешнего социального статуса: её отношение к людям основано на доброте, желании им помогать, не требуя взамен благодарности. Этическая привлекательность «лотосовой личности» подтверждается трансформацией молодого актёра Янь Кэли (Незнамова) – озлобленный и дерзкий, он переживает глубокое духовное потрясение в общении с героиней, переходя от дерзости к искреннему благоговению и в конечном итоге достигая нравственного пробуждения, впервые в жизни задумываясь о том, что «ведь есть же разница между добром и злом». Этот процесс преображения ярко демонстрирует преобразующую силу «лотосовой личности»: жизненные потрясения и страдания не очерствили героиню – она остаётся доброй, милосердной, и рядом с ней Незнамов духовно преображается.

Таким образом, художественное преобразование имени Елены Ивановны Кручининой в «顾艳莲» (Гу Яньлянь) подчёркивает символическое значение имени, основанное на культурных ценностях Китая. Образ лотоса в имени воплощает чистоту, стойкость и благородство героини, делая её характер понятным китайским читателям и зрителям.

При переводе имени персонажа Григория Львовича Мурова на китайский язык автор адаптации осознанно выбрал вариант «莫洛夫» (Моров), который не только соответствует принципам транслитерации, но и вносит семантическую оценку характера и поведения персонажа. В отличие от нейтрального варианта «穆洛夫» (Муров), использованного в переводе Цю Цзиншаня, выбор иероглифа «莫» (мо) для имени добавляет значимый смысловой оттенок, так как данный иероглиф в китайском языке имеет отрицательную коннотацию, означая «не следует», «отсутствие», что подразумевает осуждение его лицемерного и предательского поведения. Муров изображён человеком, не имеющим понятия о долге и духовных ценностях, руководствующимся корыстными интересами, что проявляется в его отвержении возлюбленной и сына [1, с. 514]. Такой выбор имени намекает на отрицательное поведение Мурова и углубляет его моральную характеристику, что свидетельствует о глубоком понимании оригинала переводчиком.

А.Н. Островский часто применяет «говорящие» имена и фамилии для создания ярких и индивидуальных образов, в которых заложена определённая семантика и дополнительное значение, недоступное простой транскрипции. Это позволяет лучше понять характер персонажа, его отношение к людям, восприятие мира и увлечения [3, с. 142]. А. Захаров представляет следующие толкования персонажа Незнамова в пьесе «Без вины виноватые»: он – «подзаборник», как его называют, человек без паспорта, не знающий имени своих родителей, отверженный людьми и жизнью. Увидев фамилию Незнамов, читатель сразу понимает, что речь идёт о человеке, который не знает своего прошлого. Слово «незнам» в словаре Даля толкуется как «неизвестный человек» [2].

В адаптированной версии имя Незнамов было изменено на Янь Кэли (阎可立), что создаёт для китайского читателя эффект, аналогичный восприятию оригинального имени русс-

коязычной аудиторией. Буквальный перевод имени Янь Кэли – «как устоять/выжить/утвердиться» – вызывает у читателя ассоциации с вопросом «как найти своё место в обществе», что точно отражает жизненные обстоятельства и внутренние терзания персонажа. Будучи в детстве отданным в приёмную семью, а после смерти приёмных родителей оказавшись в театральной среде, Янь Кэли, не знающий своего происхождения, вынужден бороться за существование. Это имя тонко передаёт его маргинальное положение в обществе и мучительные поиски самоидентификации. Подобный художественный приём, мастерски использующий идеографическую природу китайских иероглифов, позволяет с максимальной точностью передать ключевые характеристики оригинального образа.

В результате проведённого анализа можно заключить, что адаптация имён персонажей в переводе Гэн Цзичжи не только обеспечивает фонетическое и семантическое соответствие оригиналу, но и обогащает произведение культурными ассоциациями и символами, значимыми для китайской аудитории. Такой подход способствует устранению барьеров восприятия, позволяет глубже исследовать характеры персонажей и их моральные качества, а также демонстрирует высокий уровень культурной компетенции переводчика.

Список литературы

1. *Гродская Н.С.* Из творческой истории пьесы «Без вины виноватые» // Литературное наследство. 1974. № 1. С. 511–531. EDN: XBFTND

2. *Захаров А.* Говорящие фамилии в произведениях А.Н. Островского. URL: https://portal.ort.spb.ru/projects/magazine/DocLib3/N_21/speaknames.htm (дата обращения: 12.04.2025).

3. *Исакова И.Н.* Антропонимы в социально-бытовых пьесах А.Н. Островского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 5. С. 142–150. EDN: KYVVRL

4. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

5. *Шалимова Н.А.* Кручинина // Энциклопедия литературных героев. URL: https://gufo.me/dict/litheroes (дата обращения: 12.04.2025).

References

1. *Grodskaia N.S.* From the creative history of the play “Guilty Without Guilt”. *Literary Heritage*, 1974, no. 1, pp. 511–531. (In Russ.).

2. *Zakharov A.* Speaking surnames in the works of A.N. Ostrovsky. URL: https://portal.ort.spb.ru/projects/magazine/DocLib3/N_21/speaknames.htm (accessed: 12.04.2025). (In Russ.).

3. *Isakova I.N.* Anthroponyms in the social and domestic plays of A.N. Ostrovsky. *Bulletin of Moscow University*, 2009, no. 5, pp. 142–150. (In Russ.).

4. *Ostrovsky A.N.* Complete collected works: in 12 vols. M.: Iskusstvo, 1973–1980. (In Russ.).

5. *Shalimova N.A.* Kruchinina // Encyclopedia of literary heroes. URL: https://gufo.me/dict/litheroes (accessed: 12.04.2025). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 12.05.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 13.05.2025
Принята к публикации / Accepted 16.05.2025.

Научная статья
УДК 861.161.1
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/46-55

Осмысление китайскими критиками романов В. Брюсова «Огненный ангел» и «Алтарь Победы»

Иннань Ху[1]

Научный руководитель: **Ольга Ивановна Осипова**[2]

[1] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

[2] Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, Владивосток, Российская Федерация

[1] Аспирант, khu.in@dvfu.ru, https://orcid.org/0009-0004-7938-068X

[2] Доктор филологических наук, доцент, fia-fa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6783-9378

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия романов В. Брюсова китайскими критиками. Прослеживается история изучения произведений В. Брюсова и, в частности, его исторических романов в Китае. Выявляется движение от восприятия прозаического стиля Брюсова как пародии к изучению и религиозной философии Серебряного века.

Ключевые слова: Валерий Брюсов, исторический роман, стилизация, «Огненный ангел», «Алтарь Победы», литературоведческая рецепция, китайская критика

Для цитирования: Ху И. Осмысление китайскими критиками романов В. Брюсова «Огненный ангел» и «Алтарь Победы» // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 46–55.

Original article

The interpretation of V. Bryusov's novels “The Fiery Angel” and “The Altar of Victory” by Chinese critics

Yingnan Hu[1]

Scientific advisor: **Olga I. Osipova**[2]

[1] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

[2] Far Eastern State Fishery University, Vladivostok, Russian Federation

[1] Postgraduate Student, khu.in@dvfu.ru, https://orcid.org/0009-0004-7938-068X

[2] Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, fia-fa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6783-9378

Abstract. This article is devoted to the interpretation of V. Bryusov's novels by Chinese critics across various cultural and historical periods. Particular attention is paid to research concerning V. Bryusov's selection of historical settings and use of stylistic techniques in his works. The aim of

© Ху И., 2025

the study is to provide a comprehensive overview of the Chinese reception of V. Bryusov's novels, taking into account changes in the socio-political environment. The scientific novelty lies in emphasizing the dynamic nature of the development of V. Bryusov's literary influence in China.

Key words: Valery Bryusov, historical novel, stylization, “The Fiery Angel”, “The Altar of Victory”, literary reception, Chinese criticism

For citation: Hu Y. The interpretation of V. Bryusov's novels “The Fiery Angel” and “The Altar of Victory” by Chinese critics. *Far Eastern Philological Journal,* 2025, vol. 3, no. 2, pp. 46–55. (In Russ.).

Исследованию произведений В. Брюсова в русском литературоведении посвящено много трудов. «Огненный ангел» и «Алтарь Победы» рассматриваются в них как исторические романы, поскольку в этих романах точно передана атмосфера прошлого. Русские исследователи не всегда причисляют эти произведения к направлению символизма. Романы В. Брюсова привлекают внимание китайских учёных, и восприятие его творчества в Китае имеет свои особенности.

История изучения романов В. Брюсова в китайской критике имеет три периода. Ранний период, 1920–1940-е гг., характеризуется в основном знакомством китайских критиков с творчеством В. Брюсова. Второй период – 1990–2010-е гг. Это был активный период изучения творчества В. Брюсова, тогда китайские исследователи обратили внимание на особенности исторического времени и пространства, поэтику его романов и, в частности, использование приёма стилизации. Третий период – с 2010 г. до настоящего времени – ознаменован появлением нового направления в анализе романов В. Брюсова, отличающегося акцентом на исследовании религиозно-философского контекста исторических романов.

Особенности восприятия творчества В. Брюсова в Китае в ранний период связаны с историческими и культурными обстоятельствами, а именно «Движением 4 мая» и задачами формирования нового типа государства и новой литературы. Под влиянием «Движения 4 мая» образованная часть китайского общества активно знакомится с творчеством иностранных писателей, особое внимание обращено к русской литературе. В эти годы были опубликованы девять статей, посвящённых В. Брюсову. Это были ознакомительные и критические статьи Мао Дуня (茅盾, настоящее имя Шэнь Яньбин, 沈雁冰), Цун Юя и Цзин Юлинь, а также переводы и комментарии к творчеству В. Брюсова переводчика Гэн Цзичжи, Ю Чжиу и Чэнь Оу. Из них наиболее значительны работы Мао Дуня. В 1931 г. в «Фунюй цзачжи» («Женский журнал») под псевдонимом Шэнь Юй (沈余) была опубликована его статья «Критическое жизнеописание В. Брюсова». В ней представлены не только романы, новеллы и поэзия В. Брюсова, но также его критические и переводческие работы. Мао Дунь говорит о необходимости изучения и лирики, и прозы русского писателя. Он отмечает принцип «двоемирия», свойственный художественному пространству произведений В. Брюсова, подчёркивает оригинальность и неповторимый индивидуальный стиль лирики, но в прозе видит подражательность. Исследование Мао Дуня является незаменимым и важным материалом для изучения динамики восприятия творчества В. Брюсова в Китае.

Две статьи Мао Дуня, написанные в этот период, посвящены прозе В. Брюсова. Роман «Огненный ангел» впервые стал известен в Китае в 1921 г. В журнале «Сяошо юэбао» («Еже-

месячник прозы») была опубликована статья Мао Дуня «Тридцать российских писателей периода новой истории». По замечанию Мао Дуня, «проза В. Брюсова объективна и загадочна. Материалом произведений он выбирает древние события – особенно легенды о чудесах, например, "Республика Южного креста" и "Огненный ангел"» [10, с. 109]. Однако отношение Мао Дуня к произведениям В. Брюсова неоднозначно. В статье «Критическое жизнеописание В. Брюсова» он приводит перевод на китайский язык вступления к роману: «Огненный ангел, или правдивая повесть, в которой рассказывается о дьяволе, не раз являвшемся в образе светлого духа одной девушке и соблазнившем её на разные греховные поступки, о богопротивных занятиях магией, астрологией, гоетейей и некромантией, о суде над оной девушкой под председательством его преподобия архиепископа Трирского, а также о встречах и беседах с рыцарем и трижды доктором Агриппою из Неттесгейма и доктором Фаустом, написанная очевидцем» [2]. Однако в переводе Мао Дунь внёс небольшие изменения: при описании героини Ранеты в оригинале на русском языке используется только слово «*девушка*», без каких-либо эпитетов, а Мао Дунь перевёл его как «*天真的童贞女*» («невинная девственница»). Кроме этого, о дьяволе, «*являвшемся в образе светлого духа*» в оригинале, в китайской версии говорится «*冒充为好天使*» («выдаёт себя за доброго ангела»). Перевод позволяет заметить субъективное восприятие персонажей китайским критиком.

Обращение китайских критиков к романам В. Брюсова в этот период носило в основном ознакомительный характер. Произведению «Алтарь Победы» посвящены лишь несколько строк в статье Мао Дуня: «В 1913 году В. Брюсов написал свой второй роман "Алтарь Победы", в котором речь идёт о Риме четвёртого века» [11, с. 146]. В 1920–1940 гг. творчество Брюсова становится известным в Китае, но только Мао Дунь обращался к его романам в своих исследованиях. В это время появились переводы новелл писателя, но романы переведены не были. Начиная с середины 1930-х гг. из-за запрета произведений В. Брюсова в России изучение его романов в Китае также не получило развития. Такая ситуация продолжалась до конца 1980-х гг. После десяти лет «культурной революции» (с 1966 по 1976 гг.), в 1980-х гг. в Китае началось полномасштабное возрождение перевода и изучения русской и советской литературы. Как по разнообразию, так и по количеству переводов этот период значительно превосходит любой другой в XX веке.

С возобновлением интереса к прозе символистов среди российских исследователей в 1990-х гг. китайские учёные тоже стали уделять внимание произведениям русских писателей-символистов. В 1990–2000-е гг. в Китае возник особый интерес к русской литературе Серебряного века. В течение этого времени было опубликовано множество работ, посвящённых русской литературе этого периода, русскому символизму и романам В. Брюсова в том числе. Среди них монография Чжоу Цичао «Исследования в области русской символистской литературы» (1993), где речь идёт о процессе развития русского символизма, его философских основаниях, творчестве русских символистов. Отдельные разделы посвящены романам и рассказам В. Брюсова. В 2003 г. была опубликована вторая монография Чжоу Цичао «Исследование русской литературы Серебряного века», посвящённая литературным направлениям этого периода: символизму, акмеизму и футуризму. Автор рассматривает репрезентативные произведения каждой школы, в том числе романы В. Брюсова. В 2003 г. Ван Цзечжи опубликовал моно-

графию «Отдалённый блеск: Русская культура Серебряного века», представив в ней культурную среду, религиозную философию и литературные достижения Серебряного века и в том числе своё видение романов В. Брюсова. В это время китайские учёные обратились к изучению восприятия литературы Серебряного века русскими исследователями. К этой проблеме обращена статья Линь Цзинхуа «Обзор исследований, посвящённых "русскому роману Серебряного века", начиная с 1960-х гг. в Советской России» (1998). Исследователь указывает на недостаточное внимание к прозе писателей Серебряного века в работах русских литературоведов в 1980–1990-е гг., а также на отсутствие отдельных работ о прозе и в том числе романах авторов Серебряного века.

В 1990-х и 2010-х гг. в Китае насчитывалось 16 научных статей, посвящённых В. Брюсову. Из них три связаны с изучением романов писателя. Цзя Фан в статье «О поэтике русской символистской прозы», опубликованной в журнале «Советская литература» (1992), обратился к анализу романов «Огненный ангел» и «Алтарь Победы», опираясь на брюсовскую концепцию истории. В том же году Чжоу Цичао опубликовал статью «"Огненный ангел" и В. Брюсов». В ней он рассматривает символический контекст романа и особенности исторической стилизации. Исследованию особенностей историзма и поэтики романа «Алтарь Победы» посвящена статья Чу Чэнъи (1999).

В этот период в Китае были опубликованы переводы сочинений В. Брюсова. «Дневники В. Брюсова» в переводах Жэн Имина и Цзя Чжифана были опубликованы в 1992 г. Позже появились «Последние страницы из дневника женщины» в переводе Хуан Хоуцзян (1994) и «Автобиография и мемуары В. Брюсова» в переводах Чжу Жишун и Чжэн Тиу (1999). В 2000 г. вышел сборник «Избранных стихотворений В. Брюсова» в переводе Лай Хаочжи, в него вошли 67 стихотворений поэта. В 1994 г. впервые на китайском языке был опубликован роман «Огненный ангел», переведённый Чжоу Цичао и Лю Кайхуа. Книга была переиздана в 1999 г. Но роман «Алтарь Победы» до сих пор на китайский язык не переведён.

Современные китайские критики высоко ценят исторические романы В. Брюсова. Чжоу Цичао отмечает «таинственную атмосферу, пронизывающую повествование», и «демонстрацию историко-культурных картин». В. Брюсов, по замечанию Чжоу Цичао, новатор, сумевший не только точно изобразить исторические и культурные события, но с помощью символов выразить свои философские идеи. «Исследуя механизмы функционирования историко-культурных форм прошлой эпохи, В. Брюсов в своих произведениях отражает размышления о судьбе современных социально-политических изменений и будущих перспективах развития человечества» [14, с. 208]. Китайский учёный Ван Цзечжи в монографии «Отдалённый блеск: Русская культура Серебряного века» высоко оценивает роман «Алтарь Победы» и утверждает: «в романе изображена широкая картина жизни Римской империи эпохи перехода от политеизма к христианству, достигнуто единство богатого исторического содержания и глубокого исторического осмысления» [12, с. 252]. Отметим внимание китайских исследователей к философским идеям писателя, представленным в его романах.

Заметим, что некоторые русские исследователи, в частности Л. Григорьев, А. Белецкий, С. Ломтев, рассматривают исторические романы В. Брюсова как реалистические. А. Белецкий указывает на «отречение Брюсова от "идеалистической мистики" (термин принадлежит ему самому) модернистских кружков» и «порыв к иному мировоззрению, к иному методу творче-

ства – реалистическому» в романе «Огненный ангел» [1]. Однако романы В. Брюсова относятся к направлению символизма, религиозные мотивы и мистика играют в них важную роль. Этот взгляд свойствен исследователям творчества писателя С. Гречишкину и А. Лаврову. По замечанию О.И. Осиповой, «в романе Брюсова жанровые принципы символистского романа получили свою окончательную кристаллизованную обработку, что сделало "Огненного ангела" образцом символистского романа, неким каноном» [4, с. 250]. В китайском литературоведении не ведутся споры о том, принадлежат ли исторические романы В. Брюсова к методу реализма или символизма. Напротив, Чжоу Цичао считает исторические романы В. Брюсова классическими символистскими произведениями. Он утверждает, что причина, по которой В. Брюсов предпочитает точно описывать исторические события, заключается в возможности таким образом служить эстетике символизма, отражая реальность через исторический фон произведения. По словам Чжоу Цичао, «одной из важнейших особенностей художественного мышления В. Брюсова является его приверженность закону "сходства" между различными состояниями бытия мира. Это "сходство" – либо сходство в определённой структуре сознания, либо сходство в определённой форме мысли и эмоции, либо сходство в историко-культурных моделях» [14, с. 208]. На основе этого «сходства», подчёркивает Чжоу Цичао, В. Брюсов обращается к символам, чтобы прошлое стало метафорой настоящего.

В период с 1990-х по 2010-е гг. исследования исторических романов «Огненный ангел» и «Алтарь Победы» в Китае представлены двумя направлениями: во-первых, это анализ китайскими учёными выбора В. Брюсовым исторического фона и причин такого выбора. Во-вторых, размышления китайских исследователей о приёмах стилизации, использованных В. Брюсовым в создании исторических романов.

Китайские критики подчёркивают интерес В. Брюсова к чередованию исторических эпох. Цзя Фан в статье «О поэтике русской символистской прозы» отметил, что в романах В. Брюсова действие часто происходит в «переходный» период, когда сменяются две эпохи. Исследуя исторический фон романа «Огненный ангел», он обнаруживает: «Действие романа происходит в 1630-х гг. в Германии, на фоне социальных и культурных противоречий зарождающейся эпохи Возрождения, и повествует о борьбе между древним средневековым миром <...> и влиятельными силами духовного ренессанса» [9, с. 60].

Китайские литературоведы стремятся выявить причины обращения В. Брюсова к историческому фону с чередующимися характеристиками. Одни исследователи связывают это со взглядами писателя на историю и культуру. Например, по наблюдению Цзя Фана, основная мысль, которую В. Брюсов в своём произведении стремится донести до читателя, заключается в следующем: «В длинной исторической цепи развития человечества неизбежны конфликты между меняющимися временами и культурами» [9, с. 60]. Анализируя роман «Алтарь Победы», Цзя Фан указывает на эпилог романа, где главный герой Юний становится христианином, что является отражением идеи В. Брюсова об исторической и культурной перспективе. Подобный взгляд свойствен и Чу Чэнъи. В статье «Исследование романа "Алтарь Победы" В. Брюсова» он так характеризует взгляд В. Брюсова на историю и культуру: «Люди, находящиеся на границе между старым и новым, должны следовать веянию истории, идти в ногу со временем, мужественно отказываться от старого и мёртвого прошлого и отвечать на вызовы новой жизни» [6, с. 52]. Чу Чэнъи полагает, данная идея не только выражена В. Брюсовым в

его произведениях, например в романе «Алтарь Победы», но и воплощена в жизни самого писателя.

С другой стороны, исследователи видят причину обращения В. Брюсова к переломным событиям истории в особенностях социального окружения писателя. Ван Цзечжи отмечает: «Намерение В. Брюсова заключалось не в воссоздании истории Германии, а в том, чтобы сквозь жизнь в чужой стране в конкретный исторический период отразить атмосферу русской общественной жизни конца XIX – начала XX века» [12, с. 251]. По замечанию исследователя, В. Брюсов выбрал этот период в Германии, потому что смена эпох, свидетелем которой был писатель, перекликается с Реформацией в Германии.

Упомянутые выше исследования Цзя Фана, Чу Чэнъи, Ван Цзечжи об историческом фоне в произведениях В. Брюсова были опубликованы в конце XX – начале XXI века. Судя по всему, интерес к историческим романам В. Брюсова, в которых описывается смена эпох, обусловлен тем, что сами критики также являются свидетелями смены эпох.

По мнению китайских учёных, новаторство В. Брюсова в создании символистских романов выражалось не только во введении исторического контекста, но и в использовании приёма стилизации. «Стилизация – это намеренная и явная ориентация автора на ранее бытовавший в художественной словесности стиль, его имитация, воспроизведение его свойств» [5, с. 263]. Писатель использует элементы литературных форм других эпох или других писателей. Основная цель использования данного приёма – воспроизвести характерные черты эпохи, изображённой в произведении. «Перед Брюсовым как подлинным автором стоит задача стилизации речи своего героя с целью создать эстетический и смысловой эффект при помощи отбора слов, выбора форм изложения, которые бы воспроизводили индивидуальные особенности времени» [4, с. 226].

Термин «стилизация» (*фэнгэхуа 风格化*) был впервые использован китайскими учёными при исследовании романов В. Брюсова в статье Чжоу Цичао «"Огненный ангел" и В. Брюсов». По интерпретации Чжоу Цичао, стилизация (*фэнгэхуа 风格化*) – «повествование, имитирующее стиль изображаемой эпохи» [13, с. 94]. Мы полагаем, что китайские исследователи отметили подражание стилям других эпох в произведениях писателя, но в ранней критике термин «стилизация» не употреблялся. Стилизация в прозе В. Брюсова рассматривалась лишь как имитация других произведений по форме. Мао Дунь в статье «Критическое жизнеописание В. Брюсова» (1931) вместо термина «стилизация» использует термин «пародия»: «Проза В. Брюсова часто подражает древним по стилю, но, конечно, он намеренно надевает эти "античные одежды". Более того, он намеренно примеряет разные "античные одежды". Например, его роман "Огненный ангел" – это пародия на роман[1] позднего средневековья» [11, с. 147]. Автор употребляет китайский термин «*пародия*» – «*戏拟*» (*Сини*), означающий вид комической стилизации. Мао Дунь считает приём стилизации в прозе В. Брюсова имитированием стиля предшественников: «По форме стихи В. Брюсова имеют свой особый стиль, который можно узнать, даже если взять отрывки из них и смешать с другими произведениями, но его прозу можно легко принять за произведения других, в ней нет определённого стиля, а есть имитация стиля других авторов или определённой эпохи» [11, с. 147]. Высказывание Мао Дуня «*имитация*

[1] Слово «роман» в оригинале на китайском языке «*罗曼司*» (*Ломаньсы)* – транслитерация из английского «romance».

стиля определённой эпохи» соответствует термину «стилизация», предложенному Чжоу Цичао. Но Мао Дунь не считает обращение к этому приёму достоинством прозы Брюсова.

В современной китайской литературной критике приём стилизации был изучен и оценен по достоинству. Чжоу Цичао считает приёмы стилизации, использованные Брюсовым, важной чертой поэтики символизма. «Имитация стиля изображаемой эпохи стала для В. Брюсова основным поэтическим приёмом в его больших исторических романах и определила художественное своеобразие этих произведений» [14, с. 212]. В то же время Чжоу Цичао утверждает, что использование приёма стилизации добавляет символический подтекст произведениям В. Брюсова. По его словам, «В. Брюсов стремится воспроизвести в определённых исторических фигурах или отразить в них психологические, эмоциональные и сознательные модели современных деятелей, усиливая тем самым символическое звучание» [14, с. 209]. Как видно, в современной литературной критике анализ художественного приёма стилизации стал более объективным и глубоким.

После 2010 года на сайте CNKI (китайская научная электронная библиотека) можно найти 11 исследований, посвящённых творчеству В. Брюсова. Четыре них посвящены рассказам В. Брюсова, два – поэзии, три сравнительных исследования и два исследования романов.

Исследования романов В. Брюсова этого периода включают диссертацию «Символическое значение романа В. Брюсова "Огненный ангел"» Дай Чуана (2017 г.) и работу «Современные метафоры духовной утраты – о смерти Ренаты в “Огненном ангеле”» Лю Сянкэ (2021 г.). Дай Чуан в диссертации «Символика романа “Огненный ангел” В. Брюсова» рассматривает религиозно-философские идеи, возникшие в России в период создания «Огненного ангела», двойственную повествовательную структуру романа и символизм образов героев. «Роман "Огненный ангел" позаимствовал элементы религиозной мифологии <...> Но вместо того, чтобы в точности следовать мифологической парадигме, автор придал этим элементам совершенно новое значение, чтобы символически выразить смену исторических времён, изменение религиозных традиций и наступление современности» [7, с. 31]. Работа Лю Сянкэ «Современные метафоры духовной утраты – о смерти Ренаты в "Огненном ангеле"» исследует символическое значение смерти Ренаты через призму волюнтаризма западной философии и русской религиозной философии. Лю Сянкэ, обращаясь к методу мифопоэтики, утверждает, что Маргарита в «Фаусте» и библейская Ева являются прототипами Ренаты. Исследователи обнаруживают внешние и внутренние причины смерти Ренаты. Внешним фактором стало европейское движение охоты на ведьм: «В монастыре Ренату считали ведьмой за её дьявольские проделки, что неизбежно привело к религиозным преследованиям»; внутренняя причина – её собственная экзистенциальная растерянность: перед смертью «экзистенциальная растерянность Ренаты привела к смерти её внутренней души, и Рената была не в состоянии найти баланс между рациональным и иррациональным» [8, с. 25]. Исследователи романа обратили внимание на философию религии, в этом контексте анализируются прототипы героев романа и их символика.

Причина такого направления исследований связана, прежде всего, с особенностями самого произведения В. Брюсова. Одним из характерных признаков символистской литературы Серебряного века является сочетание религиозной философии и литературы. «Присущие символистам культурологические интуиции свободного религиозного философствования естественным для России начала XX в. образом устремляются к построению всеобъемлющего мировоззрения, ориентированного на идеальную модель мира и оптимальное поведение человека

в нём» [3, с. 20]. Данная характеристика также представлена в романе В. Брюсова «Огненный ангел». В нем присутствует влияние религиозной философии, в частности идеи В. Соловьёва о двух мирах. «Стремление В. Соловьёва сделать материю равноценной идее представляет собой, по сути, идею существования двух миров – феноменального и ноуменального. На этом положении основывается брюсовская мысль о двухбытийном существовании человека, реализуемая им в художественном творчестве, в том числе и в прозе <...> "Огненный ангел"» [3, с. 59].

Другая причина возникновения новых исследовательских направлений заключается в том, что изучение русской религиозной философии в китайском литературоведении предоставляет возможность более глубокой интерпретации литературных произведений. С начала XXI века изучение русской религиозно-философской мысли в Китае стало активно развиваться; количество и качество исследований значительно возросло. Одним из представителей этого направления является Сюй Фэнлинь, профессор философского факультета Пекинского университета. К числу его значительных работ принадлежат монографии «Русская религиозная философия» (2006) и «Философия Соловьева» (2007). Ссылки на работы Сюй Фэнлиня неоднократно встречаются в двух вышеупомянутых исследованиях «Огненного ангела» В. Брюсова. Влияние русской религиозно-философской мысли на символистских писателей активно изучается китайскими учёными. Этой проблеме посвящена статья Ван Цзечжи «В. Соловьев и русский символизм» (2004). Очевидно, что изучение религиозной философии в Китае открывает новые перспективы для интерпретации текстов русских символистов.

Обобщая анализ рецепции романа Брюсова «Огненный ангел» в Китае, отметим три аспекта: недооценённость этого произведения в восприятии Мао Дуня в начале XX в., внимание к историческому контексту и приёмам исторической стилизации в1990–2010-е гг., интерпретация произведения с позиции религиозно-философских идей начала XX века в современном китайском литературоведении. Исследования прозы В. Брюсова в Китае немногочисленны. Одна из причин – символичность и сложность повествовательной структуры, культурный подтекст, что требует глубокого знания русской литературы и культурного фона. Кроме того, центр тяжести исследований китайских учёных в области русской литературы в последнее время постепенно смещается в сторону других писателей и жанров, что приводит к снижению интереса к изучению творчества В. Брюсова. Сказывается и недостаток исследовательских ресурсов: на китайский язык не переведён роман «Алтарь Победы», что безусловно ограничивает углублённое изучение этого произведения.

Список литературы

1. *Белецкий А.* Первый исторический роман В.Я Брюсова. URL: http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika/beleckij-istoricheskij-roman.htm

2. *Брюсов В.Я.* Огненный ангел. URL: https://rgbs.ru/news/ognennyj-angel-rasskaz-o-tom-o-chyom-nelzya-govorit/ (дата обращения: 07.02.2024).

3. *Дубова М.А., Ларина Н.А.* В.Я. Брюсов. Проблемы миромоделирования и стилевой полифонии: от малой прозы к романной: монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2022. 432 с. EDN: LNFZFL

4. *Осипова О.И.* Жанровые модификации в прозе Серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузмин. М.: ИМПЭ имени А.С. Грибоедова, 2014. 360 с.

5. *Хализев В.Е.* Теория литературы: учеб. для студентов вузов. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 404 с.

6. 储诚意. 勃留索夫《胜利的祭坛》探析 // 俄罗斯文艺, 1999. № 4. С. 51–54. (*Чу Чэнъи*. Исследование «Алтаря Победы» В. Брюсова // Русская литература и искусство. 1999. № 4. С. 51–54.)

7. 代闯.瓦·勃留索夫小说《燃烧的天使》的象征意义 // 硕士论文. 南开大学, 2017. 44 с. (*Дай Чуан.* Символическое значение романа В. Брюсова “Огненный ангел”: магистерская диссертация. Нанькайский университет. 2017. 44 с.)

8. 刘湘可. 精神失落的现代隐喻——论《燃烧的天使》中莱娜塔之死 // 硕士论文. 辽宁师范大学, 2021. 50 с. (*Лю Сянкэ.* Современные метафоры духовной утраты – о смерти Ренаты в “Огненном ангеле”: магистерская диссертация. Ляонинский педагогический университет. 2021. 50 с.)

9. 贾放. 俄国象征主义小说诗学如是观 // 苏联文学联刊, 1992. № 1. С. 57–62. (*Цзя Фан*. О поэтике русской символистской прозы // Журнал советской литературы. 1992. № 1. С. 57–62.)

10. 沈雁冰. 近代俄国文学家三十人合传 // 小说月报: 俄国文学研究. 1921. Т. 12. С. 83–110. (*Шэнь Яньбин*. Тридцать российских писателей периода новой истории // Ежемесячник прозы: Исследования русской литературы. 1921. Т. 12. С. 83–110.)

11. 沈余. 勃留索夫评传 // 妇女杂志, 1931. № 17. С. 145–149. (*Шэнь Юй*. Критическое жизнеописание В. Брюсова // Женский журнал. 1931. Т. 17. С. 145–149.)

12. 汪介之. 远逝的光华——白银时代的俄罗斯文化 / 南京:译林出版社, 2003. 470 с. (*Ван Цзечжи.* От-даленный блеск: Русская культура Серебряного века. Нанкин: Издательство И Линь, 2003. 470 с.)

13. 周启超.《燃烧着的天使》与勃留索夫 // 名作欣赏, 1992. № 2. С. 94–112. (*Чжоу Цичао*. “Огненный ангел” и В. Брюсов // Художественный анализ известных произведений. 1992. № 2. С. 94–112.)

14. 周启超. 俄国象征派文学研究 / 北京:社会科学文献出版社, 1993. 285 с. (*Чжоу Цичао*. Исследования в области русской символистской литературы. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 1993. 285 с.).

References

1. *Beletsky A.* The first historical novel by V.Ya. Brusov. URL: http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika/beleckij-istoricheskij-roman.htm (In Russ.).

2. *Bryusov V.Y.* The Fiery Angel. URL: https://rgbs.ru/news/ognennyj-angel-rasskaz-o-tom-o-chyom-nelzya-govorit/ (accessed: 07.02.2024). (In Russ.).

3. *Dubova M.A., Larina N.A.* V.Ya. Bryusov. Problems of world modeling and stylistic polyphony: from short fiction to novel: monograph. Moscow: Publishing group "Yurist", 2022. 432 p. (In Russ.).

4. *Osipova O.I.* Genre modifications in the prose of the Silver Age: F. Sologub, V. Bryusov, M. Kuzmin. Moscow: Educational private institution of higher education “Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov”, 2014. 360 p. (In Russ.).

5. *Khalizev. V. E.* Theory of Literature: a textbook for university students. 4th ed., corrected and enlarged. Moscow: Higher School, 2004. 404 p. (In Russ.).

6. *Chu Chengyi.* Analysis of Bryusov's "The Altar of Victory". *Russian Literature and Art*, 1999, no. 4, pp. 51–54. (In Chin.)

7. *Dai Chuang.* The symbolic meaning of Valery Bryusov's novel "The Fiery Angel": Master's Thesis. Nankai University, 2017. 44 p. (In Chin.)

8. *Liu Xiangke*. The modern metaphor of spiritual loss: on the death of Renata in "The Fiery Angel": Master's Thesis. Liaoning Normal University, 2021. 50 p. (In Chin.)

9. *Jia Fang.* A view on the poetics of Russian symbolist novels. *Soviet Literature Union Journal*, 1992, no. 1, pp. 57–62. (In Chin.)

10. *Shen Yanbing.* Thirty Russian writers of the period of modern history. *Prose Monthly: Studies of Russian Literature*, 1921, vol. 12, pp. 83–110. (In Chin.)

11. *Shen Yu.* A critical biography of V. Bryusov. *Women's Journal*, 1931, vol. 17, no. 1, pp. 145–149. (In Chin.)

12. *Wang Jiezhi.* Fading glory: Russian culture in the Silver Age. Nanjing: Yilin Press, 2003. 470 p. (In Chin.)

13. *Zhou Qichao.* "The Fiery Angel" and Bryusov. *Masterpiece Appreciation*, 1992, no. 2, pp. 94–112. (In Chin.)

14. *Zhou Qichao.* Research In Russian symbolist literature. Beijing: Social Science Literature Publishing House. 1993. 285 p. (In Chin.).

Статья поступила в редакцию / Received 22.02.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 08.05.2025
Принята к публикации / Accepted 12.05.2025

Научная статья
УДК 81-114
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/56-68

Сравнительный анализ употребления условных форм японского языка

Александр Фёдорович Прасол

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Российская Федерация
Кандидат филологических наук, доктор исторических наук, заведующий отделом Японии, ведущий научный сотрудник, aleprasol@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-1862-8317

Аннотация. Цель статьи состоит в сравнительном анализе и систематизации правил использования грамматических форм японского языка, маркирующих предложения с условно-следственной связью: незаключительных форм сказуемого на –БА и –ТАРА, союзов ТО и НАРА. Инструментом анализа служат выделяемые по семантическому признаку семь типов условного значения: простое общее, конкретное гипотетическое, многократно реализованное, альтернативное, перфектное реализованное, перфектное гипотетическое и окказиональное.

Результат анализа представлен в виде таблицы, показывающей возможности использования четырёх грамматических форм для выражения семи типов условного значения. Из двадцати восьми позиций замещённой оказывается двадцать одна. В замещённых позициях выделяются пять «сильных» вариантов условного значения, имеющих собственное грамматическое оформление и высокую частоту использования, и пять «слабых» значений, противопоставленных им по тем же признакам.

Ключевые слова: условная связь в японском языке, условные формы на –БА и –ТАРА, союз ТО, союз НАРА

Для цитирования: Прасол А.Ф. Сравнительный анализ употребления условных форм японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 56–68.

Original article

Comparative analysis of the use of conditional forms in Japanese

Alexander F. Prasol

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation
Candidate of Philological, Doctor of Historical Sciences, Head of Japan Department, Leading Researcher, aleprasol@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-1862-8317

Abstract. The aim of the article is to comparatively analyze and systematize the rules of using grammatical forms of Japanese language, marking sentences with conditional conjunction: the non-

© Прасол А.Ф., 2025

inclusive predicate forms of -BA and -TARA, conjunctions TO and NARA. Seven types of conditional meaning distinguished on semantic grounds serve as analysis tools: simple general, concrete hypothetical, multiple realized, alternative, perfective realized, perfective hypothetical and occasional condition.

The result of the analysis is presented in the form of a table showing the possibilities of using four grammatical forms to express seven types of conditional meaning. Out of twenty-eight positions, twenty-one are substituted. In the substituted positions five “strong” variants of conditional meaning are distinguished, having their own grammaticalization and high frequency of use, and five “weak” meanings, opposed to them by the same features.

Key words: conditional conjunction in Japanese, conditional forms on -BA and -TARA, union TO, union NARA

For citation: Prasol A.F. Comparative analysis of the use of conditional forms in Japanese. *Far Eastern Philological Journal,* 2025, vol. 3, no. 2, pp. 56–68. (In Russ.).

В японском языке условно-следственная связь выражается четырьмя способами: незаключительными формами сказуемого на –БА или –ТАРА и союзами ТО и НАРА. Они входят в число базовых элементов грамматики и объясняются в учебниках японского языка, поэтому знакомы всем, кто начинает его учить. Однако вопрос о различиях и правилах их употребления может оказаться непростым даже для тех, кто хорошо знает этот язык.

В настоящее время можно выделить три способа описания семантики условных форм. Первый чаще всего встречается в учебниках и адресован тем, кто только начинает осваивать японский язык. Обычно автор выбирает одну из форм и объясняет её основные и вспомогательные значения, а также правила употребления, сравнивая их между собой и выявляя сходства и отличия. Таким образом последовательно описываются все четыре условные формы.

Второй способ заключается в объяснительном сравнении разных форм, имеющих одно и то же или очень близкое значение. Число сравниваемых форм может варьировать, но чаще всего их бывает две, реже – три. Количество охватываемых значений тоже может быть разным, но никогда – исчерпывающим, что вполне объяснимо, поскольку общепризнанного списка этих значений просто не существует. Авторы учебных пособий описывают те варианты, которые кажутся им более важными.

Третий тип описания, наиболее детальный и глубокий, содержат работы японских авторов, адресованные преимущественно специалистам. В них обычно рассматриваются две условные формы и только в одном, максимум в двух близких по смыслу значениях. Это варианты, которые в практических учебниках подаются как полностью синонимичные. На самом деле их синонимичность неполная, что часто ускользает от внимания даже носителей японского языка. Анализ глубоко скрытых нюансов и различий между значениями этих форм и составляет содержание работ такого рода.

Каждый из этих способов имеет свои недостатки и преимущества. Первый позволяет при последовательном применении проследить все варианты использования описываемой формы и их значения, но не даёт возможности сравнить между собой значения разных форм. Второй способ такую возможность предоставляет, но только в отношении некоторых форм в некоторых значениях; его недостаток в неполноте описания. Третий способ позволяет выявить самые глубинные различия между близкими вариантами употребления условных

форм, но страдает тем же недостатком – неполнотой описания – пожалуй, в ещё большей степени, чем второй. Кроме того, этот способ, вероятно, вообще не может применяться исследователями, для которых японский язык не является родным, поскольку требует совершенного владения языком и понимания тончайших грамматических нюансов. В этом несложно убедиться, сравнив между собой два предложения:

Таро: га китара, Ханако га каэтта.

Таро: га куру то, Ханако га каэтта [2, с. 110, 119].

Как только пришёл Таро, Ханако ушла.

Вероятно, далеко не каждый носитель японского языка сумеет объяснить разницу в ситуациях, стоящих за этими двумя предложениями, даже если её почувствует. Чтобы это сделать, нужно обратиться к таким деталям описываемой ситуации, как местонахождение говорящего относительно одного из её участников, интенциональность (преднамеренность) их действий и некоторые другие контекстуальные нюансы [4].

Накопленные к настоящему времени грамматические наблюдения позволяют предпринять попытку обобщения и системного семантического описания условных форм японского языка. Первым шагом к такому описанию может стать составление списка всех существующих в японском языке типов условного значения. Несложный анализ примеров, приводимых в многочисленных учебных пособиях, позволяет выделить семь разновидностей условно-следственного значения, каждому из которых в реальной речи соответствует определённый тип высказывания [1]. Перечислим их.

I. Простое общее условие.

II. Конкретное гипотетическое условие.

III. Многократно реализованное условие.

IV. Альтернативное условие.

V. Перфектное реализованное условие.

VI. Перфектное гипотетическое условие.

VII. Окказиональное условие.

Приведём смысловое описание этих типов.

I. Простое общее условие. «Если имеет место А, то имеет место и Б». В суждении устанавливается обязательная взаимосвязь между условием и следствием безотносительно к их реализованности на момент речи. Взаимосвязь имеет универсальный характер и описывает закономерные, устойчивые, привычные пары фактов, процессов или признаков, обычно сопутствующих друг другу. Простое общее условие могут выражать три из четырёх условных форм: –БА, –ТАРА, –ТО.

(1) *Хати ни ён о какэрэба, сандзю:ни ни нару.*

(2) *Хати ни ён о какэтара, сандзю:ни ни нару.*

(3) *Хати ни ён о какэру то, сандзю:ни ни нару.*

Если восемь умножить на четыре, будет тридцать два.

Особенность этого типа высказываний в том, что в главном предложении не может быть адресованных второму лицу субъективно-модальных значений (таких как приказ, просьба, разрешение и т. п.), поскольку они не согласуются с объективно-универсальным характером простого общего условия. Действие главного предложения не может быть интенциональным, т.е. зависеть от воли говорящего.

II. Конкретное гипотетическое условие. «Если будет иметь место А, то (непременно, вероятно, возможно) будет иметь место и Б».

(1) Комбан ватаси но токоро э курэба, фурансу рё:ри о цукуттэ агэру ё.

(2) Комбан ватаси но токоро э китара, фурансу рё:ри о цукуттэ агэру ё.

Если придёшь сегодня вечером ко мне, приготовлю французский ужин.

Среди всех типов условия первый и второй ближе всего друг к другу, и потому их бывает непросто идентифицировать. Главное отличие второго типа заключается в том, что условие и следствие единичны, конкретны и относятся к плану будущего времени. Этот тип связи реализуют две из четырёх условных форм.

III. Многократно реализованное условие. «Каждый раз, когда имело место событие А, имело место и событие Б». Условие и следствие единичны, конкретны и на момент речи многократно реализованы в действительности.

(1) Оканэ га накэрэба, гохан дакэ табэта но датта.

(2) Вакай токи ва, оканэ га най то, гохан дакэ табэта.

(По молодости,) когда денег не было, ели один только рис.

В высказываниях этого типа условие и следствие относятся к одному и тому же субъекту, сказуемое главного предложения всегда имеет форму прошедшего времени и плохо сочетается с субъективно-модальными значениями. По форме высказывания этого типа представляют собой констатацию фактов прошлого, подразумевающую их многократный характер.

IV. Альтернативное условие. «Если событие А действительно имело (имеет, будет иметь) место, то …». Особенность этого типа высказываний заключается в субъективном допущении того, что условие было реализовано в действительности, поэтому сказуемое главного предложения может иметь форму любого времени и сочетаться с любыми адресованными второму лицу субъективно-модальными значениями.

(1) Сонна ни икитакэрэба, иттэ мо ий ё.

(2) Сонна ни икитакаттара, иттэ мо ий ё.

(3) Сонна ни икитай нара, иттэ мо ий ё.

Если так уж хочется, то иди.

Для альтернативного условия в его классическом варианте (с союзом НАРА) не имеет значения ни смысловое наполнение условия, ни содержания следствия: они могут быть как однократно, так и многократно реализованными в прошлом или чисто гипотетическими, допускаемыми в будущем; соответственно, оба сказуемых могут иметь форму любого времени.

V. Перфектное реализованное условие. «Поскольку имело место событие А, то (вероятно, возможно, непременно) имело (имеет, будет иметь) место и событие Б». Условие и следствие представлены единичными фактами; на момент речи условие реализовано, следствие – возможно, да, возможно, нет.

VI. Перфектное гипотетическое условие. «Если бы событие А имело место, то и Б (вероятно, возможно, непременно) тоже имело бы место».

(1) Маэ кара сорэ о <u>ситтэ ирэба</u>, конна мису о синакатта даро:

(2) Маэ кара сорэ о <u>ситтэ итара</u>, конна мису о синакатта даро:

(3) Маэ кара сорэ о <u>ситта нара</u>, конна мису о синакатта даро:

Если бы знал это раньше, наверное, не сделал бы такой ошибки.

Оба события относятся к плану прошедшего времени и на момент речи в действительности не реализованы. В предложениях с союзом НАРА сказуемое придаточного предложения может иметь форму длительного (–ТЭ ИРУ) или прошедшего (–ТА / –ДА) времени, а сказуемое главного предложения – только форму прошедшего, чаще всего в сочетании с вероятностной оценкой события.

VII. Окказиональное условие. Отличается амбивалентностью временной соотнесённости условия и следствия. Первый вариант: условие во времени предшествует следствию, но не является его причиной. «После реализации А (непредвиденно) произошло Б». Второй вариант: следствие наступает одновременно с реализацией условия, не являясь его причиной. «В процессе реализации А (непредвиденно) произошло Б».

Содержанием высказываний с окказиональным условием могут быть только факты, действия или состояния, на момент речи реализованные в действительности. Следствие не является логически закономерным и не зависит от воли субъекта действия. Субъект речи и субъект действия при этом могут как совпадать, так и не совпадать; то же касается субъектов действия в главном и придаточном предложениях. Непреднамеренность следствия Б может достигать степени, при которой его смысловая связь с условием А почти полностью утрачивается и превращается в чисто временную соотнесённость.

(1) *Иэ ни каэттара, рё:син кара тэгами га атта.*

(2) *Иэ ни каэру то, рё:син кара тэгами га атта.*

Вернулся домой, а там письмо от родителей.

Условные формы функционируют во множестве устойчивых грамматических конструкций (–БА ИЙ, –ТАРА ДО: ДЭС КА, –ТО ИЙ НА и т.п.). Несмотря на их многочисленность и многообразие, значения условных форм в их составе не выходят за пределы названных семи типов, что позволяет считать список исчерпывающим и опираться на него в дальнейших рассуждениях.

Полностью ли равнозначны между собой эти семь типов? Насколько существенны различия между ними? Чем определяется возможность употребления формы для реализации разных типов значений? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, во-первых, выяснить, какие формы могут и какие не могут реализовывать каждый из семи типов условия, и определить, какие факторы на это влияют. Во-вторых, попытаться выяснить, в чём сходство и отличия форм, выражающих один и тот же тип условия.

Возьмём для этого пару часто сопутствующих друг другу действий, состоящих в простой и очевидной условно-следственной связи, например, «идёт дождь» и «раскрыть зонтик», и на примере этой пары проследим работу всех четырёх условных форм. Репрезентативность выбранной пары определяется тем, что в японском языке оба события, как и в русском, выражаются глагольно-именными группами и имеют классическую структуру «субъект – действие». Впрочем, простота примера имеет и недостаток: она оставляет за рамками анализа оттенки, в отдельных случаях выступающие довольно значимыми смыслоразличителями. Как уже говорилось, они могут зависеть от множества самых разных грамматических и неграмматических факторов – от морфологической принадлежности сказуемого до положения субъекта речи относительно места действия. Сегодня в этой области ещё очень много пробелов, поэтому на анализе простых примеров попробуем выявить хотя бы основные правила использования условных форм в разных смысловых типах и определить, где и почему они соседствуют

или исключают друг друга. Для этого рассмотрим возможность использования всех четырёх форм в каждом из семи выделенных выше типов условной связи.

Простое общее условие

(1) Амэ га фурэба, каса о сасу.

(2) Амэ га футтара, каса о сасу.

(3) Амэ га фуру то, каса о сасу.

Если (когда) идёт (пойдёт) дождь, раскрываю (раскрою) зонтик.

Различие между примерами (1) и (2) заключается в том, что первый выражает только простое общее условие (если /когда/ идёт дождь, раскрываю зонтик), а последний – простое и конкретное гипотетическое (если /когда/ пойдёт дождь, раскрою зонтик). В (3) союз ТО может вносить едва заметный оттенок многократности действия, сближающий его до неразличения с простым общим условием (каждый раз, когда идёт дождь, раскрываю зонтик). Союз НАРА для выражения простого общего условия использоваться не может. Запрещающий признак – субъективно-модальные значения в сказуемом главного предложения: простое общее условие их не допускает, а союз НАРА в норме их требует.

Конкретное гипотетическое условие

(1) Амэ га фурэба, каса о сасинасай.

(2) Амэ га футтара, каса о сасинасанай.

Если (когда) пойдёт дождь, раскрой зонтик.

(3) Амэ га фуру нара, каса о сасинасай.

Если дождь действительно пойдёт, раскрой зонтик.

Конкретное гипотетическое условие, как и простое общее, можно выразить с помощью трёх форм. (1) и (2) полностью синонимичны и относят условие придаточного к плану будущего времени, действие главного предложения на момент речи тоже не реализовано. В (3) союз НАРА ещё больше усиливает и без того гипотетический характер условия: «если дождь действительно пойдёт, то …». В этом главная отличительная черта высказываний с союзом НАРА, обеспечивающая ему обособленность от остальных трёх форм. Выражаемая им гипотетичность условия настолько сильна, что может перевешивать грамматическое значение показателей времени: НЮ: ГАКУ СИТА НАРА в зависимости от содержания главного предложения может означать и «если действительно поступил в вуз», и «если действительно поступит в вуз». При союзе НАРА сказуемое в форме прошедшего времени может выражать будущее действие.

Союз ТО в предложениях со значением конкретного гипотетического действия не употребляется[1]. Главная причина в том, что дифференцирующим признаком этого типа условия служат субмодальные значения в сказуемом главного предложения, благодаря которым он в приведённых примерах только и отличается от простого общего условия, а союз ТО, в отличие от НАРА, с ними абсолютно несовместим.

Формы сказуемого на – БА и –ТАРА могут выражать конкретное гипотетическое условие, только если содержанием сказуемого является действие или процесс, но не ситуация.

[1] За исключением тех случаев, когда в придаточном содержится указание на конкретный момент или период времени в будущем: *Ватаси ва райнэн сангацу ни нару то, дайгаку о соцугё: суру.* Букв.: Когда наступит март следующего года, я окончу вуз. Такие предложения можно считать вариантом рассмотренного выше простого общего условия.

В этом последнем случае гипотетическое условие трансформируется в альтернативное (ср. альтернативные условия АЦУКАТТАРА «если жарко» и СОРЭ ВА ХОНТО: ДЭ АРЭБА «если это правда»). Предложения с НАРА такого ограничения не имеют и выражают альтернативное условие при любом содержании сказуемого.

Для формы на –ТАРА значение конкретного гипотетического условия является более органичным и естественным, чем для формы на –БА. Это связано с тем, что –ТАРА хорошо сочетается с любыми единичными конкретными событиями независимо от их реализованности или гипотетичности, в то время как форма на –БА ориентирована в первую очередь на обслуживание закономерных, регулярно воспроизводимых условно-следственных связей между событиями. Несколько упрощая, можно констатировать, что в условном значении формы на –ТАРА сильнее выражена доминанта времени (когда) применительно к единичному событию, а в значении формы на –БА весомее доминанта условия (если), хотя это различие может нейтрализоваться. На практике оно выражается в том, что форма на –ТАРА допускает в сказуемом главного предложения широчайший спектр субъективно-модальных значений, а форма на –БА – только модальность предположения (ДАРО:). Есть между ними и другие, менее очевидные и менее значимые различия.

Многократно реализованное условие

(1) Ано токи, амэ га фурэба, каса о сасита.

(2) Ано токи, амэ га фуру то, каса о сасита.

В то время если шёл дождь, (я) раскрывал зонтик.

(3) Амэ га ёку футта нара, каса о табатаби сасита даро.

Если (в самом деле) шли дожди, то, наверное, часто приходилось ходить с зонтиком.

Этот тип связи используется в высказываниях констатирующего характера. Форма на –БА и союз ТО не допускают никаких субмодальных значений в главном предложении, а для НАРА это ограничение, как и во всех других случаях, отсутствует. Для всех трёх форм многократно реализованное значение не является имманентно-органичным, заложенным в их семантико-грамматическое поле. Для полноценной манифестации этого значения необходим лексический инструмент, указывающий на многократный характер событий или на временной промежуток, в течение которого эти события имели место, например АНО ТОКИ «в то время», ГАКУСЭЙ ДЗИДАЙ «в студенческие годы», СИБАСИБА «часто», ТОКИДОКИ «иногда», НАНКАЙМО «неоднократно» и т.п. Из этого можно сделать вывод, что многократно реализованное условие выделяется среди прочих типов отсутствием специальных, предназначенных для него условных форм.

Многократно реализованное условие не может выражаться формой сказуемого на – ТАРА, поскольку в её семантике изначально заложена однократность обслуживаемых событий безотносительно ко времени их реализации.

Альтернативное условие

(1) Амэ га футтэ ирэба, каса о сасита хо: га ий дзя най ка.

(2) Амэ га футтэ итара, каса о сасита каса о сасита хо: га ий дзя най ка.

(3) Амэ га футтэ иру нара, каса о сасита хо: га ий дзя най ка.

Если (когда) идёт дождь, не лучше ли раскрыть зонтик?

Альтернативное условие тоже может быть выражено тремя формами из четырёх, при этом в приведённых выше примерах они грамматически синонимичны. Однако если говорить

в целом, то между формами на –БА и –ТАРА с одной стороны и союзом НАРА – с другой в этом значении есть довольно глубокие различия, анализ которых может составить содержание отдельной статьи. Отметим здесь лишь наиболее существенные.

Для союза НАРА альтернативное условие является имманентно-органичным и наиболее репрезентативным среди всех возможных. Что касается форм на –БА и –ТАРА, то они могут выражать его только в тех случаях, когда содержанием условия является длящееся действие или состояние, то есть входить в состав сказуемого, выраженного прилагательным, глаголом в длительном времени или существительным со связкой. При глагольном сказуемом со значением однократного действия –БА и –ТАРА не могут выражать альтернативное условие.

Этот тип имеет одну особенность, выделяющую его среди всех остальных. Оформляемое союзом НАРА условие всегда подразумевает наличие внешних факторов или признаков, позволяющих допустить недостоверность условия. Это допущение и определяет его неполностью достоверный, альтернативный характер.

(1) Ню:гаку сита нара, тянто бэнкё: сита даро.

Если (действительно) поступил, наверное, хорошо готовился.

(2) Ню:гаку суру нара, тянто бэнкё: сита даро.

Если (действительно) будет поступать, наверное, как следует подготовился.

(3) Ню:гаку сита нара, тянто бэнкё: суру даро.

Если поступит в вуз, наверное, будет хорошо учиться.

Или: если (действительно) поступил, наверное, хорошо учится.

Как видно из примеров 1–3, союз НАРА амбивалентен к категории времени в обоих сказуемых и может обслуживать как предположительно реализованное в прошлом (1) и (2), так и чисто гипотетическое, лишь возможное в будущем условие (3). При этом условие и следствие могут инвертироваться на оси времени не только относительно момента речи, но и относительно друг друга, чего не допускает ни одна из трёх остальных условных форм. Так, в (1) условие и следствие представлены единичными, конкретными, реализованными на момент речи событиями. В (2) условие гипотетично и относится к плану будущего времени, а следствие предположительно реализовано. В (3) вообще возможны два варианта. В первом условие и следствие на момент речи предположительно не реализованы и отнесены к плану будущего времени, а второй почти полностью совпадает с (1), за исключением того, что полагаемое реализованным следствие имеет место не в прошлом, а в настоящем. Таким образом, в (1) и (2) союз НАРА допускает отступление от общего правила временной соотнесённости условия и следствия, в (1) и (3) располагает их на оси времени по одну сторону от момента речи, а в (2) – по разные [3]. Такой свободы в отношении временной соотнесённости условия, следствия и момента речи не допускает ни одна из трёх других форм. Это позволяет сделать вывод о том, что временная соотнесённость трёх ключевых элементов условно-следственной конструкции для союза НАРА иррелевантна. Что косвенно подтверждает способность этого союза выражать любые типы условных значений, кроме простого общего и окказионального. Столь широкая сочетаемость НАРА определяется тем, что эти пять типов условия допускают предполагаемую говорящим гипотетичность условия и следствия, основанную на внешних признаках или внешней информации («если, как я слышал…»; «если, как мне кажется…» и т.п.). Эта особенность лишает союз НАРА возможности выражать временной аспект условия (когда), оставляя логическое условие в чистом виде (если).

Союз НАРА также резко выделяется среди других форм в плане сочетаемости. Будучи образованным от семантически самодостаточного глагола НАРУ, он сохраняет его синтаксическую самостоятельность и способность следовать после любых заключительных форм сказуемого придаточного предложения в любом времени. В плане сочетаемости с ним тоже не может сравниться ни одна другая условная форма.

Предложения с союзом НАРА имеют два ограничения, обусловленных его семантикой. Во-первых, в придаточном условия не может быть безальтернативных, не допускающих гипотетической подачи событий, то есть событий, которые по общей логике имеют место всегда и безусловно, например явления природы, смена сезонов, дня и ночи (*асита тайё: га нобору нара* «если завтра взойдёт солнце»). Во-вторых, НАРА не может связывать события, состоящие в логически очевидных, безальтернативных условно-следственных отношениях, которые невозможно представить как гипотетические. Это отношения, которые составляют содержание простого общего условия.

Итак, альтернативное условие может выражаться в японском языке союзом НАРА и формами сказуемого –БА и –ТАРА. Союз используется в этой функции без грамматических ограничений, а две последние формы – с ограничениями. Вот они:

1) в высказываниях с –БА и –ТАРА содержанием условия А может быть длящееся действие или состояние, но не однократное реализованное действие;

2) во времени условие А предшествует следствию Б;

3) содержанием следствия Б может быть только гипотетическое (не реализованное на момент речи) событие.

Все три условия должны выполняться одновременно. Для союза НАРА эти условия несущественны.

Перфектное реализованное условие

Единственный тип условия, который с минимальными смысловыми оттенками может выражаться всеми четырьмя грамматическими формами.

(1) Конна ни нагаку амэ га футтэ ирэба, минна каса о саситэ иру но мо то:дзэн да.

(2) Конна ни нагаку амэ га футтэ итара, минна каса о саситэ иру но мо то:дзэн да.

(3) Конна ни нагаку амэ га футтэ иру то, минна каса о саситэ иру но мо то:дзэн да.

Коль скоро дождь идёт так долго, неудивительно, что все под зонтами.

(4) Конна ни нагаку амэ га футтэ иру нара, минна каса о саситэ иру но мо то:дзэн да.

Если дождь (действительно) так долго идёт, то неудивительно, что все под зонтами.

Однако следует помнить, что в разных типах предложений для каждой из четырёх форм существуют ограничения. В придаточном содержится однократно реализованное на момент речи событие, а содержание главного предложения может широко варьировать. Это последнее и определяет возможность использования всех четырёх форм. Примеры (1), (2), (3) по смыслу синонимичны; из отличий следует отметить возможность использования в (1) и (2) модальных концовок повышенной или пониженной вероятности; в (3) они менее органичны. Другие концовки с субъективно-модальными значениями в этих трёх примерах невозможны. Что касается (4), то союз НАРА не предъявляет никаких требований к содержанию или структуре главного предложения; для условия в придаточном актуальны смысловые ограничения, изложенные в предыдущем параграфе. В высказываниях с перфектным реализованным условием для союза

НАРА возможны, но необязательны субмодальные значения в сказуемом главного предложения, что, вообще говоря, нехарактерно для его употребления.

Перфектное гипотетическое условие

(1) Амэ га фуранакэрэба, касса о сасанакутэ мо сунда даро: ни.

(2) Амэ га фуранакаттара, касса о сасанакутэ мо сунда даро: ни.

(3) Амэ га фуранакатта нара, касса о сасанакутэ мо сунда даро: ни.

Если бы не дождь, можно было бы обойтись без зонта.

Этот тип условия может выражаться тремя формами из четырёх, различия между ними в смысловых оттенках минимальны и в реальном общении малозначимы. В приведённых примерах условие и следствие (отсутствие дождя и возможность обойтись без зонта) подаются как однократные, гипотетические, не реализованные в прошлом события. Это своеобразное и нечасто встречающееся сочетание признаков формирует содержание перфектного нереализованного условия и помещает его на периферию рассматриваемой категории. Отнесение обоих событий к плану прошедшего времени и их гипотетичность выражается соответствующими средствами в сказуемом главного предложения – формой прошедшего времени и окончаниями ДАРО: НИ, ДАРО: НОНИ. Придаточное предложение типологически обезличено, оно не содержит в себе грамматических маркеров этого типа условно-следственной связи, и в этом заключается ещё одна его особенность.

Наиболее естественным и часто встречающимся средством выражения этого типа является союз НАРА, как самый толерантный к многообразию временных соотношений между условием, следствием и моментом речи, а также к субъективно-модальным значениям в сказуемом главного предложения. В предложениях с НАРА содержанием условия в придаточном предложении может быть и однократное действие, выраженное глагольным сказуемым, и длящееся действие или состояние в соответствующих формах, в то время как формы на –БА и –ТАРА допускают только однократное действие.

Союз ТО не используется для выражения перфектного гипотетического условия, поскольку по двум названным признакам является антагонистом союза НАРА: во-первых, несовместим с субъективно-модальными значениями в сказуемом и, во-вторых, не допускает обратной временной последовательности нереализованного условия и следствия.

Окказиональное условие

(1) Амэ га футтара, каса о сасо: то ситэ, каса га най то ки га цуйта.

Когда пошёл дождь, хотел раскрыть зонтик, и тут вижу, что его нет.

(2) Ано токи, амэ га фуру то, каса о сасита.

В это время пошёл дождь, и я раскрыл зонтик.

Этот тип условно-следственной связи, часто встречающийся на практике и имеющий множество вариантов, выражается только двумя формами – союзом ТО и сказуемым на – ТАРА. При окказиональном условии оба события имеют единичный конкретный характер и на момент речи реализованы в действительности, поэтому сказуемое главного предложения (следствие) всегда имеет форму прошедшего времени. Событие придаточного (условие) по времени предшествует событию главного (следствие) или реализуется одновременно с ним; при этом по содержанию они могут быть очень слабо связаны между собой или вообще содержательно не связаны:

(3) Яттэ миру то, таносикатта. Попробовал – понравилось.

(4) Иэ ни каэттара, тэгами га атта. Пришёл домой – а там письмо.

(5) Мэню о миру то, табэтаку натта. Просматривая меню, захотел попробовать.

Эти примеры демонстрируют суть окказионального условия, при котором событие А не служит предпосылкой события Б, а событие Б происходит независимо от А. Они просто соположены во времени – как до некоторой степени взаимосвязанные (3, 5) или абсолютно случайные (4).

Поскольку содержание таких высказываний могут составлять только единичные реализованные в прошлом события, сказуемое главного предложения может иметь только форму прошедшего времени и не допускает субмодальных значений.

В наибольшей степени окказиональное условие противопоставляется альтернативному условию, поэтому неудивительно, что его главный маркер – союз НАРА – в предложениях с окказиональным условием не используется. Что касается формы на –БА, то она вообще не очень хорошо сочетается с событиями единичного характера, а с единичными реализованными событиями не сочетается вообще.

Ответить на вопрос, в чём различие союза ТО и формы на –ТАРА в значении окказионального условия, очень непросто. В большинстве случаев они синонимичны и взаимозаменяемы, но имеют ограничения к использованию в определённых ситуациях. Для их полного описания необходим учёт множества самых разнообразных характеристик событий, составляющих содержание условия и следствия. Например, если речь идёт о действиях, то имеет значение их длительность или дискретность, выраженность пространственных или временных границ, наблюдаемость, интенциональность и другие смысловые параметры [4].

Заключение

Всё вышесказанное относительно четырёх грамматических форм и возможностей их употребления в типологически разных конструкциях с условно-следственной связью можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Употребление условных форм в конструкциях условно-следственной связью

Тип условия	–БА	–ТАРА	ТО	НАРА
Простое общее	+	+	+	–
Конкретное гипотетическое	+	+	–	+
Многократно реализованное	+	–	+	+
Альтернативное	+	+	–	+
Перфектное реализованное	+	+	+	+
Перфектное гипотетическое	+	+	–	+
Окказиональное	–	+	+	–

Всего в сетке двадцать восемь позиций, из них двадцать одна замещена – то есть соответствует определённому типу условного значения, выраженному определённой грамматической формой, и семь позиций незамещённых. Число и распределение замещённых позиций свидетельствует о высокой синонимичности условных форм, хорошо известной любому, кто изучает японский язык. Всеми четырьмя формами может выражаться только один тип условного значения, пять типов могут реализовываться тремя формами из четырёх, и один тип – двумя

формами. В свою очередь, каждая грамматическая форма может участвовать в реализации от четырёх (союз ТО) до шести типов условно-следственной связи (формы на –БА и –ТАРА). С учётом этих параметров условным формам японского языка можно дать общие характеристики.

Форма сказуемого на –БА. Главное средство связи для регулярно воспроизводимых, единичных или множественных событий, на момент речи реализованных или безотносительных к реализованности, соотносимых с планом непрошедшего времени. Событие А во времени всегда предшествует событию Б. Имманентно-органичным типом для этой формы является простое общее условие.

Форма сказуемого на –ТАРА. Имеет двойственную грамматическую семантику. Органично связывает 1) единичные нереализованные события, относимые к плану непрошедшего времени (конкретное гипотетическое и перфектное гипотетическое условия) и 2) единичные реализованные события, относимые к плану прошедшего времени (окказиональное и перфектное реализованное условия). Условие и следствие состоят в прямой временной последовательности.

Союз ТО. Грамматическое средство первой очереди для выражения связи между единичными, повторяющимися событиями, на момент речи реализованными либо безотносительными к реализованности, состоящими в прямой временной последовательности и соотносимыми преимущественно с прошедшим или настоящим неопределённым временем. Основные типы обслуживаемого условного значения – простое общее и окказиональное.

Союз НАРА. Противопоставляется остальным трём формам по большинству признаков. Может связывать события независимо от их единичности или множественности, реализованности или гипотетичности, соотнесённости с грамматическим временем или моментом речи. Имманентно-органичный тип обслуживаемого значения – альтернативное условие. Продуктивность союза НАРА в реализации остальных шести типов условия определяется степенью их близости к альтернативному. Из них наиболее удалённый тип – конкретное гипотетическое условие, он занимает очень скромное место в поле употребления этого союза.

Выделенные типы условного значения неравнозначны между собой. Одни типы вполне самостоятельны в семантическом плане, имеют набор собственных признаков и грамматических требований к синтаксическому оформлению. Они образуют устойчивые, воспроизводимые по определённым правилам конструкции, которые во множестве встречаются во всех типах коммуникации. Они в первую очередь помещаются в учебники японского языка и объясняются в грамматических справочниках. К таким «сильным» типам условного значения относятся:

– простое общее условие с формой на –БА и союзом ТО;
– конкретное гипотетическое условие с формой на –ТАРА;
– альтернативное условие с союзом НАРА;
– перфектное гипотетическое условие с формой на –БА;
– окказиональное условие с формой на –ТАРА и союзом ТО.

На противоположном фланге располагаются наименее самостоятельные в семантическом плане и реже встречающиеся на практике типы условного значения, которые могут быть реализованы только при дополнительных условиях. Например, когда содержанием придаточного предложения является состояние, но не действие. Или когда в предложении лексически эксплицировано указание на момент или отрезок времени, когда действие имело место. Могут быть и многие другие ограничения, о которых говорилось выше. Предложения с такими «слабыми» типами находятся на периферии семантического поля условных значений, поэтому те,

кто осваивает японский язык, встречаются с ними на более поздних этапах. К таким типам значений можно отнести следующие:

– простое общее условие с формой на –ТАРА;

– конкретное гипотетическое условие с формой на –БА и союзом НАРА;

– многократно реализованное условие с формой на –БА и союзом ТО;

– альтернативное условие с формой на –БА.

В семантическом плане наименее самостоятельными выглядят два типа условного значения: конкретное гипотетическое и многократно реализованное. Первое по формальному грамматическому оформлению часто совпадает с простым общим условием и может отличаться от него только присутствием в предложении лексических конкретизаторов времени, переводящих содержание придаточного из неопределённого настоящего времени (обычно, всегда) в привязанное к конкретному моменту будущее (вечером, в мае). Второй тип условия не может быть реализован без привлечения дополнительных грамматических средств, указывающих на то, что содержание главного предложения (следствие) имеет множественный характер.

Список литературы

1. *Арита Сэцуко*. Нихонго но дзё:кэнбун то тисики // Нихонго но дзё:кэн хё:гэн = Что надо знать о категории условия в японском языке // В кн.: Условные выражения в японском языке. Куросио сюппан, 1993. С. 41–72.

2. *Куно Сусуму*. Нихон бумпо: кэнкю: = Исследования по японской грамматике. Дайсю:кан сётэн, 1988. 295 с.

3. *Судзуки Ёсикадзу*. НАРА дзё:кэнбун но ими // Нихонго но дзё:кэн хё:гэн = Условные предложения с союзом НАРА // В кн.: Условные выражения в японском языке. Куросио сюппан, 1993. С. 131–148.

4. *Хасунума Акико*. –ТАРА то ТО но дзидзицутэки ё: хо: о мэгуттэ // Нихонго но дзё:кэн хё:гэн = О практическом употреблении –ТАРА и –ТО // В кн.: Условные формы в японском языке. Куросио сюппан, 1994. С. 73–98.

References

1. *Arita Setsuko*. Nihongo no jokenbun to chishiki. *Nihongo no joken hyogen* = What you need to know about the category of conditionals in Japanese. In: *Conditional Expressions in Japanese*. Kuroshio Shuppan, 1993. P. 41–72. (In Jap.).

2. *Kuno Susum*u. Nihon bumpo kenkyu = Studies on Japanese grammar. Daishukan shoten, 1988. 295 p. (In Jap.).

3. *Suzuki Yoshikazu*. NARA jokenbun no imi. *Nihongo no joken hyogen* = Conditional sentences with the conjunction NARA. In: *Conditional Expressions in Japanese*. Kuroshio Shuppan, 1993. P. 131–148. (In Jap.).

4. *Hasunuma Akiko*. -TARA to TO jijitsuteki yoho o megutte. *Nihongo no joken hyogen* = On the practical use of -TARA and -TO. In: *Conditional forms in Japanese*. Kuroshio shuppan, 1994. P. 73–98. (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 28.03.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 07.05.2025
Принята к публикации / Accepted 09.05.2025

Научная статья
УДК 811.24.373
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/69-86

Протокитайские фразеологические композиты современного японского языка (постановка проблемы)

Александр Сергеевич Дыбовский

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения,
почётный профессор Осакского университета, dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. Предметом анализа в статье являются протокитайские фразеологические композиты, которые играют важную роль в современном японском языке, отражая долгую историю культурного взаимодействия Японии и Китая. Протокитайские фразеологические композиты представляют собой фразеологизмы, либо заимствованные из китайского языка, либо созданные в Японии по китайским моделям. В число протокитайских фразеологизмов входят как давние заимствования, пришедшие из *вэньяня*, так и более новые выражения, созданные в ответ на актуальные вызовы жизни. Протокитайские фразеологические композиты японского языка (熟語 – *дзюкуго*) рассматриваются как «капсулы времени», тесно связанные не только с китайской историей и культурой, идеями китайских мыслителей, этическими, эстетическими, религиозными и бытовыми максимами китайской цивилизации, но также и с некоторыми формами грамматики *вэньяня*, лежащими в основе структуры многих протокитайских фразеологизмов. При помощи структурно-грамматического и семантического анализа выявляются основные структурные разновидности протокитайских фразеологизмов, даётся краткое описание типологии двух- и трёхкомпонентных протокитайских фразеологизмов, ставятся дальнейшие задачи их исследования. Особое внимание уделяется изучению функционально-стилистических особенностей протокитайских фразеологических композитов. Автор приходит к выводу о том, что протокитайские фразеологизмы являются мощным средством языковой экспрессии, и они продолжают динамично развиваться в японском языке, адаптируясь к современным условиям языковой коммуникации и оставаясь важным элементом японской языковой культуры.

Ключевые слова: фразеология китаизмов японского языка, протокитайские фразеологизмы, разновидности протокитайских фразеологизмов, основные виды двухкомпонентных протокитайских фразеологизмов, основные виды трёхкомпонентных протокитайских фразеологизмов, экспрессивно-стилистические особенности протокитайских фразеологизмов

Для цитирования: Дыбовский А.С. Протокитайские фразеологические композиты современного японского языка (постановка проблемы) // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 69–86.

© Дыбовский А.С., 2025

Original article

Proto-Chinese phraseological compounds in modern Japanese (problem statement)

Alexander S. Dybovsky

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department,
Professor Emeritus of Osaka University, dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. This article investigates Proto-Chinese phraseological compounds, which hold a crucial position in the modern Japanese language, illustrating the long-standing history of cultural exchange between Japan and China. These compounds include phraseological expressions either directly borrowed from Chinese or developed within Japan based on Chinese linguistic patterns. They encompass both classical idioms derived from Literary Chinese and newer expressions that have emerged in response to contemporary societal changes. Proto-Chinese phraseological compounds in Japanese (熟語, jukugo) can be seen as "time capsules", intricately connected not only to Chinese history, culture, and philosophical ideas, but also to the ethical, aesthetic, religious, and practical maxims of Chinese civilization. Furthermore, they are rooted in the specific grammatical structures of Classical Literary Chinese, which serve as the grammatical foundation for many of these expressions. Using structural-grammatical and semantic analysis, this study identifies the main structural varieties of Proto-Chinese phraseological units and provides a brief typological description of two- and three-component compounds. The article also outlines key research directions for further exploration of these linguistic phenomena. Special emphasis is placed on the functional and stylistic features of Proto-Chinese phraseological units. The article concludes that Proto-Chinese idioms remain a dynamic and essential component of the Japanese language, evolving to meet modern communicative demands while preserving their historical and cultural significance as a vital element of Japanese linguistic heritage.

Key words: phraseology of sinicisms of the Japanese language, Proto-Chinese phraseological units, varieties of Proto-Chinese phraseological units, main types of two-component Proto-Chinese phraseological units, main types of three-component Proto-Chinese phraseological units, expressive-stylistic features of Proto-Chinese phraseological units

For citation: Dybovsky A.S. Proto-Chinese phraseological compounds in modern Japanese (problem statement). *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 69–86. (In Russ.).

Введение

Протокитайскими фразеологическими композитами (далее – **ПФК** или **протокитайские фразеологизмы**) мы будем называть фразеологизмы, заимствованные из китайского языка японцами в разные эпохи, а также фразеологизмы, созданные (и создаваемые) в Японии по китайским моделям. О.П. Фролова называет такие фразеологические единицы японского языка *сэйго* [10, с. 35–37] в соответствии с японским чтением китайского слова 成語 (chéngyǔ – *чэнъюй* «идиома, идиоматическое выражение, фразеологизм»). В японской лингвистической литературе обычно используется термин *дзюкуго* (熟語 – букв. «идиоматические выражения»)

[19], по всей вероятности, заимствованный у китайских языковедов [3, с. 10]. У С.А. Быковой четырёхкомпонентные ПФК – это один из 6 классов фразеологических единиц – «фразеологические слияния» [2, с. 16–17] (в соответствии с теорией «слитных словосочетаний» А.А. Пашковского).

Первые ПФК были заимствованы японцами из *вэньяня*[1] более тысячи лет назад. Эти сложные единицы словаря японского языка, как правило, неотделимы от истории китайской культуры. Они нередко представляют собой своеобразные «послания из прошлого», неразрывно связанные с иероглифической графикой, корпус которой выходит далеко за рамки иероглифических лимитов, вводившихся в Японии после Второй мировой войны. ПФК японского языка отражают глубокую культурную и цивилизационную связь японского и китайского этносов. Однако ПФК японского языка тесно связаны не только с китайской историей и культурой, великими идеями китайских мыслителей, этическими, эстетическими, бытовыми и религиозными максимами, сформулированными китайцами, но также и с некоторыми формами китайской грамматики, лежащими в основе структуры многих ПФК. Например, выражение 是是非非 *дзэдзэ-хихи* букв. «Добро есть добро, зло есть зло» («относиться справедливо; одобрять правильное и порицать неверное; подтверждать правду, отрицать ложь»; кит. shìshìfēifēi «честно и справедливо») отсылает нас к трактату «修身» (*xiūshēn*) древнекитайского философа Сюнь-цзы (荀子), который жил и творил в III веке до н.э. А крылатая фраза 弄花香满衣 *ро:како:манъи* букв. «Собираю цветы, и одежда наполняется их запахом», используемая в качестве украшения *токонома* в японском доме [12], переносит нас в Китай эпохи Тан и стихотворению Юй Ляньши «Весенняя луна над горами» (春山夜月), строка из которого в переносном смысле стала означать следующее: «Если находишься среди добрых людей, то и сам становишься лучше. Старайся окружать себя достойными людьми, пребывай в благотворном общении» [12]. Новые протокитайские фразеологизмы всё ещё создаются в Японии [6, с. 22–24] и заимствуются из китайского языка[2].

Если не принимать во внимание двухсимвольные (двухкомпонентные) ПФК (далее – П2ФК), то можно сказать, что в японском языке в количественном отношении преобладают ПФК, состоящие из четырёх иероглифов [4, с. 3] (в истоке – четырёх одноморфемных слов классического китайского языка *вэньяня*), каждая из которых записывается при помощи отдельного иероглифа. Трёхсимвольных (трёхкомпонентных) ПФК (далее П3ФК) действительно значительно меньше, чем четырёхсимвольных, или четырёхкомпонентных (далее П4ФК). Культурная рафинированность, смысловая изысканность, структурная и семантическая сложность П4ФК, вероятно, являются причиной того, что в японской учебной литературе этим протокитайским фразеологизмам уделяется больше внимания, чем прочим – двух-, трёх-, пятикомпонентным ПФК. П4ФК обычно рассматриваются в японской учебной литературе под названием *ёдзи-дзюкуго* (四字熟語 *букв.* – «идиоматические выражения из 4 иероглифов») [17, 19, 21].

[1] *Вэньянь* (кит. 文言 wényán) – это классический китайский письменный язык, который «начал складываться на рубеже н.э. на основе классических текстов 5–3 вв.» [7, с. XI] и просуществовал в Китае до начала XX века. К началу нашей эры *вэньянь* стал языком китайской науки и философии, юриспруденции, официальной документации.

[2] Ср.: 獅子搏兎 *сиси-хакуто* – букв. «лев, охотящийся на кролика»; обр. в знач.: «всерьёз заняться мелочами; и к мелочам относиться со всей серьёзностью; не пренебрегать мелочами» [21].

В этой статье мы описываем структурные разновидности ПФК, основываясь на содержании их «внутренней формы» (А.А. Потебня), которая нередко связана с этимологией ПФК и представляет исходную мотивацию языкового выражения. «Внутренняя форма» понимается как «форма организации значения» фразеологизма [9, с. 191]. Особое внимание уделено экспрессивно-стилистическим особенностям ПФК.

I. Многообразие протокитайских фразеологизмов в японском языке

Как обмечалось выше, ПФК чаще всего представляет собой последовательность из четырёх иероглифов, и мы далее обратимся к анализу именно таких единиц, однако нетрудно заметить, что свойством «идиоматичности» могут обладать и *канго*, состоящие из двух, трёх или даже пяти-шести иероглифов [4, с. 3]. Вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским будем считать, что базовыми факторами идиоматичности значения языковой единицы являются 1) переинтерпретация исконного значения компонентов фразеологической единицы (далее – ФЕ), то есть наличие семантических сдвигов в значении хотя бы одного из компонентов ФЕ; 2) непрозрачность значения (правил его порождения, а также семантики компонентов и/или грамматической формы ФЕ), соответственно, невозможность выявления значения ФЕ по стандартным правилам взаимодействия лексики и грамматики; 3) усложнение способа указания на денотат ФЕ в результате метафоризации исходного выражения или его переносного употребления; «выражение является идиоматичным, если в нём обнаруживается один из перечисленных факторов или любая их комбинация» [1, с. 45].

Среди японских китаизмов (*канго*) абсолютно преобладают двухкомпонентные *канго*, поэтому мы сосредоточим своё внимание прежде всего на таких единицах словаря японского языка. Протокитайская лексика японского языка формировалась на протяжении многих столетий, поскольку первый письменный язык японцев *камбун* изначально представлял собой версию *вэньяня.* И заимствование китаизмов осуществлялось по мере освоения грамотными (двуязычными) японцами актуальных для японского общества понятий китайского языка. При этом освоение японцами китайской лексики шло через контакты с китайцами, знакомство японцев с литературой на китайском языке (религиозные, исторические, правовые, философские трактаты, поэтические тексты, художественная проза и т.д.), а также через составление текстов на *камбуне*. Порождение текстов на иностранном языке, а также традиция интерпретации текстов *камбуна* путём буквального перевода на японский не могло не сопровождаться интерференцией родного языка и ошибками, некоторые из которых закреплялись и входили в речевой оборот. Иногда происходило нестандартное (случайное) сложение в одном слове японских и протокитайских корней (чтений иероглифов): ср. выработанные японским языкознанием специальные термины для обозначения лексем, в которых сочетаются исконно японское и китайское чтения иероглифов 重箱読み и 湯桶読み (*дзю:бако-ёми* и *юто:-ёми* – соответственно *ОН-ёми* + *КУН-ёми* и *КУН-ёми* + *ОН-ёми*). Заимствования осуществлялись в разные исторические эпохи из разных районов Китая, что приводило к разнообразию чтений иероглифов: 呉音 (*гоон* 5–6 вв.); 漢音 (*канъон* 7–9 вв.) 唐音 (*то:он* 10 в.). Это также сильно усложнило систему протокитайских слов японского языка. Сложности освоения *канго* японцами, а также использование китаизмов в разных текстах и контекстах на протяжении многих столетий не могли не породить различных семантических сдвигов в значениях языковых единиц и их структурных компонентов, а также процессов идиоматизации значений китаизмов.

При подходе к протокитайской лексике японского языка с точки зрения фразеологии весь массив неодноморфемных *канго* можно подразделить на следующие два класса лексем.

1. Китаизмы (*канго*) с совершенно прозрачной внутренней формой без существенных семантических сдвигов в значениях компонентов, прямо соответствующих значениям используемых для написания того или иного китаизма иероглифов, например: 大国 *тайкоку* – *букв.* «большая страна» (大 «большой»; 国 «страна, государство»); 少女 *сё:дзё* – «девушка», «девочка»; *букв.* «маленькая женщина» (少 «маленький, малый»; 女 «женщина»); 船長 *сэнтё:* – «капитан»; *букв.* «главный на корабле» (船 «корабль, судно»; 長 «начальник, глава»);王子 *о:дзи* – «принц»; *букв.* «сын короля» (王 «король»; 子 «ребёнок»); 戦闘 *сэнто:* – «бой», «сражение», «битва»; *букв.* «война и борьба» (戦 «война, сражение»; 闘 «борьба, битва»); 建築 *кэнтику* – «архитектура», «строительство»; *букв.* «строить и возводить» (建 «строить, возводить»; 築 «строить, сооружать»); 見物 *кэмбуцу* – «осмотр достопримечательностей», «экскурсия»; *букв.* «смотреть на вещи» (見 «смотреть»; 物 «вещи, объекты») и т.д.

2. Китаизмы (*канго*) с непрозрачной (не совсем прозрачной) внутренней формой и существенными семантическими сдвигами в значениях структурных компонентов, общее значение которых не выводится логически из значений составных элементов китаизма (иероглифов, их обозначающих), например: 長所 *тё:сё* – «сильная сторона, достоинство»; *букв.* «длинное место» (長 «длинный»; 所 «место»); 熟語 *дзюкуго* – «составное слово», «идиома»; *букв.* «созревшее слово» (熟 «созревший, хорошо развитый»; 語 «слово, речь»); 遊女 *ю:дзё* – «куртизанка»; *букв.* «женщина, которая развлекает» (遊 «играть, развлекаться»; 女 «женщина»); 天子 *тэнси* – «император»; *букв.* «небесный сын» (天 «небо»; 子 «сын»); 別嬪 *бэппин* – «красавица»; *букв.* «особенная императорская наложница» (別 «особенный»; 嬪 *арх.* «императорская наложница (обладавшая придворным рангом)»); 家内 *канай* – «жена»; *букв.* «внутри дома» (家 «дом, семья»; 内 «внутри») [15]. Среди китаизмов этого типа немало историзмов, например: 臣下 *синка* – «подданный», «вассал»; *букв.* «подчинённый, подданный» (臣 «слуга»; 下 «низ, под»); 幕府 *бакуфу* – «сёгунат»; *букв.* «штаб палатки» (幕 «палатка, занавес»; 府 «правительственное учреждение»); 奉行 *бугё:* – «префект, управляющий»; «правительственный чиновник, в период Эдо»; *букв.* «исполняющий долг» (奉 «преподносить», 行 «исполнение»).

Несложно заметить, что идиоматичность слов второй группы может быть различной: от незначительной трансформации или метафоризации исходного смысла одного из компонентов, например: 遊女 *ю:дзё* – *букв.* «играющая женщина» → «куртизанка»; 芸者 *гэйся* – *букв.* «человек искусства» → «гейша»; 金言 *кингэн* – «золотые слова», «мудрое высказывание» (金 «золото, драгоценный»; 言 «слово, речь»); 至言 *сигэн* – «мудрое изречение», «глубокая мысль»; *букв.* «предельно точные слова» (至 «доходить, предельный»; 言 «слово, речь»), до более глубокой метафоризации всего выражения, например: 断腸 *дантё:* – «душераздирающий», «мучительный»; *букв.* «разрывающий кишки» (断 «разрывать»; 腸 «кишки, внутренности»); 閣下 *какка* «ваше (его) превосходительство», *букв.* «под башней» (閣 «башня»;下 «низ», «у ног»); 夭折 *ё:сэцу* – «преждевременная смерть», «ранняя гибель» (夭 «цветущий, молодой»; 折 «сгибаться, ломаться»); 矛盾 *мудзюн* – «противоречие»; *букв.* «копьё и щит» (矛 «копьё»;

盾 «щит»; происходит из древнекитайской притчи о человеке, который продавал щит, способный защитить от любого копья, и копьё, способное пробить любой щит. Когда его спросили, что произойдёт, если ударить его копьём по его же щиту, он не смог ответить, что и дало начало выражению, означающему логическое противоречие). Самоуничижительные метафоры были характерны для эпистолярного стиля, например: 愚妻 *гусай* – «моя глупая жена»; *букв*. «глупая жена» (愚 «глупый, невежественный»; 妻 «жена»); 豚児 *тон:дзи* – «мой глупый сын»; *букв*. «поросёнок» (豚 «свинья»; 児 «дитя»); 拙者 *сэсся* – «я»; *букв*. «недалёкий человек» или «недостойный я» (拙 «неумелый, недалёкий»; 者 «человек, лицо»). Двухкомпонентные ПФК могут возникать при лексикализации исконно японских фразеологизмов, например: 腹を立てる→立腹する→立腹 *риппуку* – «гнев; ярость; негодование»; 心を配る→心配する→心配 *симпай* – «беспокойство».

До сих пор мы говорили о двухкомпонентных китаизмах японского языка, однако всё сказанное относится и к трёх-, четырёх- и пятикомпонентным протокитайским композитам. Ср., например, 全国民 *дзэнкокумин* – «все граждане», «весь народ» (全 «весь, полный»; 国民 «народ, граждане»); 親近感 *синкинкан* – «чувство близости», «чувство привязанности»; букв. «чувство близости» (親 «родной»; 近 «близкий»; 感 «чувство»), с одной стороны, и 御典医 *готэнъи* – «придворный врач», «врач императорского двора» (御 «высокочтимый», 典 «канон, стандарт», 医 «врач»), 天文道 *тэммондо:* – «астрология»; *букв*. «путь небесных знаний» (天 «небо», 文 «текст, письмо», 道 «путь») или 醍醐味 *дайгоми* – «истинное удовольствие», «подлинный вкус», «прелесть чего-л.»; *букв*. «вкус сливок» (醍 «сливки, молочный жир»; 醐 «продукт, получаемый из молока»; 醍醐 *кн*. «сливки», *обр*. «моральная чистота человека»; 味 «вкус»); *в переносном смысле* – будд. «суть буддизма», «высшее (ничем не осквернённое) учение Будды» – с другой [16].

Ср. также 研究計画 *кэнкю:-кэйкаку* – «исследовательский план»; *букв*. «план исследования» (研究 «исследование»; 計画 «план») и 無我夢中 *муга-мутю:* – «погружённый с головой», «забывший себя» (無 «нет, без»; 我 «я»; 夢中 «в мечтательном состоянии», «погружённый в сон»); 相対性理論 *со:тайсэй-рирон* – «теория относительности» (相対性 «относительность»; 理論 «теория») и упоминавшееся выше 弄花香満衣 *ро:ка-ко:манъи* – «Собираю цветы, и одежда наполняется их запахом»; *букв*. «Играю с цветами, и аромат наполняет одежду» (弄 «играть»; 花 «цветы»; 香 «аромат»; 満 «наполнять»; 衣 «одежда»); *лит. обр*.: «Если находишься среди добрых людей, то и сам становишься лучше».

В японскую культуру вошли многие поэтические строки китайских поэтов, состоящие из пяти или даже семи иероглифов. Они нередко могут иметь прямое и переносное (идиоматическое) значение, например:

① 光陰如流水 *ко:ин дзё-рю:суй* (*ко:ин рю:суй ни готоси*) – *букв.*: «Время подобно потоку воды»; *лит. обр*.: «Время уходит, как вода сквозь пальцы»; *переносное употр.*: «Жизнь быстротечна, и каждое мгновение не вернуть».

② 五十歩百歩 **го:дзю:хо-хяппо** – «Пятьдесят шагов и сто шагов»; *букв.*: «Пятьдесят шагов – сто шагов»; *перенос. знач*.: «небольшая разница»; «незначительные различия между двумя вещами».

③ 日常茶飯事 *нитидзё:-сахандзи* – «Повседневное дело»; *букв.*: «Ежедневное чаепитие и приём пищи»; *лит. обр.*: «Обычное, рутинное событие»; «То, что происходит регулярно и не вызывает удивления»[1].

Вместе с яркими поэтическими образами в японский язык входили и элементы китайской грамматики [5]. Есть и другие виды протокитайских пятикомпонентных фразеологизмов [11]. Во всех видах ПФК различной протяжённости присутствуют единицы с разной степенью идиоматичности, от протокитайских фразеологизмов с почти прозрачной (легко читаемой) «внутренней формой», до идиом, для выяснения мотивации значения которых требуется специальное историческое пояснение или специальный этимологический анализ протокитайского фразеологизма.

Большую и почти неисследованную сферу представляет собой фразеология П2ФК. Современные значения фразеологизмов этого класса описаны в словарях, поэтому его изучение имеет более эвристическое, чем практическое значение. Оно относится к области этимологии протокитайской лексики японского языка. В самом общем виде П2ФК подразделяются на три основных класса: 1) П2ФК с метафорическими переносами значения [8], например: 斜陽 *сяё: – букв.* «склонившееся солнце» → «заходящее солнце» → «деградирующая (обедневшая) аристократия, отживающий класс» (斜 *ся* – «наклонный, косой, покатый», 陽 *ё:* – «солнце»); 看破 *кампа – букв.* «смотреть и разрушать» → «разгадывать (хитрость и т.п.)», «проникать (в замыслы)»; *обр.* «видеть насквозь», «проницательность, прозорливость»; 吟味 *гимми – букв.* «читая нараспев (как китайские стихи)[2], пробовать на вкус» → «тщательная проверка»; «исследование, испытание»; «судебное разбирательство»; 2) П2ФК с метонимическими переносами значения 散華 *сангэ – букв.* «разбрасывание цветов» → «смерть как событие в буддийском круговороте превращений»[3]; 家内 *канай – букв.* «внутри дома» → «жена»; 閣下 *какка – букв.* «под башней» → «ваше (его) превосходительство»; 3) протокитайские двухсимвольные идиомы различного происхождения, например: 陰陽 *инъё: – букв.* «свет и тьма» → «мужское и женское», «активное и пассивное»; 杞憂 *кию: – букв.* «тревога государства Ци» → «напрасные опасения»; «беспочвенные страхи и излишние волнения»; 三昧 *саммай – будд. букв.* «самадхи, медитативный транс» (санскр. *samādhi*) → «поглощённость чем-либо»; 涅槃 *нэхан – будд.* «нирвана», «просветление».

П3ФК [16] делятся на две группы: 1) генетически гомогенные П3ФК, то есть состоящие исключительно из протокитайских корней, например: 斜陽族 *сяё:дзоку* – ««деградирующая (обедневшая) аристократия»; 走馬灯 *со:мато:* – «круговерть образов перед глазами», «калейдоскоп»; *букв.* «бегущей лошади огни»; и 2) генетически негомогенные П3ФК. Это обычно П2ФК или другие типы китаизмов (*канго*), осложнённые исконно японскими корнями или основами, например: 二枚舌 *нимай-дзита* – «двуличие, лицемерие», *букв.* «двойной язык»; 野次馬 *ядзи-ума* – «зевака, любопытный наблюдатель»; 親分肌 (おやぶんはだ) – *букв.* «натура главаря» → «склонность к патернализму»; «черты заботливого и ответственного начальника».

[1] Примеры 1–3 найдены с помощью ChatGPT. Все примеры, сгенерированные искусственным интеллектом, проверены естественными носителями японского языка.

[2] Этимологически соположение двух глаголов китайского языка – «читать стихи» 吟 (yín) и «пробовать» 味 (wèi).

[3] Здесь элемент траурного церемониала (разбрасывание цветов) используется для обозначения всего события похорон, сопровождаемого описанными ритуальными действиями.

П4ФК представляют собой большой массив структурно и семантически рафинированных ПФК с разнообразной структурно-грамматической организацией, например: 鯨飲馬食 *гэйин-басёку – букв.* «кит пьёт, лошадь ест» → «есть и пить в огромных количествах»; «обжорство и чрезмерное употребление пищи и напитков»; 四苦八苦 *сику-хакку* – (*буд.*) *букв.* «четыре страдания, восемь страданий» → *обр.* «невероятные страдания», «бедственное положение»; 籠鳥恋雲 *ро:тё:-рэнъун – букв*. «птица в клетке тоскует по облакам» → «стремление к свободе; желание вырваться на волю из ограничивающих обстоятельств»; 怒髪衝天 (どはつしょうてん) – *букв.* «гневные волосы вонзились в небеса»; *обр.* «(некто) так разгневался, что (его) волосы встали дыбом».

П4ФК – классическая форма традиционного китайского силлогизма, в котором важно значение каждого иероглифа, а также его взаимодействие и характер связи с другими иероглифами (синтаксическими компонентами) ПФК. П4ФК, как целостные смысловые единицы, обладают изысканной структурной упорядоченностью, в них нередко используется параллелизм конструкций и симметрия расположения знаков в левой и правой частях П4ФК, между прочим, не очень соответствующая эстетическим представлениям японцев относительно организации пространства (ср. склонность японцев избегать симметрии, например, в архитектуре). Эстетика взвешенности и симметричности четырёхкомпонентных ПФК, безусловно, продукт древней китайской языковой культуры.

Пятисимвольные ПФК, как правило, связаны с китайской поэзией и философией. В японской школе они обычно фигурируют в связи с изучением *камбун*а, например: 明月松間照、清泉石上流[1] *мэйгэцу-сё:кан ни тэри, сейсэнсэкидзё: ни нагару* – «Яркая луна светит между сосен / Чистая (вода) источника струится по камням» (Записано со слов носителя языка).

Мы показали, что идиоматичностью обладают многие двух-, трёх-, четырёх-пятикомпонентные *канго.* За каждым иероглифом скрываются одноморфемные слова *вэньяня*, значение которых в составе протокитайских фразеологизмов японского языка менялось и, теряя исконную внутреннюю форму (семантическую прозрачность), подвергалось фразеологизации. За многими выражениями стоит многовековая история, некоторые не переводятся точно на иностранные языки и относятся к безэквивалентной лексике японского языка. Структурные и семантические особенности ПФК требуют специального исследования. Особого анализа заслуживает внутренняя грамматическая организация П4ФК.

II. Экспрессивно-стилистические особенности протокитайских фразеологизмов

Подобно западным заимствованиям в наши дни, на протяжении многих столетий китаизмы в речи образованных японцев были призваны имплицировать просвещённость, начитанность, знакомство с китайской классической литературой, философией, поэзией, политическими идеями и духовными практиками. Использование изысканных китаизмов в качестве средства пиара ушло в прошлое, так же как и массовое увлечение японской публики чтением и написанием китайских стихов – *канси* (漢詩), однако традиции использования клише китайской риторики, дающие возможность человеку формулировать мысли ясно, точно, кратко и красиво, сохранились в японском письменном языке. В конце XIX – начале XX века уже во

[1] Эти строки принадлежат китайскому поэту *Ван Вэю* (王維, 701–761). Они взяты из его знаменитого стихотворения 山居秋暝 («Осенняя тишина в горах»), которое воспевает красоту и гармонию природы.

время смены цивилизационной парадигмы развития Японии *канго* продолжали служить основой политической и научной мысли, а также исторической памяти японского народа. Из китаизмов создавалась новая терминология для освоения европейской науки и культуры. П4ФК использовались для создания новых политических лозунгов, например: 富国強兵 *фукоку-кё:хэй* – «Богатая страна, сильная армия»; 和魂洋才 *вакон-ё:сай* – «Японский дух, западные умения»; 八紘一宇 *хакко:-итиу* – «Весь мир под один кров!»; *букв.* «восемь углов мира – один дом» (八紘 «восемь углов»; 一宇 «один дом, одна крыша»); 同胞相愛 *до:хо:-со:ай* – «Соотечественники, любите друг друга!» (同胞 «соотечественники, сограждане»; 相愛 «взаимная любовь» – используется часть фразеологизма 相思相愛 *со:си-со:ай* – «взаимная любовь и привязанность»).

ПФК широко использовались в художественной литературе, особенно написанной до введения иероглифического лимита 1946 года. Рассмотрим два примера из произведений Дадзай Осаму (1909–1948).

1. 玉砕という題にするつもりで原稿用紙に玉砕と書いてみたら、それはあまりに美しい言葉で私の下手な小説の題などには勿体ない気がして来て玉砕の文字を消し、題を散華と改めた。今年私は二人の友人と別れた。早春に三井君が死んだ。それから五月に三田君が、北方の孤島で玉砕した *Гёкусай то иу дай ни суру цумори дэ гэнко: ё:си ни гёкусай то кайтэ митара, сорэ ва амари ни уцукусий котоба дэ ватаси но хэтана сё:сэцу но дай надо ни ва моттаинай ки га ситэ китэ гёкусай но модзи о кэси, дай о сангэ то аратамэта. Котоси ватаси ва футари но ю:дзин то вакарэта. Со:сюн ни Мицуи-кун га синда. Сорэ кара гогацу ни Мита-кун га, хоппо: но кото: дэ гёкусай сита.* – «Я собирался взять «Гёкусай» в качестве названия, написал это слово на листе бумаги, но оно показалось мне слишком красивым для моего неумелого рассказа, и мне стало жаль использовать его, поэтому я зачеркнул слово «Гёкусай» и изменил название на «Сангэ». В этом году я потерял двух друзей. В начале весны умер Мицуи-кун. А в мае Мита-кун героически погиб на северном острове» [Дадзай Осаму].

Это начало рассказа 「散華」 *сангэ* «Погребальные цветы» (*будд. букв.* – «разбрасывание цветов перед изображением Будды»). В начале своего рассказа О. Дадзай сопоставляет семантику двух слов, используемых для описания смерти своих товарищей. 玉砕 *гёкусай*, пришедшее из китайской литературы, метафорически обозначает смерть как разрушение драгоценного камня (玉 *гёку* – «нефрит», «яшма» символизирует нечто ценное и прекрасное, в данном контексте – жизнь; 砕 *сай* – глагольный компонент со значением «разбивать, разрушать»). П2ФК 玉砕 *гёкусай* имплицирует гибель бескомпромиссного человека, для которого честь имеет большую ценность, чем жизнь; подразумевается героическое самопожертвование или героическая гибель на поле боя. Второе слово 散華 *сангэ* происходит из буддийских ритуалов разбрасывания цветов перед изображением Будды и тоже метафорически обозначает смерть человека, который, подобно рассеиваемым ритуальным цветам, покидает этот мир в согласии с учением Будды (散 *сан* – рассыпаться, разлетаться, распадаться; 華 *гэ* – цветы как символ прекрасного. В данном контексте последний иероглиф используется как метафора для обозначения красоты и ценности жизни человека). О. Дайдзай в своём тексте показывает, что первое слово (玉砕) имеет более высокое звучание и больше подходит для изображения героический гибели воина, а второе (散華) обозначает более прозаический уход человека из жизни.

2. 鉄面皮。このお面をかぶったら大丈夫、もう、こわいものはない。鉄面皮。つくづくと此の三字を見つめていると、とてもこれは堂々たる磨きに磨いて黒光りを発している鉄仮面のように思われて来た。鋼鉄の感じである。男性的だ。ひょっとしたら、鉄面皮というのは、男の美徳なのかも知れない。とにかく、この文字には、いやらしい感じがない。この頑丈の鉄仮面をかぶり、ふくみ声で所謂創作の苦心談をはじめたならば、案外荘重な響きも出て来て、そんなに嘲笑されずにすむかも知れぬ、などと小心翼々、臆病無類の愚作者は、ひとり淋しくうなずいた *Тэцумэмпи. Коно о-мэн о кабуттара дайдзё:бу, мо:ковай моно ва най. Тэцумэмпи. Цукудзуку-то коно сандзи о мицумэтэ иру то, тотэмо корэ ва до:до:-тару мигаки ни мигайтэ куробикари о хасситэ иру тэцукамэн но ё: ни омоварэтэ кита. Ко:тэцу но кандзи дэ ару. Дансэй-тэки да. Хётто ситара, тэцумэмпи то иу но ва, отоко но битоку на но ка мо сирэнай. Тоникаку, коно модзи ни ва, иярасий канзи га най. Коно гандзё: но тэцукамэн о кабури, фукумигоэ дэ иваюру со:саку но кусиндан о хадзимэта нараба, ангай со:тё:-на хибики мо дэтэ китэ, сонна ни тё:сё: сарэдзу ни суму ка мо сирэну, надо то сё:син-ёкёку, окубё:-муруй но гусакуся ва, хитори самисику унадзуйта.* – «Железное лицо. Наденешь эту маску – и всё будет в порядке, уже ничего не страшно. Железное лицо. Когда долго и пристально смотришь на эти три иероглифа, начинает казаться, что они похожи на железную маску, отполированную до блеска и источающую чёрный свет. Она словно из стали. Очень маскулинно! Возможно, железное лицо – это добродетель мужчины. Как бы то ни было, в этом слове нет ничего отталкивающего. Если надеть эту прочную железную маску и начать глухим голосом рассказывать о так называемых трудностях творчества, то, возможно, (это) будет звучать величественно и тебя не будут так уж сильно высмеивать, – думал малодушный, робкий, до крайности трусливый и глупый автор, в одиночестве тихо кивая головой» [Дадзай Осаму].

В этом небольшом фрагменте рассказа «Железная маска» используются несколько ПФК. Во-первых, происходит переинтерпретация расхожего ПЗФК 鉄面皮 *тэцумэмпи*, которое прочитывается буквально – «железная маска», а не в своём обычном переносном значении – *кн.* «бесстыдство; наглость, нахальство». Кроме того, используется ПЗФК 苦心談 «рассказ о пережитых бедах и трудностях». В конце фрагмента в качестве характеристики личности писателя используются полные экспрессией П4ФК 小心翼々 *сё:син-ёкуёку* – «маленькое сердце замирает от робости», авторский П4ФК 臆病無類 *окубё:-муруй* – *букв.* «душа, болезненная до последней крайности» → «самый жалкий трус» и самоуничижительный ПЗФК 愚作者 «никчёмный писака». Как видим, автор в своём сочинении умело играет протокитайскими фразеологизмами, которые наполняют тексты рассказов яркой экспрессией.

Протокитайские фразеологизмы часто используются в устной и письменной формах делового языка. ПФК – один из характерных экспрессивных элементов делового общения. Приведём примеры:

① 先輩の皆様方、至らぬ私たちではありますが、なにとぞご指導、**ご鞭撻**のほどお願い申し上げます *Сэмпай но минасамагата, итарану ватаситати дэ ва аримас га, нани тодзо го-сидо: го-бэнтацу но ходо о-нэгаи мо:сиагэмас.* – «Уважаемые старшие товарищи, мы

имеем массу недостатков, поэтому надеемся на ваше кураторство и строгую взыскательность» [20, с. 175];

② 今後、御社の成長に貢献できるよう、全力を尽くしますので、ご指導**ご鞭撻**をよろしくお願いいたします *Конго, ося но сэйтё: ни ко:кэн дэкиру ё: дзэнрёку о цукусимас но дэ, го-сидо: го-бэнтацу о ёросику о-нэгаи итасимас.* – «В дальнейшем я буду прилагать все усилия, чтобы внести вклад в развитие вашей компании, поэтому прошу вашего руководства и строгого назидания» [ChatGPT];

③ 若者らしい闘志で、日々**精進**されることを期待しております *Вакамоно-расий то:си дэ, хиби сё:дзин сарэру кото о китай ситэ оримас.* – «Надеюсь, что вы с юношеским энтузиазмом каждый день будете стремиться к самосовершенствованию» [20, с. 173];

④ どうかその気概を忘れず、日々**精進する**人であってください *До:ка соно кигай о васурэдзу, хиби сё:дзин суру хито дэ аттэ кудасай.* – «Пожалуйста, не забывайте эти душевные порывы и стремитесь к ежедневному самосовершенствованию» [20, с. 172].

Примеры 1–2 иллюстрируют функционирование П2ФК 鞭撻 *бэнтацу* (*букв.* «бить кнутом») в деловом японском языке. Подобным образом метафорически употребляется пришедшее из буддийских духовных практик П2ФК 精進 *сё:дзин* («духовное развитие»; *будд*. «аскетические практики»). Наиболее широко в деловом языке используются П4ФК, например:

① 以後社員も七十名に増え、**順風満帆に**本日まで参りましたが、まだまだ未熟な会社でございます *Иго сяин мо нанадзю:мэй ни фуэ, дзюмпу:-мампан ни хондзицу мадэ маиримасита га, мадамада мидзюкуна кайся дэ го:дзаймас.* – «С тех пор количество сотрудников увеличилось до семидесяти, и мы успешно шли вперёд до сегодняшнего дня, но наша компания всё ещё находится в процессе становления» [20, с. 120];

② 社長は私のすぐ横のデスクで仕事をされておりましたし、現浅野専務も私と同期のペイペイで、営業のノルマをこなすのに**四苦八苦**しておりました *Сятё: ва ватаси но сугу ёко но дэсуку дэ сигото о сарэтэ оримасита си, гэн Асано сэмму мо ватаси то до:ки но пэйпэй дэ, эйгё: но норума о конасу но ни сику-хакку ситэ оримасита.* – «Президент работал тут же за столом рядом со мной, а нынешний исполнительный директор Асано, который был моим товарищем по набору, прилагал невероятные усилия для того, чтобы выполнить план продаж» [20, с. 120];

③ この組織は**一朝一夕**に作られたものではありません *Коно сосики ва иттё:-иссэки ни цукурарэта моно дэ ва аримасэн.* – «Эта организация не была создана за один день» [20, с. 174].

Как показывают приведенные примеры, использование протокитайских фразеологизмов в деловой коммуникации повышает выразительность и образность речи, а следовательно, и её воздействие на реципиента. Лаконичность, выразительность, яркость, метафоричность, характерные для протокитайских фразеологизмов, по-прежнему широко используется в речевой практике японцев. Например, в последние годы появились следующие фразеологизмы: 群衆雪崩 *гунсю:-нада:рэ* – «паническое столпотворение»; *букв.* «лавина толпы» (群衆 «толпа,

множество людей»; 雪崩 «снежная лавина»); 無人店舗 *мудзин-тэмпо* – «магазин без обслуживающего персонала»; «магазин-автомат» (無人 «безлюдный, без людей»; 店舗 «магазин, лавка»); 時短節約 *дзитан-сэцуяку* (←時間節約 *дзикан-сэцуяку* «экономия времени») – *букв.* «время короткое, экономия» – по поводу сокращения времени просмотра видео в результате использования двойной скорости воспроизведения; 歯顔溢笑 *хаган-иссё:* (←破顔一笑 *хаган-иссё:* «улыбка до ушей») – *букв.* «лицо с зубами и улыбкой до ушей» – по поводу возможности появляться в общественных местах без противовирусной маски [14].

Как видим, в Японии по-прежнему воспроизводятся китайские языковые модели, для которых характерна гармония структуры и смысла. Под заголовком 故事成語 (*Старые фразеологизмы*) максимы китайской мудрости изучаются в школе [13], проводятся конкурсы по составлению новых П4ФК, представляющие собой соревнование в остроумии в массовой языковой игре. Новые протокитайские фразеологизмы создаются по моделям существующих как отклик на актуальные события, например: 熊出鬼没 *ю:сюцу-кибоцу* (←神出鬼没 *синсюцу-кибоцу* «неуловимый») – *букв.* «Медведи появляются, черти исчезают» – по поводу увеличения поголовья медведей в японских лесах; 一気公染 *икки-ко:сэн* – *букв.* «Сразу – массовое заражение» (←一騎当千 *икки-то:сэн* – «один против тысячи» (一騎 «один всадник»; 当千 «противостоять тысяче») – о стремительном распространении пандемии коронавируса [17]. В новых П4ФК, таких как 熊出鬼没 («Медведи появляются, черти исчезают») или 一気公染 («сразу же массовое заражение»), сохраняются структура и метафоричность, характерные для П4ФК, и они приспосабливаются к современному культурному контексту. Это свидетельствует о том, что П4ФК в японском языке продолжают оставаться актуальным средством коммуникации, они обновляются и развиваются.

Старые П4ФК, передающие идеи китайских мыслителей древности, неразрывно связаны с архаичной лексикой, употреблением устаревших иероглифов, формами грамматики *вэньяня*. В отличие от исконно японской лексики, протокитайские фразеологизмы часто непонятны на слух и обычно не могут функционировать вне иероглифической графики. Значение иероглифов для П4ФК выше, чем для исконно японской лексики, обычно понятной на слух. Протокитайские фразеологизмы могут употребляться в деловых, художественных, рекламных текстах, придавая им глубину и выразительность, например:

① **一期一会**は茶道の基本的な概念です *Итиго-итиэ ва садо: но кихонтэкина гайнэн дэсу.* – «"Единственная незабываемая встреча" – это основной концепт чайной церемонии» [18];

② クライアントが突然大きな変更を求めてきて、今は**絶体絶命**の状況だ *Курайанто га тоцудзэн о:кина хэнко: о мотомэтэ китэ, има ва дзэттай-дзэцумэй но дзё:кё: да.* – «Клиент неожиданно потребовал крупных изменений, и сейчас мы находимся в безвыходной ситуации» [18];

③ このプロジェクトは簡単ではないが、**臥薪嘗胆**の精神で頑張りましょう *Коно пуродзэкуто ва кантан дэ ва най га, гасин-сё:тан но сэйсин дэ гамбаримасё:* – «Этот проект не из лёгких, но давайте усердно трудиться с упорством и терпением» [18];

④ **温故知新**は歴史を学ぶ際の重要な考え方です *Онко-тисин ва рэкиси о манабу сай но дзю:ё:на кангаэката дэс.* – «"Изучая прошлое, познавать будущее" – это важный подход при изучении истории» [18];

⑤ **花鳥風月**に心を寄せて、儚い命を感じる *Катё:-фу:гэцу ни кокоро о ёсэтэ, хаканай иноти о кандзиру.* – «В созерцании цветов, птиц, ветра и луны я ощущаю мимолётность жизни» [18];

⑥ 彼は**三日坊主**で、すぐにやめてしまった *Карэ ва миккабо:дзу дэ, сугу ни ямэтэ симатта.* – «Он быстро бросил дело, показав себя как "монах на три дня"» [18].

Наиболее частотные, укоренившиеся в японском языке П4ФК употребляются в разговорной речи, например:

A: 私たちはいつも意見が違うね Ватаситати ва ицумо икэн га тигау нэ. – «Мы всегда расходимся во мнениях, верно?»

B: まあ、十人十色だからね Маа, дзю:нин-тоиро да кара нэ. – «Ну, сколько людей, столько и мнений, ведь так!» [ChatGPT].

Вошедшие в речевой обиход П4ФК нередко используются в текстах эстрадных песен, придавая им (текстам) живость, яркость, особый ритм, обогащая их содержание, например:

① 以後お見知り置きください (世が世なら!!!) ey yo! **虎視眈々** 担々麺　hot! 糖質過剰 万能ライフハックないぜ　**四苦八苦**[1] ダンダンダン *Иго омисириоки кудасай* (*Ё га ё нара!!!*) *эй ё! Коси-тантан тантан-мэн хот! То:сицу кадзё: банно: райфухакку най дзэ сикухакку дандандан.* – «Запомните меня на будущее (Если бы мир был иным!) Ух, ты! Смотрю пристально и плотоядно, как тигр… На лапшу «Тантан». С пылу, с жару! Слишком много углеводов! Нет универсального лайфхака, полный кошмар! Бум-бум-бум...» (Пожалуйста!!! Если бы мир был иным!!! Слова: Юки Фудзивара / Муз.: Синго Ямасаки).

② **森羅万象**止めどなく廻り廻る世代
Синра-бансё: томэдо наку маваримавару сэдай
兵ども夢のあと
Цувамоно-домо юмэ но ато
わびしぃわびしぃとも
Вабисий вабисий томо
臥薪嘗胆何時も言い訳なんぞしない
Гасин-сё:тан ицумо ивакэ нан дзо синай
一途に我が道を行く
Итидзу ни вага мити о юку
全身全霊なう...
Дзэнсин-дзэнрэй нау...

«Вселенная бесконечна, поколения приходят и уходят,
После великих воинов остаются только мечты,
Печально, печально, но
Терпение и упорство! Я никогда не оправдываюсь,

[1] В буддизме «четыре страдания» (рождение, старение, болезнь, смерть) и «восемь страданий» – расставание с любимым, встреча с нелюбимым, неполучение желаемого и мучения от пяти элементов, составляющих тело и душу (санскр. Pañca Skandhāh: 色 «плоть», 受 «ощущения и чувства», 想 «воображение», 行 «духовная деятельность», 識 «познание»), символизируют совокупность главных страданий человека на его жизненном пути.

Стойко преодолеваю трудности,
Не ища оправданий,
Упорно следую своим путём
Всем телом и душой, сейчас»
(Band Ja Naimon! MAXX NAKAYOSHI «SUMOU» Слова / муз. Юйо Юппе).

В первом примере причудливо переплетаются протокитайские фразеологизмы, англицизмы и современные японские сленговые выражения, придавая тексту песни содержательную глубину, динамизм и остроту. Оригинальная языковая игра с постановкой рядом двух ономатопоэтических выражений 眈々 *тантан* «выжидательно, угрожающе» и 担々 *тантан* «тщательно, с полной ответственностью (приготовленный)» в 虎視眈々 担々麺 hot! *Коси-тантан тантан-мэн хот*! – «Смотрю пристально и плотоядно, как тигр, ... на лапшу «Тантан», горяченькую!» создаёт комический эффект. Фрагмент эффектно заканчивается обрушивающимися на лирического героя песни двенадцатью буддийскими страданиями из-за его неправильного питания: 四苦八苦 ダンダンダン[1] *сику-хакку дандандан* – букв. «Четыре страдания, восемь страданий – бум-бум-бум-бум!», что ещё более усиливает комический эффект описываемого фрагмента песни.

Во втором примере использование трёх П4ФК – 森羅万象 *синра-бансё*: – «всё сущее в этом мире», 臥薪嘗胆 *гасин-сё:тан* – «терпение и упорство», 全身全霊 *дзэнсин-дзэнрэй* – «всем телом и душой» – придаёт тексту философскую глубину. Эти фразеологизмы не только обогащают содержание, но и создают мощный образный ряд, который усиливает эмоциональное воздействие песни. Последние два фразеологизма призваны подчеркнуть стойкость и решимость лирического героя песни идти своим путём, несмотря на трудности. Как и в первом примере, протокитайские фразеологизмы сочетаются с исконно японскими словами и английским now (なう) «теперь, сейчас», которое появляется в конце фрагмента. Как видим, П4ФК, представляя компактные описания различных ситуаций, существенно обогащают содержание песен, создают богатые возможности для языковой игры, повышают экспрессивность и образность песенных текстов.

Иероглифическая графика П4ФК играет важную роль в их восприятии. Иероглифы не только передают смысл, но и визуально выражают идею, добавляя дополнительный слой восприятия. Например, в П4ФК 臥薪嘗胆 *гасин-сё:тан* – «терпение и упорство» (букв. «почивать на хворосте и вкушать желчь») иероглифы создают образ человека, преодолевающего трудности с величайшим терпением, а в П4ФК 絶体絶命 *дзэттай-дзэцумэй* – «безвыходное положение» (букв. «гибель тела и прекращение жизни»), также часто используемом в текстах песен, критическое положение представлено эффектными наглядными образами, что усиливает эмоциональное воздействие текста на его получателя.

Стилистически П4ФК ассоциируются с высоким стилем и книжной речью. Их употребление может придавать тексту формальный, возвышенный или даже архаичный оттенок, имплицируя обращение к мудрости предков и уважение к традициям. В контексте художественных текстов П4ФК являются средством повышения экспрессивности и семантической глубины содержания текста.

[1] ダンダンダン (*дан-дан-дан*) – это ономатопея, которая используется для передачи звука удара или ритмичного движения.

Таким образом, ПФК представляют собой уникальный языковой и культурный феномен, который продолжает активно использоваться в японском языке. Эти выражения обладают яркой экспрессией, лаконичностью и метафоричностью, что делает их чрезвычайно эффективным средством трансляции сложных идей в компактной языковой форме. Особое место среди протокитайских фразеологизмов японского языка играют П4ФК. Это наиболее рафинированная разновидность протокитайских фразеологизмов, играющая важную роль в японской речевой коммуникации. П4ФК предоставляют отправителям речи мощные инструменты для создания метафоричных текстов, богатых речевой экспрессией. Использование П4ФК в современной японской языковой культуре, включая тексты песен, художественную литературу и рекламу, демонстрирует их универсальность и способность адаптироваться к изменениям японского языка, сохраняя свою уникальную иллокутивную силу, экспрессивность и культурную значимость.

Заключение

Функционирование *канго* и особенно П4ФК в современном японском языке показывает, что японцы и в наши дни продолжают активно использовать элементы языковой культуры китайской цивилизации. В японском языке сохранилось и продолжает использоваться значительное количество ПФК, которые неразрывно связаны с историей, культурой, духовными практиками Китая. Функционирование протокитайских фразеологизмов в японском языке и в настоящее время во многом соответствуют нормам грамматики *вэньяня* и неразрывно связано с китайской иероглифической графикой. Многие П4ФК, сохранившиеся в японском языке, архаичны для современного китайского языка [3, 118–121], что вполне соответствует отношениям цивилизационного центра (Китай) и периферии (Япония): на периферии культурно-цивилизационного пространства обычно сохраняются архаичные формы культуры и языка как её части. П4ФК и другие протокитайские фразеологизмы (двух-, трёх-, пятикомпонентные) представляют собой образные выражения, использование которых требует знания китайской иероглифики, а также истории китайской культуры. Это связано с тем, что протокитайские фразеологизмы часто происходят из китайской классической литературы, мифов, легенд и реальных исторических событий.

В отличие от исконно японской лексики, протокитайские фразеологизмы требуют от современных японцев активного владения китайской иероглифической письменностью, выходящей по своему корпусу далеко за пределы вводившихся иероглифических лимитов. Неразрывная связь протокитайских фразеологизмов с иероглифической графикой ограничивает использование основного массива протокитайских фразеологизмов почти исключительно письменной формой речи. Включённость протокитайских фразеологизмов в лексическую систему японского языка, их способность вступать в синонимические и антонимические отношения с прочей японской лексикой делает их важным экспрессивным средством художественной речи, деловых, рекламных и иных текстов.

Таким образом, П4ФК и другие протокитайские элементы лексической системы японского языка являются неотъемлемой частью современной языковой культуры Японии, важным элементом культурного кода японского народа. Использование протокитайских фразеологизмов в различных стилях и жанрах письменной речи повышает её литературность, экспрессивность, наглядность и образность. Использование протокитайских фразеологизмов в

современном японском языке основывается на многовековой традиции. П4ФК обладают уникальной гармонией структуры и смысла, пронесённой японским народом через многие столетия, и потому их использование остаётся актуальным и для современной глобализирующейся Японии. Изучение структурных и семантических особенностей ПФК японского языка представляет собой недостаточно исследованную проблему японской лингвистики.

Список литературы

1. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии. Краткий курс. Учебное пособие. Москва: Изд-во «Флинта» 2014. 308 с.

2. *Быкова С.А.* Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М.: Изд-во МГУ, 1985. 64 с.

3. *Ветров П.П.* Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. М.: Восточная книга, 2007. 368 с.

4. *Гуревич Т.М.* Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. М.: «Моногатари», 2011. 144 с.

5. *Дыбовский А.С.* Элементы китайской грамматики в современном японском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 43–57. DOI: https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/43-57

6. *Дыбовский А.С.* Японский язык как арена столкновения цивилизаций // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 4. С. 17–30. DOI: https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30

7. *Карапетьянц А.М., Аошуан Тань*. Учебник классического китайского языка вэньянь. М.: Муравей, 2001. 383 с.

8. *Лакоф Дж., Джонсон М*. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

9. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.

10. *Фролова О.П.* Фразеология современного японского языка. Новосибирск: НГУ, 1979. 87 с.

11. Weblio 辞書 = Словарь Weblio. URL: https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優) / (accessed: 28.08.2024).

12.月校長ブログ 「弄花香満衣」 = Сентябрьский блог директора: 「弄花香満衣. URL: https://nittai-ebara.jp/7915.html (дата обращения: 11.08.2024). (In Jap.).

13.故事成語一問一答= Старые фразеологизмы: вопросы и ответы.
URL: https://www.youtube.com/watch?v=OwPQaGMnp48 (дата обращения: 10.10.2024).

14. KOTONOHA /ウェブ言葉に関する雑学・便利帳 = KOTONOHA / Веб-энциклопедия о словах и полезные заметки. URL: https://kotonohaweb.net/5-kanji-jyukugo/2/ (дата обращения: 28.08.2024).

15. SPI 言語 二字熟語 140 選 = Синтетический инвентарь личности: язык. 140 специально отобранных двухсимвольных фразеологизмов.
URL: https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqip8s (дата обращения: 10.10.2024).

16. 三字熟語クイズ 総集編 = Викторина по трёхсимвольным фразеологизмам: итоговый сборник» / URL: https://www.youtube.com/watch?v=0uobwwjbRhc (дата обращения: 10.10.2024).

17. 住友生命 創作四字熟語 = Sumitomo Life / Создание четырёхсимвольных идиом. URL: https://cam.sumitomolife.co.jp/jukugo/yusyu.html#Yushu (дата обращения: 29.08.2024).

18. 中納言コーパス検索アプリケーション = Корпус японского языка «Тюнагон» / Поисковое приложение. URL: https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search / (дата обращения: 29.08.2024).

19. のびる国語・四字熟語　角川漫画学習シリーズ　監修：京都学芸大学准教授細川太輔　東京：角川 = Совершенствуемся в японском языке: Четырёхкомпонентные фразеологизмы // Серия учебных манга издательства Кадокава. Под редакцией доцента Дайсукэ Хосокава. Киотский университет педагогики. Токио: Кадокава, 2019. 226 с.

20. 短いスピーチ実例辞典　東京：成美堂出版編 = Справочник с примерами кратких речей. Токио: Сэйбидо Сюппан (изд.). 1993. 606 с.

21. みなぎの通信 = Минанги: новости. URL: https://dmzcms.hyogo-c.ed.jp/yokawa-hs/NC3/wysiwyg/file/download/1/179 (дата обращения: 29.08.2024).

References

1. *Baranov A.N., Dobrovolsky D.O.* Foundations of phraseology: A short course. Textbook. Moscow: Flinta Publishing House, 2014. 308 p. (In Russ.).

2. *Bykova S.A.* Stable Phrases in modern Japanese. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1985. 64 p. (In Russ.).

3. *Vetrov P.P.* Phraseology of modern Chinese: syntax and stylistics. Moscow: Vostochnaya Kniga Publ., 2007. 368 p. (In Russ.).

4. *Gurevich T.M.* Japanese-Russian educational dictionary of Yojijukugo. Moscow: Monogatari Publ., 2011. 144 p. (In Russ.).

5. *Dybovsky A.S.* Elements of Chinese grammar in contemporary Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 43–57. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/43-57

6. *Dybovsky A.S.* The Japanese language as an arena of civilizational clash. *Far Eastern Philological Journal*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 17–30. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30

7. *Karapetyants A.M., Aoshunan Tan*. Textbook of classical Chinese language (Wenyan). Moscow: Muravei Publ., 2001. 383 p. (In Russ.).

8. *Lakoff George, Johnson Mark*. Metaphors we live by. Translated from English. Edited and with a foreword by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russ.).

9. *Telia V.N.* Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguocultural aspects. Moscow: School of "Languages of Russian Culture", 1996. 287 p. (In Russ.).

10. *Frolova O.P.* Phraseology of modern Japanese. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1979. 87 p. (In Russ.).

11. Weblio dictionary. URL: https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優) (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

12. September principal’s blog "Rōka-kōman’i". URL: https://nittai-ebara.jp/7915.html (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

13. Old idioms: questions and answers.

URL: https://www.youtube.com/watch?v=OwPQaGMnp48 (accessed: 10.10.2024).

14. KOTONOHA / Web knowledge and convenience book on words. URL: https://kotonohaweb.net/5-kanji-jyukugo/2 (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

15. Synthetic personality inventory: Language. 140 selected two-character idioms. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqip8s (accessed: 10.10.2024). (In Jap.).

16. Quiz on three-character idioms: final compilation.
URL: https://www.youtube.com/watch?v=0uobwwjbRhc (accessed: 10.10.2024). (In Jap.).

17. Sumitomo life, creative four-character idioms.
URL: https://cam.sumitomolife.co.jp/jukugo/yusyu.html#Yushu (accessed: 29.08.2024). (In Jap.).

18. Chunagon corpus search application = Japanese language corpus "Chunagon" / Search application. URL: https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

19. Nobiru Kokugo / Yojijukugo. Kadokawa manga learning series. Supervised by Associate Professor Daisuke Hosokawa, Kyoto University of Education. Tokyo: Kadokawa, 2019. 226 p. (In Jap.).

20. Handbook of short speech examples. Tokyo: Seibido Shuppan (Ed.). 1993. 606 p. (In Jap.).

21. Minangi news. URL: https://dmzcms.hyogo-c.ed.jp/yokawa-hs/NC3/wysiwyg/file/download/1/179 (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 27.04.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 15.05.2025
Принята к публикации / Accepted 17.05.2025

Научная статья
УДК 811.521.161
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/87-107

Грамматика четырёхсимвольных протокитайских фразеологических композитов современного японского языка

Александр Сергеевич Дыбовский

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения, почётный профессор Осакского университета, dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. Предметом анализа в этой статье являются четырёхсимвольные протокитайские фразеологические композиты (П4ФК, 四字熟語 *ёдзидзюкуго*), пришедшие из *вэньяня*, тесно связанные с китайской историей и культурой, играющие важную роль в современном японском языке. При помощи функционально-синтаксического анализа делается попытка выявить особенности синтаксического использования и основные структурные разновидности П4ФК. Четырёхсимвольные протокитайские фразеологические композиты рассматриваются как сложные синтаксические образования. По структуре (внутренний синтаксис) они подразделяются на два типа: 1) П4ФК со структурой словосочетаний и 2) П4ФК со структурой предложений. С точки зрения функционально-семантических особенностей П4ФК японского языка подразделяются на четыре класса: именные, глагольные, адъективные и адвербиальные единицы. Многие П4ФК современного японского языка сохраняют пришедшее из *вэньяня* свойство функционально-семантической транзитивности. П4ФК в современном японском языке продолжают создаваться по протокитайским моделям. Они являются важным средством языковой экспрессии, неотъемлемым элементом современной японской лингвокультуры.

Ключевые слова: фразеология *канго* японского языка, четырёхсимвольные протокитайские фразеологизмы, разновидности четырёхсимвольных протокитайских фразеологизмов, структура четырёхсимвольных протокитайских фразеологизмов, внутренний синтаксис четырёхсимвольных протокитайских фразеологизмов

Для цитирования: Дыбовский А.С. Грамматика четырёхсимвольных протокитайских фразеологических композитов современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 87–107.

Original article

© Дыбовский А.С., 2025

The grammar of four-character Proto-Chinese phraseological composites in modern Japanese

Alexander S. Dybovsky

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department,
Professor Emeritus of Osaka University, dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. This article examines four-character Proto-Chinese phraseological compounds (P4PCs, 四字熟語 *yojijukugo*), which originated in *wenyan* (Classical Chinese), are deeply rooted in Chinese history and culture, and continue to play a significant role in modern Japanese. Through functional-syntactic analysis, the study identifies key patterns of syntactic usage and outlines the principal structural types of P4PCs. These compounds are treated as complex syntactic constructions and are classified according to their internal syntax into two main types: (1) those with a phrasal structure and (2) those with a clausal or sentential structure. From a functional-semantic perspective, P4PCs in Japanese are further categorized into four classes: nominal, verbal, adjectival, and adverbial units. Many P4PCs retain the functional-semantic transitivity inherited from *wenyan*. Additionally, new compounds continue to be formed in modern Japanese following Proto-Chinese models. P4PCs function as powerful tools of linguistic expression and represent an integral element of contemporary Japanese linguistic culture.

Key words: Sino-Japanese phraseology, four-character Proto-Chinese phraseological units, varieties of four-character Proto-Chinese phraseological units, structure of four-character Proto-Chinese phraseological units, internal syntax of four-character Proto-Chinese phraseological units

For citation: Dybovsky A.S. The grammar of four-character Proto-Chinese phraseological composites in modern Japanese. *Far Eastern Philological Journal,* 2025, vol. 3, no. 2, pp. 87–107. (In Russ.).

Введение

Протокитайские четырёхсимвольные (четырёхкомпонентные) фразеологические композиты (далее – П4ФК) – это фразеологизмы, заимствованные японцами из китайского языка, а также фразеологизмы, созданные (и создаваемые) в Японии по китайским моделям. В отечественной японистике П4ФК уже становились предметом анализа. Они кратко описываются в работах С.А. Быковой [2, с. 16–17] и Т.М. Гуревич [4, с. 3–5]. Наиболее подробно П4ФК японского языка рассматриваются под названием *сэйго* (в соответствии с японским чтением китайского слова 成語 *чэнъюй* – «идиома, идиоматическое выражение, фразеологизм») в книге О.П. Фроловой [10, с. 35–42]. В этой работе описываются тематические классы П4ФК, намечены пути анализа их структуры и внутреннего синтаксиса. Продолжая исследование О.П. Фроловой, мы даём более полное системное описание внутреннего синтаксиса П4ФК современного японского языка. Все теоретические положения этого исследования иллюстрируются большим количеством примеров, снабжённых транскрипцией, переводом, а также детальным описанием их структурно-грамматического устройства.

В японской лингвистической литературе и языковых видео П4ФК относятся к категории *дзюкуго* (熟語 – *букв.* «созревшие слова» → протокитайские «идиоматические выражения») [14–17, 19], которые могут записываться при помощи двух, трёх, четырёх или пяти иероглифов[1]. Указанный термин, вероятно, пришёл в японскую лингвистику из работ китайских языковедов [3, с. 10].

Первые П4ФК были заимствованы японцами из *вэньяня*[2] более тысячи лет назад. П4ФК тесно связаны с грамматикой *вэньяня*, иероглифической графикой и историей китайской культуры. В них отражается глубокая культурная и цивилизационная связь японского и китайского этносов. В П4ФК нередко встречаются малоупотребимые иероглифы, которые выходят за пределы иероглифического лимита 2010 г. [6].

В Японии всё еще создаются новые протокитайские фразеологизмы [7, с. 22–24], продолжается и заимствование П4ФК из китайского языка. Ср., например: 獅子搏兎 *сиси-хакуто – букв*. «лев, охотится на кролика»; *обр. в знач.*: «всерьёз заняться мелочами; и к мелочам относиться со всей серьёзностью; не пренебрегать мелочами» [21].

Так как двухсимвольные фразеологизмы обычно не становятся предметом фразеологического анализа, то считается, что в японском языке в количественном отношении абсолютно преобладают ПФК, состоящие из четырёх иероглифов [4, с. 3]. Их действительно больше, чем трёхсимвольных или пятисимвольных. Строго говоря, четырёхсимвольные ПФК обычно состоят из четырёх одноморфемных слов классического китайского языка *вэньяня*, каждое из которых записывается при помощи отдельного иероглифа и представляет собой структурный элемент П4ФК.

П4ФК – заимствованный японцами продукт китайской лингвокультуры. Как целостные смысловые единицы, они обладают строгой структурной упорядоченностью, которую можно назвать внутренним синтаксисом, в них нередко используется параллелизм конструкций и симметрия расположения иероглифических знаков (синонимов, антонимов, числительных, показателей отрицания) в левой и правой частях П4ФК. Широкая употребимость, высокая экспрессивность, структурная компактность и семантическая сложность П4ФК, вероятно, являются причиной того, что в японской учебной литературе этим протокитайским фразеологизмам уделяется больше внимания, чем прочим – двух-, трёх-, пятикомпонентным[3] ПФК [17, 19, 21].

Предметом анализа в этой статье являются синтаксические особенности П4ФК в современном японском языке. Мы рассмотрим примеры их синтаксического использования, а также проанализируем их внутреннюю грамматическую организацию, так как компоненты структуры П4ФК связаны между собой синтаксическими отношениями, которые могут быть до-

[1] Этим термином могут также обозначаться протокитайские сложные слова, фразеологизмами не являющиеся.

[2] *Вэньянь* (кит. 文言 *wényán*) – это классический китайский письменный язык, который «начал складываться на рубеже н.э. на основе классических текстов 5–3 вв.» [8, с. XI] и просуществовал в Китае до начала XX века. К началу нашей эры *вэньянь* стал языком китайской науки и философии, юриспруденции, официальной документации.

[3] Последние нередко происходят из китайской поэзии, ср., например: 弄花香満衣 *Ро:ка-ко:манъи – букв.* «Перебираю цветы, и одежда наполняется их запахом», используемый в качестве украшения *токонома* в японском доме [12]. Этот П5ФК отсылает нас к стихотворению Юй Лянши «Весенняя луна над горами» (春山夜月), цитируемая строка которого стала имплицировать следующее: «Если находишься среди добрых людей, то и сам становишься лучше. Старайся окружать себя достойными людьми, пребывай в благотворном общении» [12]. Ср. также П5ФК 五十歩百歩 *годзю:ппо-хяппо* (*букв.*: «Пятьдесят шагов – сто шагов»; *переносн. знач.*: «небольшая разница»; «незначительные различия между двумя вещами»), который восходит к трактату Мэн-цзы (孟子 *Mèng Zǐ*) «Царь Хуэй царства Лян» (梁惠王 *Liáng Huì Wáng*).

вольно сложными и разнообразными. Мы описываем структурные и семантические особенности протокитайских фразеологизмов, опираясь на понятие «внутренней формы» (А.А. Потебня), которая понимается как «форма организации значения» фразеологизма [9, с. 191].

1. Синтаксическое функционирование П4ФК

В этом разделе мы остановимся на вопросах синтаксического функционирования П4ФК. Данные композиты в современном японском языке обычно фигурируют в виде одного члена предложения или его части. Они обладают целостностью значения, воспроизводимостью, закреплённостью в определённой графической форме. Многие из этих исконно протокитайских лексем способны менять свою функционально-семантическую принадлежность и использоваться в качестве разных частей речи. В соответствии со своими имманентными свойствами – именными, глагольными, адъективными или адвербиальными – П4ФК в современном японском языке могут занимать все важнейшие синтаксические позиции. Приведём примеры:

① **Подлежащее**: 大病からようやく生還した私の目には、**森羅万象が**美しく映った *Тайбё:-кара ё:яку сэйкан сита ватаси но мэ ни ва, синра-бансё: га уцукусику уцутта.* – «После того как я наконец оправился после серьёзной болезни, вся природа и мир стали выглядеть красивыми» [11].

② **Тематизированное подлежащее**: 人の世の**愛別離苦は**避けて通れないものだ *Хито-но ё но айбэцу-рику ва сакэтэ то:рэнай моно да.* – «В человеческом мире страдания от разлуки с любимыми неизбежны» [4, с. 7]; **一期一会**は茶道の基本的な概念です *Итиго-итиэ ва садо: но кихонтэки-на гайнэн дэс.* – «(Понятие) "Единственная незабываемая встреча" – это основной концепт чайной церемонии» [ChatGPT: Coto Academy]; **温故知新**は歴史を学ぶ際の重要な考え方です *Онко-тисин ва рэкиси о манабу сай но дзю:ё:на кангаэката дэс.* – «"Познавая старое, постигаем новое" – важная концепция для изучения истории» [ChatGPT: Tofugu].

③ **Часть тематической группы подлежащего с приложением: 花鳥風月**、すなわち自然の美しさは、人の心を癒すと言われています *Катё:-фу:гэцу, сунавати сидзэн но уцукусаса ва, хито но кокоро о иясу то иварэтэ имас.* – «Говорят, что красота природы, выраженная в цветах, птицах, ветре и луне, исцеляет душу человека» [Составлено носителем языка].

④ **Приимённое определение**: それからの十三年あまりは、**順風満帆の**幸せな生活がつづいた *Сорэ кара но дзю:саннэн амари ва дзюмпу:-мампан но сиавасэна сэйкацу га цудзуйтэ ита.* – «В последующие более чем тридцать лет продолжалась счастливая жизнь с полными парусами и попутным ветром» [ChatGPT]; そんな**因循姑息な**やり方で、消費者の理解が得られると思ったら大間違いである *Сонна индзюн-косокуна яриката дэ, сё:хися но рикай га эрарэру то омоттара о:матигаи дэ ару.* – «Если вы думаете, что сможете завоевать понимание потребителей с помощью таких косных и устаревших методов, то вы сильно ошибаетесь» [4, с. 17].

⑤ **Приакцидентное определение** (обстоятельство образа действия): 以後社員も七十名に増え、**順風満帆に**本日まで参りましたが、まだまだ未熟な会社です *Иго сяин мо ситидзю:мэй ни фуэ, дзюнпу:-мампан ни хондзицу мадэ маиримасита га, мадамада мидзюкуна*

кайся дэс. – «Впоследствие количество сотрудников увеличилось до семидесяти человек, и благодаря благоприятным обстоятельствам мы дошли до сегодняшнего дня, однако наша компания всё ещё не до конца зрелая» [20, с. 120]; いくらお得意さまだからといって、無理な注文に**唯々諾々と**従う必要はない。上司の命令に**唯々諾々と**従う *Икура о-токуисама да кара то иттэ, мурина тю:мон ни ии-дакудаку то ситагау хицуё: ва най. Дзё:си но мэйрэй ни ии-дакудаку то ситагау.* – «Как бы ни был хорош клиент, не следует беспрекословно выполнять его фривольные запросы. (Нужно) неукоснительно выполнять указания начальника» [4, с. 9].

⑥ **Прямое или косвенное дополнение**: 事件の**一部始終**を目撃していたという証人が現れた *Дзикэн но итибу-сидзю: о мокугэки сита то ю: сё:нин га араварэта.* – «Появился свидетель, который утверждает, что стал очевидцем всего происшествия от начала до конца» [4, с. 11]; 招待客たちは、**異口同音に**花嫁の美しさをほめたたえた *Сё:тайкякутати ва, ику-до:он ни ханаёмэ но уцукусиса о хомэтатаэта.* – «Приглашённые гости в один голос восхваляли красоту невесты» [4, с. 10]; 伝統芸能の世界では、演技法を**一子相伝で**伝えていくことが多い *Дэнто: гейно: но сэкай дэ ва, энгихо: о исси-со:дэн дэ цутаэтэ ику кото га о:й.* – «В мире традиционного искусства часто передают технику исполнения исключительно от отца к сыну» [4, с. 13].

⑦ **Часть составного глагольного сказуемого**: 私は夢を叶えるために**東奔西走**している *Ватаси ва юмэ о канаэру тамэ ни то:хон-сэйсо: ситэ иру.* – «Верчусь как белка в колесе, чтобы осуществить свои мечты» [18]; …営業ノルマをこなすのに**四苦八苦**しておりました *Эйгё: норума о конасу но ни сику-хакку ситэ оримасита.* – «(Он) испытывал невероятные трудности, пытаясь выполнить норму продаж» [20, с. 120].

⑧ **Часть составного именного сказуемого**: 松本清張はいろんなことに、**興味津津**であったようだ *Мацумото Сэйтё: ва иронна кото ни кё:ми-синсин дэ атта ё: да.* – «Похоже, что Мацумото Сэйтё ко всему испытывал живейший интерес» [18].

Мы показали, что П4ФК, подобно знаменательным словам японского языка, могут занимать все основные синтаксические позиции. Впрочем, позиция подлежащего не характерна для П4ФК, поскольку в этой синтаксической позиции соответствующие П4ФК нередко выполняют функцию метки, указывая на соответствующие протокитайские выражения. Синтаксические функции каждого конкретного П4ФК могут быть существенно ограничены его имманентными свойствами, значением и особенностями использования в японском языке. К описанию этих свойств мы обратимся в следующих разделах этой работы, но прежде рассмотрим особенности внутреннего устройства П4ФК, то есть их «внутренний синтаксис», так как сами П4ФК представляют собой сложные синтаксические образования.

2. Внутренняя структура четырёхкомпонентных ПФК

Приступая к рассмотрению внутреннего устройства П4ФК, необходимо заметить, что истоки вопроса коренятся в языковой культуре письменного языка китайцев, который начал формироваться в эпоху Хань, то есть более двух тысяч лет назад. Возникший тогда *вэньянь* специалисты считают исходной, базовой формой китайского языка [8, VIII], оказавшей большое влияние на последующее развитие китайского письменного языка. Огромное влияние *вэньянь* оказал и на развитие японского языка. В П4ФК японского языка как бы «законсервированы» формы *вэньяньской* языковой культуры с её стремлением к лаконизму, точности и

строгости языкового высказывания, параллелизму конструкций, краткости и свёрнутости речи, различным формам языковой симметрии, супрессии обозначения лиц. Заметим попутно, что П4ФК связаны не только с китайской грамматикой, но также и с китайской этикой, эстетикой, историей, всем миром китайской духовной культуры.

Эстетика языковой симметрии П4ФК абсолютно чужда европейским представлениям об изящности стиля языкового выражения (Ср. [8, XLII–XLIII]). С точки зрения фразеологии современного китайского языка *вэньяньские* фразеологизмы (*chéngyǔ*) архаичны [3, 118–121], а для японского языка их формы до сих пор являются образцовыми, и по их моделям до сих пор создаются новые П4ФК. Например, в последние годы появились следующие П4ФК:

1. 群衆雪崩 *гунсю: -нада:рэ* – «паническое столпотворение»; *букв.* «лавина толпы» (群衆 «толпа, множество людей»; 雪崩 «снежная лавина»).

2. 無人店舗 *мудзин-тэмпо* – «магазин без обслуживающего персонала»; «автоматизированный магазин» (無人 «безлюдный, без людей»; 店舗 «магазин, лавка»).

3. 時短節約 *дзитан-сэцуяку* (←時間節約 *дзикан-сэцуяку* «экономия времени») – *букв.* «время короткое, экономия» – по поводу сокращения времени просмотра видео при помощи использования двойной скорости воспроизведения (подробнее см. [5, 7]).

Описывая внутреннюю структуру китаизмов японского языка, нередко говорят о взаимоотношениях иероглифов, которыми соответствующий китаизм записывается. Однако за этими иероглифами скрываются синтаксические единицы *вэньяня*, и мы имеем дело с реальными синтаксическими отношениями. В истоке за каждым иероглифом П4ФК, как правило, стоит одноморфемное слово классического китайского литературного языка. Поэтому мы будем описывать структурные разновидности П4ФК в синтаксических терминах.

Среди П4ФК есть высказывания, принадлежащие выдающимся китайским мыслителям, например: 1) 温故知新 *онко-тисин* – *букв.* «Обращаясь к прошлому, постигаешь новое» (Конфуций); 2) 大器晚成 *тайки-бансэй* – *букв.* «Большой сосуд долго делается» (*обр. в знач.*: «Большой талант созревает нескоро» (Лаоцзы).

Использование иероглифов в П4ФК никак не согласуется с вводившимися после Второй мировой войны в Японии лимитами на использование иероглифики. Однако, поскольку новейший лимит иероглифов 2010 года имеет не обязательный, а рекомендательный характер, многие фразеологизмы, исключавшиеся из практики использования лимитом 1946 года (*Тоё:кандзи-хё:*), получают новую жизнь и права гражданства в японском письменном языке. В отличие от исконно японской лексики П4ФК немыслимы вне иероглифической графики. Количество иероглифов в обороте у японского языкового коллектива в последние десятилетия постепенно возрастает, всё более актуальной становится графическая выразительность и синонимия иероглифической графики [6].

Например, в П4ФК 大廈高楼 *тайка-ко:ро:* – «высокий замок – роскошный дворец» в иероглифе 廈 *ка* – «дом» под элементом 广 *гандарэ* – «наклонная крыша» располагается элемент 夏 *нацу* – «лето», выполняющий роли фонетика (*ка*) и детерминатива, свидетельствующего о роскоши соответствующего строения. В контексте П4ФК 牛溲馬勃 *гю:сю:-бабоцу:* – «просто и естественно, как для быка и лошади справить свои естественные потребности» (соответственно 溲 «помочиться» и 勃 «опорожнить кишечник») оживает «внутренняя форма»

(исконная образность) слова 勃発する «разразиться» (о войне): 戦争が勃発した *Сэнсо: га боппацу сита* – «Разразилась война».

В П4ФК 羞花閉月 *сю:ка-хэйгэцу – букв.* «Смущаются цветы, и прячется луна», которое призвано передать несравненную красоту женщины, перед которой цветы блекнут, а луна прячется в тени облаков, используется редкий для современного японского языка иероглиф 羞 *сю:* – «смущаться», «стыдиться», который делает актуальным синонимические различия иероглифов 恥･辱･羞 со значением *хадзи* «срам, позор, стыд, смущение». В П4ФК 画竜点睛 *гарё:-тэнсэй – букв.* «нарисованному дракону дописываю глаз» → *обр.* «последний штрих; последний взмах кисти» актуализируется ряд иероглифов (графических синонимов) со значением *хитоми* «зрачок»; *перен.* «глаза» – 瞳･眸･睛･盧.

Независимо от синтаксической функции в составе предложения внутри каждого протокитайского фразеологизма существует сложная синтаксическая организация, обусловленная нормами грамматики *вэньяня*. В абсолютном большинстве П4ФК всё выражение делится на правую и левую части, между которыми могут устанавливаться различные виды синтаксических отношений. Яркой чертой многих П4ФК является параллелизм конструкций, бывших в *вэньяне* средством компенсации неразвитости грамматических средств. Повторение одной и той же конструкции в левой и правой частях облегчает восприятие смысла фразеологизма и для значительного числа таких композитов является их характерной структурной особенностью, например:

① 鯨飲馬食 *гэйин-басёку – букв.* «кит пьёт, лошадь ест» → «есть и пить в огромных количествах»; «обжорство и чрезмерное употребление напитков»;

② 全身全霊 *дзэнсин-дзэнрэй – букв.* «всем телом и всей душой» → ～に «отдавая всего себя чему-либо; вкладывая все силы и душу в какое-то дело»;

③ 朝令暮改 *тё:рэй-бокай – букв.* «утром распоряжение, вечером отмена» → «порочная и непоследовательная административная работа»;

④ 東奔西走 *то:хон-сэйсо: – букв.* «бежать на восток, нестись за запад» → «быть (вечно) в беготне».

В первом примере (鯨飲馬食) наблюдается повторение субъектно-предикатной конструкции: «Кит пьёт, лошадь ест». Во втором примере (全身全霊) происходит повторение определительно-именной конструкции, которое усиливается повторением определения (全 – «весь») в левой и правой частях П4ФК, а также использованием антонимов в опорных словах конструкции («тело» – «дух»); противопоставление антонимов («утром» – «вечером») имеет место и в третьем примере (朝令暮改), описывающем алогичную последовательность действий (повторение обстоятельственно-вербальной конструкции). В четвёртом примере (東奔西走) параллелизм глагольных объектно-вербальных[1] конструкций усиливается использованием пары антонимов («восток» – «запад») и синонимичных глаголов со значением «бежать».

Параллелизм конструкций нередко создаётся повторением опорных или определительных слов, симметричным использованием числительных или форм отрицания. Примеры:

[1] Вероятно, в *вэньяне* такое употребление косвенного дополнения перед глаголом было экспрессивно-стилистическим средством.

① 四苦八苦 *сику-хакку* – (*буд.*) *букв.* «четыре страдания и восемь страданий» → *обр.* «невероятные страдания, бедственное положение»;

② 粗衣粗食 *сои-сосёку* – *букв.* «простая одежда, простая еда»;

③ 一日一歩 *итинити-ипо* – «каждый день один шаг (вперёд)»;

④ 七転八起 *сититэн-хакки* – «превратности судьбы»;

⑤ 無為無能 *муи-муно:* (*-на*) – *букв.* «пассивный и бездарный»;

⑥ 不老不死 *фуро: -фуси* – *букв.* «не старея, не умирая» → «вечная молодость».

По мнению О.П. Фроловой, «особо выделяются по продуктивности» протокитайские фразеологизмы с компонентами 自 «само-» и 半 «полу-» [10, с. 39]. Например:

① 自縄自縛 *дзидзё: -дзибаку* – *букв.* «своя верёвка, сам вязал» → «связать самого себя своей верёвкой»;

② 自暴自棄 *дзибо: -дзики* – «полное отчаяние, ощущение безнадёжности»;

③ 半死半生 *ханси-хансё:* – «между жизнью и смертью»;

④ 半神半人 *хансин-хандзин* – *лит.* «полубог-получеловек».

Итак, яркой чертой большого числа П4ФК является их структурная бинарность: фразеологизмы делятся на левую и правую части, каждая из которых, в свою очередь, состоит из двух значимых компонентов, синтаксически связанных друг с другом. Левая и правая части П4ФК нередко имеют одинаковую синтаксическую структуру, а также симметрично расположенные компоненты. Симметрия левой и правой частей композитов нередко способствует игре смыслов составных компонентов в результате использования синонимов и антонимов, числительных и показателей отрицания, а также одинаковых слов (иероглифов) в левой и правой частях.

В этом разделе мы показали, что для П4ФК характерны точность и лаконичность языкового выражения, композиционная симметрия, параллелизм конструкций, структурное и смысловое взаимодействие левой и правой частей фразеологизмов, которые часто устроены по принципу бинарности. Каждый фразеологизм делится на левую и правую части, каждая из которых, в свою очередь, также состоит из двух структурных элементов. В следующих разделах рассмотрим структурную организацию П4ФК более подробно. Специально остановимся на отношениях между левой и правой частями композитов, проанализируем отношения внутри каждой из пар компонентов П4ФК различной структуры.

Структурно-синтаксически представляется возможным разделить все П4ФК современного японского языка на 1) П4ФК со структурой словосочетаний и 2) П4ФК со структурой предложений.

3. П4ФК со структурой словосочетаний

П4ФК со структурой словосочетаний подразделяются на два класса по наличию/отсутствию в них копулятивных конструкций. Использование копулятивных конструкций является простым и естественным способом создания языковой симметрии в П4ФК, о которой говорилось выше.

3.1 Фразеологизмы с копулятивными конструкциями

Сочинительные (копулятивные) отношения между составными компонентами П4ФК нередко существуют между левой и правой частями, составляя основу структуры всего прото-

китайского фразеологизма. Обычно такие отношения возникают между парами компонентов левой и правой частей П4ФК, когда опорными элементами левой и правой частей являются именные компоненты, например:

① 順風満帆 *дзюмпу: -манпан – букв.* «попутный ветер, полные паруса»;

② 青天白日 *сэйтэн-хакудзицу – букв.* «голубое небо, ясный день»;

③ 大同小異 *дайдо:сё:и – букв.* «большое сходство, небольшие различия».

Опорным словом в копулятивных П4ФК могут быть также глагольные, адъективные и адвербиальные компоненты, например:

① 七転八倒 (する) *сититэн-батто:* (*суру*) – *букв.* «семь раз упасть, восемь раз перевернуться» → «кататься по земле от боли или страданий; испытывать сильную боль и метания»;

② 東奔西走 (する) *то:хон-сэйсо:* (*суру*) – *букв.* «бежать на восток, мчаться на запад» → «бегать туда-сюда; быть постоянно занятым делами, бегать в разные стороны в суете и хлопотах»;

③ 明明白白・明々白々 (な) *мэймэй-хакухаку* (*-на*) – *кн.* «ясный как день, очевидный»;

④ 奇奇怪怪・奇々怪々 (な) *кики-кайкай* (*-на*) – «невероятный, фантастический; таинственный»;

⑤ 平平凡凡・平々凡々 (と) *хэйхэй-бонбон* (*-то*) – «заурядно, обыкновенно»;

⑥ 正正堂堂・正々堂々 (と) *сэйсэй-до:до* (*-то*) – «честно и открыто; по правилам».

Копулятивные отношения обычно обнаруживаются в тех случаях, когда элементы левой и правой частей П4ФК структурно и семантически однородны. Например, в П4ФК типа 老若男女 *ро:няку-наннё* (*букв.* «стар и млад, мужчины и женщины») семантическое равновесие левой и правой частей достигается благодаря тому, что адъективные компоненты 老 и 若 (старые и молодые) номинализованы.

Если взглянуть на характер связи компонентов внутри каждой из пар копулятивных П4ФК, то наиболее распространёнными будут следующие модели синтаксических отношений: 1) атрибутивная модель, 2) глагольно-объектная модель, 3) субъектно-предикатная модель, 4) копулятивная модель.

1. Атрибутивная модель (определение + определяемое в каждой из пар единиц П4ФК):

① 各人各説 *какудзин-какусэцу – букв.* «у каждого человека своя версия»; «сколько голов, столько умов»;

② 和魂洋才 *вакон-ё:сай* – «японский дух, западные умения»;

③ 金城鉄壁 *киндзё-тэппэки* – «неприступная крепость»; *букв.* «золотой замок, железные стены»;

④ 青天白日 *сэйтэн-хакудзицу* – «голубое небо, ясный день»; ～である «быть кристально чистым (невиновным)»;

⑤ 四苦八苦 *сику-хакку – букв. будд.* «четыре страдания, восемь страданий»; ～する «испытывать невероятные трудности, находиться в бедственном положении»;

⑥ 悪戦苦闘 *акусэн-куто: – букв.* «жестокий бой, трудная борьба» → «ожесточённая и отчаянная борьба; тяжкие усилия в сложных обстоятельствах»;

⑦ 半信半疑 *хансин-ханги – букв.* «наполовину верить, наполовину сомневаться» → «сомнение, недоверие»; «быть не до конца уверенным в чём-либо».

2. Глагольно-объектная модель (действие + объект действия в каждой из пар П4ФК):

① 敬天愛人 *кэйтэн-айдзин – букв*. «почитание неба, любовь к людям»;

② 言語道断 *гонго-до:дан – букв*. «говорить слова дорога отрезана»; *обр.* «этому нет названия, не хватает слов» (выражение крайнего удивления или крайнего негодования) ～な «неописуемый; невыразимый, абсурдный, возмутительный; вопиющий».

В случаях эмфатического выделения дополнение может стоять перед сказуемым, например: 東奔西走 *то:хон-сэйсо: – букв.* «бежать на восток, мчаться на запад»; «бегать туда и сюда, быть (вечно) в трудах и заботах».

3. Субъектно-предикатная модель (субъект + действие в каждой из пар П4ФК):

① 自業自得 *дзиго: -дзитоку – букв.* «сам сделал, сам получил»; «поделом; сам виноват; расплата за свои грехи»;

② 天変地異 *тэмпэн-тии – букв.* «небо меняется, и земля становится другой» «необычные явления в небе и на земле; стихийные бедствия»;

③ 熊出鬼没 *ю:сюцу-кибоцу – букв.* «Медведи появляются, черти исчезают» – неологизм, созданный по поводу увеличения поголовья медведей в Японии. Исходная модель неологизма: 神出鬼没 *синсюцу-кибоцу* – «неуловимый»; *букв.* «Боги появляются, черти исчезают».

В случаях эмфатического выделения глагольное сказуемое может стоять перед подлежащим, например: 沈魚落雁 *тингё-ракуган – букв.* «Тонет рыба, падает гусь» (при описании женской красоты).

4. Копулятивная модель. Копулятивная связь в составных частях П4ФК может быть представлена в двух вариантах. Во-первых, как уже отмечалось, сочинительными (копулятивными) отношениями могут быть связаны компоненты каждой из пар синтаксической конструкции П4ФК, например:

① 古今東西 *кокон-то:дзай – букв.* «раньше и теперь, восток и запад» → ～の «во все времена и в любом месте; от древности до современности, повсюду в мире»;

② 老若男女 *ро:няку-наннё – букв.* «старики и молодые, мужчины и женщины» → «люди всех возрастов и полов»; ～を問わず «независимо от возраста и пола»;

③ 本末転倒 *хоммацу-тэнто: – букв.* «верх и низ перевёрнуты с ног на голову» → «шиворот-навыворот».

Это часто имеет место при редупликативном характере П4ФК, например:

① 是是非非 *дзэдзэ-хихи – букв.* «честно и справедливо» → «относиться справедливо; одобрять правильное и порицать неверное; подтверждать правду, отрицать ложь»;

② 正正堂堂 *сэйсэй-до:до: – букв.* «правильный и величественный» → «честный, открытый и благородный; вести себя достойно и уверенно, не скрывая своих намерений»;

③ 平凡 → 平平凡凡 *хэйхэй-бонбон – букв.* «обычный и заурядный» → «скучный, ничем не примечательный; обыденный и посредственный»;

④ 明白 → 明明白白 *мэймэй-хакухаку – букв.* «ясный и очевидный» → «понятный, очевидный; предельно ясный и недвусмысленный».

Во-вторых, копулятивные отношения могут иметь место только внутри одной из пар структурных компонентов П4ФК, например:

① 雄心勃勃 *ю:син-боцубоцу – букв.* «смелое сердце полно энергии» ～たる «объятый честолюбивыми стремлениями, полный большими замыслами»;

② 小心翼翼 *сё:син-ёкуёку – букв.* «маленькое сердце осторожно» ～として «робко, боязливо»;

③ 威風堂堂 *ифу:-до:до: – букв.* «вид полон величия» ～たる «величественный»; «величавый»;

④ 興味津津 *кё:ми-синсин – букв.* «интерес поднимается» ～と «с глубоким и неподдельным интересом»;

⑤ 表裏一体 *хё:ри-иттай – букв.* «лицо и изнанка – единое целое» → «две стороны одного и того же, неразрывное единство».

В первых четырёх примерах копулятивные отношения обнаруживаются только в правой части, в последнем (пятом) примере – в левой части П4ФК.

Довольно редкий вариант структуры П4ФК представляет собой копулятивная модель, когда все четыре компонента являются равноправными членами четырёхкомпонентной сочинительной конструкции, например:

① 花鳥風月 *катё: -фу:гэцу – букв.* «цветы, птицы, ветер, луна» при описании красоты природы и наслаждения ею человеком;

② 喜怒哀楽 *кидо-айраку – букв.* «радость, гнев, печаль, удовольствие» для обозначения основных человеческих эмоций и чувств;

③ 起承転結 *кисё:-тэнкэцу – букв.* «введение, развитие, поворот и заключение» → в переносном смысле, например, как «фабула жизни с взлётами и падениями»;

④ 風林火山 *фу:рин-кадзан – букв.* «ветер, лес, огонь и гора»; в описании древнекитайской военной стратегии означает: «быстрый, как ветер, тихий, как лес, яростный, как огонь, непоколебимый, как гора».

Копулятивные отношения существуют и в П4ФК типа 鯨飲馬食 *гэйин-басёку – букв.* «кит пьёт, лошадь ест» → «пить, как кит, есть, как лошадь». Однако, поскольку в таких случаях происходит сочинение клауз в составе сложного предложения, об этих конструкциях поговорим в следующем разделе (см. раздел 4).

Итак, анализ П4ФК с копулятивными конструкциями показал, что сочинительные (копулятивные) отношения могут быть трёх типов: 1) копулятивные отношения между всеми компонентами П4ФК (花鳥風月 *катё: -фу:гэцу – букв.* «цветы, птицы, ветер, луна»); 2) копулятивные отношения между левой и правой частями П4ФК (順風満帆 *дзюмпу:-мампан – букв.* «попутный ветер, полные паруса»; 青天白日 *сэйтэн-хакудзицу – букв.* «голубое небо, ясный день»); 3) копулятивные отношения в парах (古今東西 *кокон-то:дзай – букв.* «раньше и теперь, восток и запад») или в одной из пар структуры П4ФК (雄心勃勃 *ю: син-боцубоцу – букв.* «смелое сердце полно энергии»). Для интеграции компонентов в левой и правой частях П4ФК наиболее актуальны следующие грамматические модели: а) атрибутивная модель, б) глагольно-объектная модель, в) субъектно-предикатная модель, г) копулятивная модель. Опорным словом в копулятивных протокитайских фразеологизмах могут быть именные, глагольные, адъективные и адвербиальные компоненты каждой из пар П4ФК.

3.2 П4ФК с некопулятивными конструкциями

П4ФК со структурой словосочетания могут возникать и в протокитайских фразеологизмах, не имеющих копулятивной структуры. В большинстве случаев это именные П4ФК. Правая часть фразеологизма представлена именными компонентами или именными опорными словами, а левая часть является по отношению к ним определением, например:

① 空中楼閣 *ку:тю:-ро:каку – букв.* «замок в воздухе» → «воздушный замок, мираж»;

② 西方浄土 *сайхо:-дзё:до: – букв.* «на западе – священная (Чистая) Земля» → *буд.* «рай, страна блаженных», где души, освободившиеся от цикла перерождений (*сансары*), могут обрести покой и достичь просветления (西方 *сайхо:* западная сторона; 浄土 *дзё:до* «Чистая Земля», то есть райское место); термин играет важную роль в японской буддийской практике, символизирует надежду на духовное освобождение и мир после смерти;

③ 和衷協同 *ватю:-кё:до: – букв.* «совместные усилия (на основе) гармонии и искренности» → «полное согласие, совместные усилия и гармоничное сотрудничество для достижения общей цели» (和衷 *ватю:* – «гармония сердец, согласие в мыслях и чувствах»; 協同 *кёдо:* – *букв.* «сотрудничество, совместные действия»); фразеологизм основывается на конфуцианской философии, где гармония и коллективные усилия считаются важными добродетелями для создания стабильного и справедливого общества;

④ 大儀名分 *тайги-мэйбун – букв.* «правильный порядок для (осуществления) великого дела» (大儀 *тайги* – «великая цель или миссия, которая стоит выше личных интересов и служит общему благу»; 名分 *мэйбун* – «справедливость, законные основания»); фразеологизм используется для обозначения действия, которое имеет морально-этические (законные) основания и служит справедливой и великой цели;

⑤ 不老長寿 *фуро:-тё:дзю – букв.* «долголетие без старости» → «вечная молодость и долгая жизнь без старости и болезней»;

⑥ 千載一遇 *сэндзай-итигу:* – «возможность, которая выпадает раз в тысячу лет»; «уникальный шанс»; 千載 «тысяча лет», 一遇 «одна встреча» или «один шанс»;

⑦ 粒粒辛苦 *рю:рю:-синку – букв.* «зёрнышко к зёрнышку (в результате) тяжёлого труда» → «тяжёлый и изнурительный труд, кропотливый труд»; фразеологизм выражает мысль о том, что всё создано благодаря трудолюбию и усидчивости;

⑧ 鳳凰来儀 *хо:о:-райги – букв.* «обряд появления (пары) фениксов» → «знамение наступления эпохи благополучия, гармонии и справедливости».

Во всех примерах между левой и правой частями П4ФК существуют атрибутивные отношения, которые можно обозначить, поставив между ними атрибутивный формант *но* (の): 空中の楼閣, 西方の浄土 и т.д. В П4ФК типа 万緑一紅 *банрёку-икко: – букв.* «один красный (цветок) в море зелёных»; *обр.* «одна женщина среди множества мужчин» – происходит субстантивация адъективных компонентов.

Так, П4ФК со структурой словосочетаний имеют две модели образования – копулятивную и некопулятивную. Опорным словом в копулятивных протокитайских фразеологизмах могут быть именные, глагольные, адъективные и адвербиальные компоненты каждой из пар П4ФК. Некопулятивные П4ФК представлены преимущественно именными словосочетаниями.

В этом разделе мы рассмотрели П4ФК со структурой словосочетаний. Теперь обратимся к анализу П4ФК со структурой предложений.

4. П4ФК со структурой предложений

Во внутренней организации структурных компонентов многих протокитайских фразеологизмов обнаруживаются синтаксические отношения, которые можно интерпретировать как структуры предложений различного типа. Собственно, отношения подлежащего и сказуемого (субъекта и предиката) можно обнаружить и при этимологическом анализе структур двухкомпонентных *канго*, например: 雷鳴 *раймэй* → 雷が鳴る – *букв.* «гром» + «звучать, раздаваться» → «удар (раскаты) грома»; 心痛 *синцу:* → 心が痛い – *букв.* «сердце» + «болеть» → «душевная боль»; 年長 *нэнтё*: (年長者 «старший по возрасту») → 年が長い – *букв.* «годы» + «дольше» → «старше по возрасту».

4.1 П4ФК с субъектно-предикатными конструкциями

Субъектно-предикатные конструкции являются одним из распространённых видов организации П4ФК. При этом левая часть фразеологизма (первые два иероглифа) обозначает субъект, а правая (последние два иероглифа) – предикат синтаксической конструкции, например:

① 破綻百出 *хатан-хякусюцу – букв.* «банкротства происходят сотнями» → «проявление множества ошибок и противоречий»; «многочисленные недостатки и провалы»;

② 籠鳥恋雲 *ро:тё:-рэнъун – букв.* «птица в клетке тоскует по облакам» → «тоска по свободе; желание вырваться на волю из ограничивающих обстоятельств»;

③ 音信不通 *онсин-фуцу: – букв.* «звуковые сообщения не проходят» → «полное отсутствие новостей; потеря связи, никаких известий»;

④ 油断禁物 *юдан-киммоцу* – «беспечность (*букв.* «прекращение подачи масла») запрещена» → «Будьте осторожны!»;

⑤ 十人十色 *дзю:нин-тоиро – букв.* «десять человек – десять цветов» → «сколько людей, столько и мнений»; «у каждого свои вкусы и предпочтения»;

⑥ 諸行無常 *сёгё:-мудзё: – букв.* «всё сущее – постоянно изменяется»; *будд.* «всё изменчиво (непостоянно, преходяще)»;

⑦ 波瀾万丈 *харан-бандзё: – букв.* «волны (высотой) десять тысяч *дзё*» → «(жизнь), полная взлетов и падений; «бурные события, драматические и непредсказуемые обстоятельства»; «превратности судьбы»; 波瀾 *харан* состоит из 波 «волна» и 瀾 «большая волна»; 万丈 *бандзё:* – из 万 «десять тысяч» и 丈 – мера длины = *3,03 м*.

В соответствии с имманентными свойствами компонентов П4ФК приведённые примеры делятся на два типа: 1) с глагольным предикатом (1–3 примеры), 2) с именным предикатом (4–7 примеры). Первые два примера могут быть интерпретированы по модели N は、V する[1] (破綻は、百出する и т.д.). Последние четыре примера могут быть представлены в модели N は、N である (油断は、禁物である и т.д.).

[1] Третий пример в современном японском языке трансформируется в 音信は不通になっている *Онсин ва фуцу: ни наттэ иру* – «Вести (сообщения) не поступают». В результате функционирования в японском языке 不通 (этимологически «не проходить, не достигать»; в китайском языке 通 *tōng, tòng* является глаголом) утратило глагольные свойства и приобрело адъективные.

К субъектно-предикатному типу протокитайских фразеологизмов относятся многочисленные философские и религиозные (буддийские) сентенции о жизни, например: 生死事大 *сё:дзи-дзидай* – «Жизнь и смерть – великие дела»[1]; 無明長夜 *мумё:-дзё:я – букв.* «Невежество – длинная ночь»; 生生流転 *сэйсэй(сё:дзё:)-рутэн* – «Всё живое находится в круговороте жизни и смерти»; 生者必滅 *сё:дзя-хицумэцу – кн.* «Всё живое неизбежно приходит к концу и гибнет».

Предикативные конструкции обычно обнаруживаются в П4ФК, когда правый элемент фразеологизма представлен протокитайским ономатопом, который записывается редуплицированными иероглифами, например:

① 人心恟恟 *дзинсин-кё:кё*: – *букв.* «Человеческое сердце трепещет в тревоге» (恟 «трепет»; при описании ситуаций, когда в сообществе людей царит атмосфера замешательства и страха);

② 雄心勃勃 *ю: син-боцубоцу – букв.* «Героическое сердце наполнено бодрой энергией» → ～たる «пламенеющий амбициями», «исполненный решимости» (勃勃たる *кн.* энергичный, бодрый; 勃 «быстрый подъём);

③ 興味津津 *кё:ми-синсин* → при описании действий – «с самым глубоким интересом»（津津たる *кн.* «полный (напр. интереса)».

Синтаксически во всех примерах левая и правая части фразеологизмов соотносятся как субъект и предикат. В левой части П4ФК именные компоненты, в правой – именные, глагольные, ономатопоэтические.

4.2 Фразеологизмы с объектно-предикатными конструкциями

Тематическим компонентом предикативной конструкции может быть не только субъект, но и объект действия, например:

① 万事用心 *бандзи-ё:дзин* – «быть всегда начеку, быть всегда осторожным» (万事 *бандзи* – «все дела», «все аспекты», 用心 *ё:дзин* – «осторожность», «бдительность», «осмотрительность») подчёркивается необходимость быть внимательным, осмотрительным и осторожным; грамматически это 万事に用心, где 万事に – косвенное дополнение;

② 我田引水 *гадэн-инсуй – букв.* «тянуть воду на своё поле»; → «действовать в собственных интересах; поступать эгоистично, пользуясь ситуацией в свою пользу»; обычно используется для описания эгоистичного поведения человека, действующего исключительно в своих интересах; грамматически это 我田に引水, где 我田に – косвенное дополнение;

③ 笑門来福 *сё:мон-райфуку – букв.* «в дом, где смеются, счастье приходит» → «смех приносит удачу и благополучие»; «радость в доме привлекает счастье»; грамматически это конструкция 笑門に来福, где 笑門に – косвенное дополнение, а 来福 – субъектно-предикатная конструкция с инверсионным порядком слов;

④ 八紘一宇 *хакко: -итиу – букв.* «восемь углов мира под одной крышей» или «весь мир под один кров» (японский империалистический лозунг во время войны 1937–1945 гг., выражающий стремление Японии к доминированию и объединению Азии под её властью); 八 *хати* –

[1] В левой части П4ФК 生死事大 (*сё:дзи-дзидай* – «Жизнь и смерть – великие дела») копулятивные отношения компонентов (生と死), в правой – субъектно-предикатные (事が大).

«восемь», 紘 *ко:* – «пространство», «вселенная»; 八紘 «восемь направлений или углов, охватывающих весь мир»; *ити* – «один», 宇 *у* – «крыша», «дом», «вселенная»; 一宇 «одна крыша», «один мир»; грамматически это можно интерпретировать как 八紘を一宇に! или 八紘に一宇を![1]

Все П4ФК этого раздела (кроме примера № 4; в политическом лозунге для усиления экспрессивности сказуемое супрессировано) являются глагольными. Во всех приведённых примерах в левой части фразеологизма тематизированное дополнение – прямое (4) или косвенное (1–3). Вынесение дополнения в позицию перед сказуемым является средством его выделения с целью повышения речевой экспрессии.

4.3 Фразеологизмы с обстоятельственно-предикатными конструкциями

В некоторых П4ФК обнаруживаются обстоятельственно-предикатные отношения левой и правой частей, например:

① 昼夜兼行 *тю:я-кэнко:* – «действовать и днём, и ночью»; «работать без отдыха»; 昼夜 «день и ночь», 兼行 «совместное выполнение действия». В исторических текстах для описания интенсивных рабочих процессов, особенно в военном контексте, когда выполнение задания требовало максимальной концентрации и усилий независимо от времени суток. В современном японском языке это выражение также используется для описания интенсивной работы в различных сферах – от бизнеса до строительства. Грамматически это – 昼夜に兼行する;

② 勇往邁進 *ю:о: -майсин* – «идти вперёд с отвагой»; «стремительно и неуклонно продвигаться вперёд»; 勇往 *ю:о:* – «смело вперёд», 邁進 *майсин* – «стремительно продвигаться вперёд»; 勇 «смелость», 往 «идти», 邁 «преодолеть», 進 «продвигаться». Грамматически это – 勇往に邁進する, где 勇往に – обстоятельство образа действия;

③ 天涯孤独 *тэнгай-кодоку* – «одиночество на краю света»; «совершенное одиночество»; 天涯 *тэнгай* – «край неба», 孤独 *кодоку* – «одиночество»; используется для описания крайней степени одиночества, когда человек чувствует себя покинутым и совершенно одиноким, как будто он находится на краю света, вдали от всех, кто мог бы поддержать его; грамматически – 天涯に孤独である.

В этих П4ФК представлены обстоятельственно-предикатные конструкции. Правые части фразеологизмов выполняют функции предикатов (глагольный в первом примере и адъективный – во втором), субъекты которых супрессированы. Левые части фразеологизмов представлены временной (1-й пример) и пространственной (2-й пример) характеристиками соответствующих предикатов. Эти П4ФК можно интерпретировать как (N) は、昼夜に兼行する *букв.* «(Некто) продолжает двигаться и днём, и ночью»; (N) は、天涯に孤独である *букв.* «(Некто) одинок во всей поднебесной»; (N) は、勇往に邁進する *букв.* «(Некто) решительно и неуклонно продвигается вперёд».

4.4 Фразеологизмы с сополагающимися предикатами

В П4ФК этого типа мы имеем дело с синтаксическими конструкциями со сложным двусоставным предикатом, частями которого являются компоненты левой и правой частей фра-

[1] В ряде случаев грамматическая интерпретация П4ФК неоднозначна.

зеологизма. Поскольку краткость и лаконичность *вэньяня* требовала опущения слов, обозначающих лица, субъектная часть конструкции не представлена, хотя может быть мысленно восстановлена. Имплицитный субъект П4ФК может быть одушевлённым или неодушевлённым, хотя чаще речь идёт о лицах, например:

① 大胆不敵 *дайтан-футэки* – «храбрый и непобедимый», *букв.* «большая печень»[1] и «отсутствие (в Поднебесной) достойного противника» (используется для описания людей, которые проявляют исключительную храбрость и не поддаются страху перед любым противником);

② 厚顔無恥 *ко:ган-мути* – «наглый и бесстыжий»; используется для критики и порицания людей, которые ведут себя аморально, дерзко и не испытывают стыда за свои поступки; имеет негативную коннотацию;

③ 温厚篤実 *онко:-токудзицу* – «добросердечный и искренний» (温 *он* – «тёплый», «мягкий»; 厚 *ацу* – «толстый; глубокий, искренний»; 篤実 *токудзицу* – «преданность, верность; честность»; 篤 *току* – «преданный»; 篤ヽ *ацуй* – «сердечный, тёплый»); обычно используется для характеристики человека как тёплого, доброго и заслуживающего доверия, с глубокими чувствами и искренностью в отношениях с другими людьми;

④ 無常迅速 *мудзё:-дзинсоку* – «нет ничего неизменного, (всё) стремительно изменяется» (無常 *мудзё: – будд*. «изменчивость всего сущего»; *кн.* «быстротечность жизни»; 迅速 *дзинсоку* – «быстро двигаться»).

Структуры этих П4ФК можно интерпретировать следующим образом:

1. (N)は大胆で不敵である – *букв.* «(Некто) бесстрашен и непобедим».
2. (N)は厚顔で無恥である – *букв.* «(Некто) толстоморд и нахален».
3. (N)は温厚で篤実である – *букв.* «(Некто) искренен и честен».
4. (N)は無常で迅速している – *букв.* «(Нечто) непостоянно и быстро изменяется».

Если в первых трёх примерах мы имеем простые формы грамматического соположения однородных компонентов левой и правой частей П4ФК – именных (первый пример – 大胆不敵 *дайтан-футэки*) и адъективных (второй и третий примеры – 厚顔無恥 *ко:ган-мути*; 温厚篤実 *онко:-токудзицу*), то в четвёртом примере (無常迅速 *мудзё:-дзинсоку*) наблюдаются более сложные грамматические отношения. Здесь именной компонент левой части (無常) с показателем отрицания (無) сополагается в позиции субъекта с предикатом (迅速), инициальный компонент которого 迅 является приакцидентным определением вербального компонента 速 «быстро двигаться». В китайском языке 速 является глаголом (速 *sù* – «быстро идти, спешить, торопиться»), 迅 *xùn* – «быстрый, резвый, скорый, стремительный; мгновенно, стремительно, немедленно» – прилагательным или наречием.

4.5 П4ФК с глагольными конструкциями, простыми и сложными предложениями

В современном японском языке довольно много копулятивных П4ФК с парами глагольных конструкций, в каждой из пар которых глаголу-сказуемому подчиняется прямое (косвенное) дополнение или обстоятельство, например:

[1] Как уже отмечалось, в китайской традиции – синоним храбрости.

① 粉骨砕身 *функоцу-сайсин – букв.* «дробить кости и разбивать тело», *кн.* «лечь костьми, работать не щадя себя, напрягать все силы»;

② 氾愛兼利 *ханъай-кэнри – букв.* «разливать любовь, делиться выгодой»;

③ 勧善懲悪 *кандзэн-тё:аку – букв.* «поощрять добродетель и наказывать порок»;

④ 鼓腹撃壌 *кофуку-гэкидзё: – букв.* «барабанить по животу, топать по земле»; *связ.*: 鼓腹撃壌の民 (タミ) «народ, довольный своей судьбой» → метафора идеального общества, где люди живут в мире, довольстве и гармонии;

⑤ 風餐露宿 *фу:сан-росюку – букв.* «есть под ветром, ночевать под открытым небом»;

⑥ 晴耕雨読 *сэйко:-удоку – букв.* «в хорошую погоду работать в поле, во время дождя читать»; *обр.* «вести уединённый образ жизни в провинции».

В первых четырёх примерах глаголы управляют дополнениями, в пятом и шестом имеются обстоятельства, выраженные именами существительными. П4ФК, лишённые свойства копулятивности, могут иметь структуру простого предложения, например:

① 虎視眈眈 *коси-тантан – букв.* «тигр смотрит жадным взором»; *обр.* «наблюдать с жадным и угрожающим взором, подобно тигру, выбирающему момент для атаки»;

② 妖言惑衆 *ё:гэн-вакусю: – букв.* «лживые речи сбивают людей с толку»;

③ 怒髪衝天 *дохацу-сё:тэн – букв.* «разгневанные волосы вонзаются в небеса»; *обр.* «(некто) так разгневался, что (его) волосы встали дыбом»;

④ 有言実行 *ю:гэн-дзикко:* – «делать то, что было сказано»; *букв.* «произнесённые слова осуществляю»; *лит.* «воплощать слова в действия».

В некоторых случаях П4ФК имеют структуру сложносочинённого предложения, состоящего из двух клауз одинаковой структуры (подлежащее + сказуемое), или сложноподчинённого предложения. Приведём примеры:

① 神出鬼没 *синсюцу-кибоцу – букв.* «бог появляется, чёрт исчезает»; *обр. кн.* «появляться как божество, исчезать как призрак»;

② 鯨飲馬食 *гэйин-басёку – букв.* «кит пьёт, лошадь ест»; *обр.* «пить как кит, есть как лошадь»;

③ 牛溲馬勃 *гю:сю:-бабоцу: – букв.* «бык мочится, лошадь освобождает желудок»; *обр.* «просто и естественно, как для быка и лошади, справить свои естественные потребности»;

④ 弱肉強食 *дзякунику-кё:сёку – букв.* «слабые – мясо, сильные едят» → «закон джунглей; выживает сильнейший; сильные подавляют и используют слабых»;

⑤ 多岐亡羊 *таки-бо:ё:* – «потерять барана из-за того, что у дороги много ответвлений»; *букв.* «много ответвлений, потерянный баран»; *обр.* «запутаться во множестве вариантов», «заблудиться среди множества путей»;

⑥ 新進気鋭 *синсин-киэй* – «молодой и энергичный»; «многообещающий, подающий надежды» (писатель, музыкант и т. п.); фразеологизм несёт положительную коннотацию, указывая на талант и энергию многообещающего новичка; подчёркивается сочетание в них новаторства и энергии; при этом акцент делается на перспективах и потенциале развития.

В первых трёх примерах перед нами одна и та же симметричная копулятивная конструкция, в которой объединены по два предложения с одинаковой структурой «*подлежащее + сказуемое*». В четвёртом примере (弱肉強食) тоже содержится сложносочинённая конструкция,

но составляющие его клаузы имеют разную структуру: первая (弱肉) – с именным сказуемым, вторая (強食) – с глагольным. В пятом примере (多岐亡羊) формально-грамматически мы имеем инверсионный порядок слов в каждой из клауз (с адъективным – 多 «многочисленный» и глагольным –亡 «умирать» предикатами): *букв.* «много ответвлений, погиб баран». В шестом примере (新進気鋭) клаузы левой и правой частей П4ФК также имеют разную структуру. Её можно интерпретировать как композицию (соположение) глагольного предиката с приакцидентным определением в левой части и субъектно-предикатной конструкции – в правой части описываемого П4ФК – *букв.* 新進の N は、気（才覚）が鋭い «Если говорить о недавно выдвинувшемся госп. N, то он (точнее – *его дух* – здесь метонимия) полон энтузиазма». При ограниченности формального выражения грамматических отношений (правила порядка *вэньяня* и семантика) компонентов П4ФК нередко возможны разные интерпретации, например, фразеологизмы типа 朝令暮改 (*тё:рэй-бокай*) в соответствии с обычными для *вэньяня* трансформациями «глагол – имя» имеют две омонимичные формы – именную («утром – приказ, вечером – (его) отмена») и глагольную («утром – приказывают, вечером отменяют приказ»). П4ФК 万里同風 (*банри-до:фу – букв.* «на 1000 миль один и тот же ветер» → «единые порядки на тысячах ли»; «унификация обычаев на огромной территории» (万里 «тысяча ли», 同風 «единые порядки») грамматически можно интерпретировать как именной П4ФК с атрибутивным компонентом → 万里の同風, а можно предположить, что это П4ФК с обстоятельственным компонентом и подлежащим, сказуемое которого имеет имплицитную форму → 万里に同風が… «на десять тысяч ли один и тот же ветер...». Таким образом, в некоторых случаях в грамматической интерпретации протокитайских фразеологизмов возможны вариации.

Итак, среди П4ФК современного японского языка обнаруживается немало протокитайских фразеологизмов, которые имеют структуру простых или сложных предложений. Метафорическое переосмысление протокитайских выражений служит созданию эффективных средств передачи сложных идей в краткой форме. Часто использующиеся параллелизм конструкций, симметрия синонимов и антонимов, числительных или показателей отрицания в левой и правой частях П4ФК делают их яркими, выразительными и легко запоминающимися языковыми выражениями.

Заключение

В этой статье наше внимание было сосредоточено на структурной организации (внутреннем синтаксисе) четырёхсимвольных протокитайских фразеологических композитов как важного элемента фразеологической системы японского языка. Анализ П4ФК современного японского языка показал, что вместе с китайской лексикой японцы заимствовали и множество элементов китайской языковой культуры, а именно: лаконизм П4ФК, формы их языковой симметрии, параллелизм конструкций, супрессию обозначения лиц, а также многочисленные вкрапления элементов китайской грамматики [5]. На основе анализа мы провели классификацию П4ФК, выделив два структурных типа: 1) П4ФК со структурой словосочетания (копулятивные и некопулятивные); 2) П4ФК со структурой простого или сложного предложения. Внутри каждого из этих типов были выделены основные структурно-грамматические модели. Анализируя синтаксическое устройство фразеологизмов, мы показали, что большинство их обладают бинарной структурой, в которой правая и левая части выстраиваются, воспроизводя

протокитайские синтаксические модели. Были выделены основные виды синтаксической организации П4ФК: атрибутивная, глагольно-объектная, субъектно-предикатная, копулятивная и т.д. Уникальный класс составили фразеологизмы с копулятивной структурой, в которых все четыре компонента участвуют в сочинительной конструкции без деления на условные пары (ср.: 花鳥風月, 喜怒哀楽).

Наш анализ показал также, что П4ФК, сохраняя многие существенные свойства китайской грамматики, в значительной степени адаптированы и по отношению к лексической системе японского языка: они входят в функционально-семантические классы слов японского языка (части речи) и нередко наделяются при этом соответствующими грамматическими маркерами.

Примечательно, что многие П4ФК обладают ярко выраженной экспрессивностью, которая достигается за счёт повторов, антонимических или синонимических противопоставлений, графической выразительности и уникальной внутренней формы. Как показывает использование данных фразеологизмов в современной японской речи, они остаются мощным инструментом семантической компрессии, позволяющим выразить в лаконичной форме сложные философские, эмоциональные, культурные идеи. Это объясняет востребованность фразеологизмов в различных дискурсах – от литературы и журналистики до образования и политической риторики.

Японский язык не только заимствовал и адаптировал китайские выражения, но и продолжает продуктивно использовать протокитайские модели для создания новых П4ФК, что подтверждает жизненность и адаптивность этого класса фразеологизмов. Таким образом, четырёхсимвольные протокитайские фразеологизмы являются не только объектом историко-лингвистического интереса, но и важным экспрессивным ресурсом современного японского языка. Их структурное богатство, стилистическая гибкость и культурная нагруженность делают П4ФК уникальным явлением в системе японской фразеологии.

Многие четырёхсимвольные протокитайские фразеологизмы, сохранившиеся в японском языке, архаичны для современного китайского языка [3, 118–121], что вполне соответствует историческим отношениям цивилизационного центра (Китай) и периферии (Япония): на периферии культурно-цивилизационного пространства обычно сохраняются архаичные формы культуры и языка. В перспективе дальнейшего исследования представляется важным более детально изучить прагматические особенности использования П4ФК в различных типах текстов, а также рассмотреть их историческую эволюцию.

Список литературы

1. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии. Краткий курс. Учебное пособие. Москва: Изд-во «Флинта» 2014. 308 с.

2. *Быкова С.А.* Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М.: Изд-во МГУ, 1985. 64 с.

3. *Ветров П.П.* Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. М.: Восточная книга, 2007. 368 с.

4. *Гуревич Т.М.* Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. М.: «Моногатари», 2011. 144 с.

5. *Дыбовский А.С.* Элементы китайской грамматики в современном японском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 43–57. DOI: https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/43-57

6. *Дыбовский А.С.* Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 123–136. DOI: https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123–136

7. *Дыбовский А.С.* Японский язык как арена столкновения цивилизаций // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 4. С. 17–30. DOI: https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30

8. *Карапетьянц А.М., Аошуан Тань*. Учебник классического китайского языка вэньянь. М.: Муравей, 2001. 383 с.

9. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.

10. *Фролова О.П.* Фразеология современного японского языка. Новосибирск: НГУ, 1979. 87 с.

11. Weblio 辞書 = Словарь Weblio. URL: https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優) (дата обращения: 28.08.2024).

12. 月校長ブログ 「弄花香満衣」 = Сентябрьский блог директора: 「弄花香満衣. URL: https://nittai-ebara.jp/7915.html (дата обращения: 11.08.2024).

13. 故事成語一問一答= Старые фразеологизмы: вопросы и ответы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=OwPQaGMnp48 (дата обращения: 10.10.2024).

14. KOTONOHA /ウェブ言葉に関する雑学・便利帳 = KOTONOHA / Веб-энциклопедия о словах и полезные заметки. URL: https://kotonohaweb.net/5-kanji-jyukugo/2/. (дата обращения: 28.08.2024).

15. SPI 言語 二字熟語 140 選 = Синтетический инвентарь личности: язык. 140 специально отобранных двухсимвольных фразеологизмов. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqip8s (дата обращения: 10.10.2024).

16. 三字熟語クイズ総集編 = Викторина по трёхсимвольным фразеологизмам: итоговый сборник. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0uobwwjbRhc (дата обращения: 10.10.2024).

17. 住友生命 創作四字熟語 = Sumitomo Life / Создание четырёхсимвольных идиом. URL: https://cam.sumitomolife.co.jp/jukugo/yusyu.html#Yushu (дата обращения: 29.08.2024).

18. 中納言コーパス検索アプリケーション = Корпус японского языка «Тюнагон» / Поисковое приложение. URL: https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search / (дата обращения: 29.08.2024).

19. のびる国語・四字熟語　角川漫画学習シリーズ　監修：京都学芸大学准教授細川太輔　東京：角川 = Совершенствуемся в японском языке: Четырёхкомпонентные фразеологизмы // Серия учебных манга издательства Кадокава. Под редакцией доцента Дайсукэ Хосокава. Киотский университет педагогики. Токио: Кадокава, 2019. 226 с.

20. 短いスピーチ実例辞典　東京：成美堂出版編 = Справочник с примерами кратких речей. Токио: Сэйбидо Сюппан (изд.). 1993. 606 с.

21. みなぎの通信 = Минанги: новости. URL: https://dmzcms.hyogo-c.ed.jp/yokawa-hs/NC3/wysiwyg/file/download/1/179 (дата обращения: 29.08.2024).

References

1. *Baranov A.N., Dobrovolsky D.O.* Foundations of phraseology: A short course. Textbook. Moscow: Flinta Publishing House, 2014. 308 p. (In Russ.).

2. *Bykova S.A.* Stable phrases in modern Japanese. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1985. 64 p. (In Russ.).

3. *Vetrov P.P.* Phraseology of modern Chinese: syntax and stylistics. Moscow: Vostochnaya Kniga Publ., 2007. 368 p. (In Russ.).

4. *Gurevich T.M.* Japanese–Russian educational dictionary of Yojijukugo. Moscow: Monogatari Publ., 2011. 144 p. (In Russ.).

5. *Dybovsky A.S.* Elements of Chinese grammar in contemporary Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 43–57. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/43-57

6. *Dybovsky A.S.* Language planning in Japan from the mid XIX to the early XXI century. *Oriental Institute Journal*, 2024, no. 3, pp. 123–136. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123–136

7. *Dybovsky A.S.* The Japanese language as an arena of civilizational clash. *Far Eastern Philological Journal*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 17–30. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30

8. *Karapetyants A.M.*, *Aoshunan Tan*. Textbook of Classical Chinese language (Wenyan). Moscow: Muravei Publ., 2001. 383 p. (In Russ.).

9. *Telia V.N.* Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguocultural aspects. Moscow: School of "Languages of Russian Culture", 1996. 287 p. (In Russ.).

10. *Frolova O.P.* Phraseology of modern Japanese. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1979. 87 p. (In Russ.).

11. Weblio Dictionary. URL: https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優) (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

12. September principal's blog "Rōka-kōman'i". URL: https://nittai-ebara.jp/7915.html (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

13. Old idioms: questions and answers.
URL: https://www.youtube.com/watch?v=OwPQaGMnp48 (accessed: 10.10.2024).

14. KOTONOHA / Web knowledge and convenience book on words. URL: https://kotonohaweb.net/5-kanji-jyukugo/2/. (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

15. Synthetic personality inventory: Language. 140 selected two-character idioms. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqip8s (accessed: 10.10.2024). (In Jap.).

16. Quiz on three-character idioms: final compilation.
URL: https://www.youtube.com/watch?v=0uobwwjbRhc (accessed: 10.10.2024). (In Jap.).

17. Sumitomo life, creative four-character idioms.
URL: https://cam.sumitomolife.co.jp/jukugo/yusyu.html#Yushu (accessed: 29.08.2024). (In Jap.).

18. Chunagon corpus search application = Japanese language corpus "Chunagon" / Search application. URL: https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search / (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

19. Nobiru Kokugo / Yojijukugo. Kadokawa Manga learning series. Supervised by Associate Professor Daisuke Hosokawa, Kyoto University of Education. Tokyo: Kadokawa, 2019. 226 p. (In Jap.).

20. Handbook of short speech examples. Tokyo: Seibido Shuppan (Ed.). 1993 606 p. (In Jap.).

21. Minangi news. URL: https://dmzcms.hyogo-c.ed.jp/yokawa-hs/NC3/wysiwyg/file/download/1/179 / (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 29.04.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 23.05.2025
Принята к публикации / Accepted 24.05.2025

Научная статья
УДК 811.111
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/108-119

Новостные пропозиции с оценочными существительными (на материале текстов англоязычных СМИ)

Наталья Владимировна Казаченкова

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
Соискатель, кафедра романо-германской филологии,
kanavl@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0005-7854-1872

Аннотация. Доминирующие системы ценностей внутри социума отражаются в медийном дискурсе, который формирует взгляды и мировоззрение реципиентов. Для запуска процесса реконструкции сообщения читателем в СМИ активно применяются известные и легко узнаваемые триггеры эмоционального осмысления, которыми зачастую выступают языковые единицы с ценностным концептом. Концепт содержится в каждой форме кодификации сообщаемой информации, в том числе на синтаксическом уровне, на котором потенциальным концептом выступает пропозиция. В рамках настоящего исследования был проведён анализ существительных, выступающих в роли актантов и предикатов в пропозициях и содержащих морфемы с оценочными концептами. Причинами ценностной концептуализации аффиксов становятся усвоение опыта, обусловленного культурой массового потребления, СМИ, способные затронуть сакральные культурные коды, и переломные исторические эпохи в моменты обесценивания культурных традиций. Такие аффиксы получают аффективные значения и начинают активно применяться в других языковых единицах, так как прежде всего позволяют привлечь внимание. Более того, они апеллируют к небанальному отражению ситуаций, способны передавать детали и оттенки значения, будоражить воображение и вызывать эмоции. Следовательно, они позволяют лаконично уточнять разнообразные нюансы смысла, включая аксиологического плана. Автор прописывает методику исследования, основанную на сплошной выборке статей, что позволяет выяснить культурно-исторические контексты, влияющие на ценностную концептуализацию, а также определить прагматические цели использования существительных с оценочными аффиксами в новостных пропозициях. В статье приводятся примеры, иллюстрирующие, как языковые структуры способны формировать общественное сознание и влиять на восприятие событий.

Ключевые слова: ценность, концепт, оценочная концептуализация, оценочный аффикс, новостная пропозиция, предикат, актант, заголовочный комплекс

Для цитирования: Казаченкова Н.В. Новостные пропозиции с оценочными существительными (на материале текстов англоязычных СМИ) // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 108–119.

© Казаченкова Н.В., 2025

Original article

News propositions with evaluative nouns (based on English media texts)

Natalya V. Kazatchenkova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
Candidate for a Degree, Department of Romance and Germanic Philology,
kanavl@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0005-7854-1872

Abstract. The dominant value systems within a society are reflected in media discourse, which shapes the views and worldview of the recipients. To start the process of message reconstruction by a reader, the media use actively well-known and easily recognizable triggers of emotional comprehension, which often act as linguistic units with a value concept. A concept is contained in every form of codification of the reported information, including at the syntactic level, where a potential concept is a proposition. The present study analyzes nouns that act as actants and predicates in propositions and contain morphemes with value concepts. The reasons for the value conceptualization of affixes are the assimilation of mass consumption culture-driven experiences, mass media that can affect sacred cultural codes, and critical historical epochs, in moments of devaluation of cultural traditions. Such affixes acquire affective meanings and begin to be actively used in other linguistic units because, above all, they allow to attract attention. Moreover, they appeal to the non-banal reflection of situations, are capable of conveying details and shades of meaning, stirring the imagination and evoking emotions. Consequently, they allow to concisely clarify various nuances of meaning, including axiological plan. The author prescribes the research methodology based on the continuous sampling of articles, which allows us to find out the cultural and historical contexts influencing value conceptualization, as well as to determine the pragmatic purposes of using nouns with evaluative affixes in news propositions. The article provides examples illustrating how linguistic structures can shape public consciousness and influence the perception of events.

Key words: value, concept, evaluative conceptualization, evaluative affix, news proposition, predicate, actant, headline complex

For citation: Kazatchenkova N.V. News propositions with evaluative nouns (based on English media texts). *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 108–119. (In Russ.).

Современная лингвистика, базирующаяся на принципе антропоцентризма [5], особое внимание уделяет исследованию аксиологической составляющей дискурса, основанной на системе ценностей как «наиболее фундаментальных характеристик культуры, высших ориентиров поведения» [7, с. 167]. Доминирующие системы ценностей внутри социума отражаются в медийном дискурсе, который формирует взгляды и мировоззрение реципиентов. Для запуска процесса реконструкции сообщения читателем в СМИ активно применяются известные и легко узнаваемые эмоциональные триггеры. В роли таких триггеров зачастую выступают языковые единицы с ценностным концептом, который, согласно теории структурной композиции В.И. Карасика, формируется наравне с сигнификативным (понятийным) и денотативным (предметным) [7]. «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека» [13, с. 43], то есть ценности и убеждения, как на уровне индивидуального сознания, так и на уровне коллектив-

ного когнитивного пространства. Концепт содержится в каждой форме кодификации сообщаемой информации, в том числе на синтаксическом уровне, на котором потенциальным концептом выступает пропозиция (согласно теории Е.В. Падучевой) [10].

Как заметил С.Е. Ячин в работе «Критика аксиологического разума» [14], основным предметом аксиологического исследования должен стать процесс возникновения ценностей, оценивание или концептуализация ценностей. Анализ современного медийного дискурса позволяет проследить динамику типов ценностей и изменения способов их концептуализации, что определяет ***актуальность*** исследования.

Цель нашего исследования – описать современные механизмы ценностной концептуализации оценочных аффиксов существительных в новостных пропозициях на материалах американских СМИ.

Для достижения поставленной цели применялся ***метод*** сплошной выборки статей. Особое внимание уделили поиску новостных сюжетов, содержащих явно выраженную оценку автором описываемого события или явления. Исследование проводилось на материалах The New York Times (NYT) и The LA Times (LAT). Выбор данных изданий обусловлен их популярностью среди американского населения. Это так называемая «качественная» пресса, предназначенная для высокообразованной аудитории и содержащая мнения компетентных экспертов. Издания имеют обширный тираж и читательскую публику. Это доказывают исследования, в том числе известного статистического портала statista.com, объединяющего данные из различных авторитетных источников, включая государственные учреждения, фирмы, занимающиеся исследованиями рынка, и академические институты.

Задачи исследования включают:

– определение роли существительных с оценочными аффиксами в новостных пропозициях;

– выявление культурно-исторических факторов ценностной концептуализации аффиксов существительных;

– детерминация эксплицитной и имплицитной модальности оценочных аффиксов существительных;

– установление прагматических целей включения существительных с оценочными аффиксами в новостные пропозиции.

Язык – это способ осуществления действия, опосредованного языковыми структурами и социально-культурным контекстом, в котором данное действие производится [4]. Тогда, будучи артефактом культуры, «любая единица языка и речи может служить основой для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта» [12, с. 38–39]. Выявление аксиологических концептов, представленных в языковых структурах, является важным измерением любого типа дискурса, что подтверждается результатами многочисленных исследований [3, 7, 9, 11].

В фокусе нашего исследования находятся «потенциальный концепт предложения», которым, как доказала Е.В. Падучева, является пропозиция. Вслед за Н.Д. Арутюновой понимаем пропозицию как «семантическую структуру, объединяющую денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит центральная позиция» [2, с. 37]. Пропозиции в структуре текста, в том числе в структуре новостной статьи, встраиваются в иерархию, образуя макропропозицию, репрезентирующую текст. Макропропозиция является тема-

тическим центром и содержит в себе наиболее существенную и важную информацию всего текста [6]. Абстрактность макропропозиции текста, которая формируется у реципиента после сворачивания содержания статьи, делает невозможным её анализ, зато автор статьи, когда сворачивает тему своей статьи до макропропозиции, даёт ей заголовок. Современные СМИ имеют сложную структуру заголовка, названную Э.А. Лазаревой «заголовочным комплексом» [8, с. 14]. В рамках нашего исследования для описания аксиологического концепта оценивались пропозиции заголовка, лида (вводной части статьи) и подзаголовка.

Семантическое ядро пропозиции составляют предикат и актант, в роли последнего компонента, то есть лица или предмета, участвующего в процессе, чаще всего выступают существительные. При этом «первичная функция существительных – функция предиката» [2, с. 350], так как именно предикат отражает признак, отношение или свойство. Следовательно, существительному в структуре пропозиции отведена центральная роль. В рамках настоящего исследования был проведён анализ существительных в английском языке, содержащих морфемы с оценочными концептами, то есть аффиксами (суффиксами и постфиксами), способными вносить в семантику слова оценочный компонент.

The Modern Farmhouse Is Today's McMansion. (NYT, 7 июля, 2023 г.)	*(заголовок) О современных домах фермеров, превращающихся в уродливые особняки.*
The economics of the housing market – and the local rules that shape it – have dictated today that many small homes are replaced by McMansions. (NYT, 25 сент., 2022 г.)	*(подзаголовок) Сегодня экономика рынка жилья, а также местные правила, которые формируют этот рынок, обуславливают факт того, что большое количество милых домиков заменяется уродливыми особняками из дешевых материалов.*

В первом примере существительное McMansion выступает в функции негативно-оценочного предиката пропозиции, во втором – в роли актанта-инструмента с отрицательной коннотацией. В 1990 году, по данным сайта Merriam-Webster, в издании The Time Traveler появилось слово McMansion (дериват от *mansion* – «особняк» и первых двух букв названия сети популярных ресторанов быстрого питания McDonald's) – *a very large house built in usually a suburban neighborhood or development, especially one regarded critically as oversized and ostentatious* – «очень большой дом, построенный, как правило, в пригородном районе или в местах активной застройки чрезмерно больших размеров, вычурный на вид» [15].

Urbandicationary.com даёт развёрнутое определение этому архитектурному новообразованию. *A large and pretentious house, typically of shoddy construction, typical of "upscale" suburban developments in the late 20th and early 21st centuries. Such houses are characterized by steep roofs of complex design, theatrical entrances, lack of stylistic integrity and backsides which are notably less fussy than their fronts. They are often placed closely together to maximize the developer's profits and appeal to people who value perceived social status over actual, physical, economic or historic value.* – «Большой и претенциозный дом, как правило, некачественной постройки, типичный для «элитных» пригородных застроек конца XX – начала XXI века. Такие дома характеризуются крутыми крышами сложной конструкции, театральными входами, отсутствием стилистической целостности. Задний фасад заметно менее вычурный. Они часто располага-

ются вплотную друг к другу, чтобы максимизировать прибыль застройщика и привлечь людей, для которых мнимый социальный статус важнее реальной, физической, экономической или исторической ценности» [16].

По данным сайта Google NGram Viewer, который позволяет установить частотность употребления слов и фраз в основе массива печатных источников, опубликованных с XVI века, наглядно показан рост частотности употребления существительного McMansion в период 2004–2011 гг. (рис. 1). По горизонтальной оси представлен выбранный временной период, а по вертикальной – процент встречаемости выбранного текста в оцифрованных книгах).

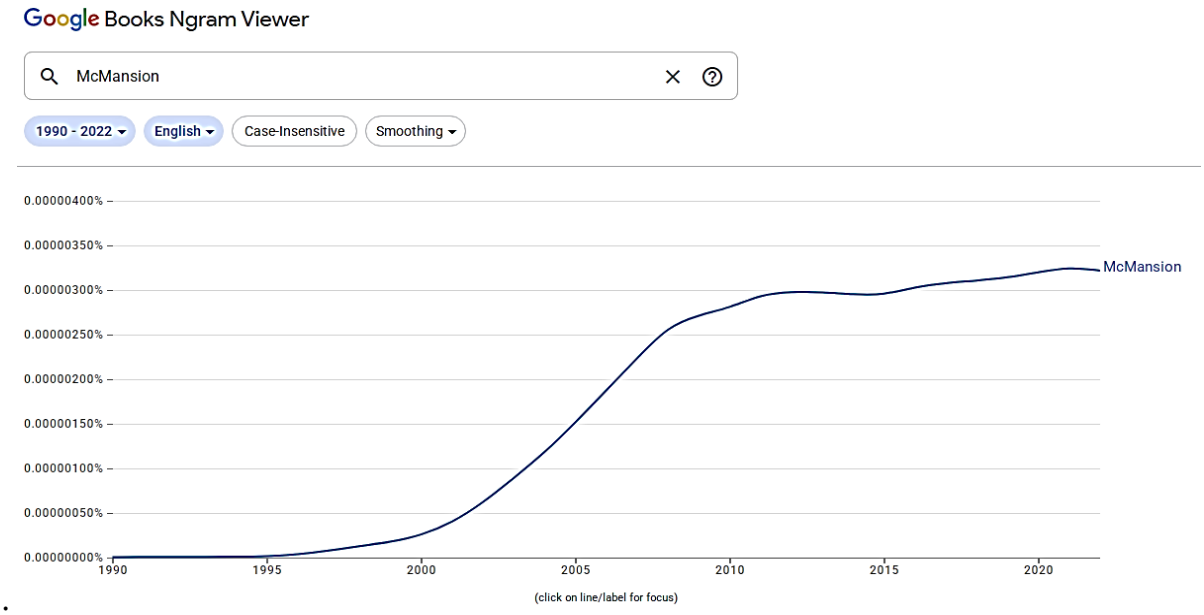


Рис. 1. Частотность употребления слова
Источник: данные сайта Google NGram Viewer.

Несмотря на то что компания McDonalds стала символом американской культуры, олицетворением динамичного образа жизни в США, в других странах, в том числе в России, в входе оценочной концептуализации, то есть в ходе процесса оценочно-познавательной деятельности человека, осмысления ценностно-окрашиваемой информации [7], префикс «Mc» получил негативную оценку.

Компания McDonald's была основана в 1940 году в городе Сан-Бернардино, штат Калифорния. Сегодня рестораны этой сети быстрого питания открыты по всему миру. Более того, цена одного из самых известных блюд меню компании Биг-Мака с 1986 года используется журналом The Economist как показатель покупательной способности экономики и получил название «Индекс Биг-Мака». Тем не менее Американский индекс удовлетворённости клиентов показывает, что McDonald's занимает последнее место среди конкурирующих ресторанов. По данным сайта mashed.com, публикующего последние новости о продуктовых сетях, знаменитых шеф-поварах и фастфуде, компания, лозунг которой звучит как "I'm Lovin' It" («Вот что я люблю»), не смогла соответствовать американским национальным стандартам для ресторанов быстрого питания во всех аспектах, включая стандарты обслуживания клиентов в отношении вариантов меню, качества продуктов питания и напитков (включая температуру и

вкус), чистоты в ресторане, скорости оформления заказа, а также качества и надёжности своего мобильного приложения. Именно поэтому социально устоявшееся отрицательное отношение визуально закрепилось в семантике языковой единицы «Mc».

Сегодня приставка «Mc» всё чаще используется авторами медиатекстов при построении макропропозиции для критики или комментирования культурных явлений, особенно в контексте консьюмеризма и социальных проблем.

McMansionization – Referring to the trend of building oversized, often ostentatious homes that lack architectural coherence, especially in suburban areas – «относится к тенденции строить огромные, часто показные дома, которым не хватает архитектурной целостности, особенно в пригородных районах» [16].

• *The McMansionization of Los Angeles Is Dulling the Beauty of Its Neighborhoods. (LAT, 9 окт., 2017 г.)*	*(заголовок, актант-субъект) О доминировании вычурных особняков из дешевых материалов в Лос-Анджелесе, которые размывают красоту городских кварталов.*

McMindfulness – critique of the commercialization of mindfulness practices, suggesting they have been diluted into easily consumable products rather than being treated as serious mental health practices (*by Miles Neale, psychotherapist*) – «критика коммерциализации психологической практики майндфулнес, свидетельствующая о том, что они превратились в легко потребляемые продукты, а не в серьёзные практики психического здоровья». (Автор термина психотерапевт Майлз Нил).

McMindfulness may have become a tool of capitalism, but if it works, does it matter? (LAT, 6 авг., 2019 г.)	*(заголовок, актант-субъект). Возможно, психологическая практика майндфулнес стала инструментом обогащения, но если она работает, имеет ли это значение?*

McJob – any menial, low-paying, unskilled, dead-end job, including (but not limited to) those in the fast food industry, which requires zero creative or intellectual involvement, and whose sole motivation is a paycheck (i.e., no one works a McJob because they like it or care about the work). The employee may also be required to wear a silly and degrading uniform. Examples outside of the food service industry include Wal-Mart greeter and movie ticket clerk. McJobs are usually filled by teenagers, bored retired people looking for something to do, retards, and struggling single parents in need of a second income. Turnover is high, but because practically anyone has the skills necessary to perform a McJob, the company can just hire more interchangeable McEmployees off the streets – «любая рутинная, низкооплачиваемая, неквалифицированная, бесперспективная работа, включая (но не ограничиваясь) работу в сфере быстрого питания, которая не требует творческого или интеллектуального участия и единственной мотивацией которой является получение зарплаты (то есть никто не выполняет подобную работу, потому что ему это нравится или она ему интересна). От работника также могут потребовать носить глупую и унизительную униформу. Примерами вне сферы общественного питания могут служить продавцы магазинов «Волмарт» и билетёрши в кино. Выполнять подобную работу обычно идут подростки, скуча-

ющие пенсионеры, ищущие себе занятие, «альтернативно одарённые» (если говорить политкорректно) и одинокие родители, нуждающиеся во втором заработке. Текучесть кадров высока, но поскольку практически любой человек обладает навыками, необходимыми для выполнения подобной работы, компания может просто нанять больше взаимозаменяемых работников с улицы» [16]. Аллюзия термина на массовое производство фастфуда подразумевает как механический, не приносящий удовлетворения характер работы, так и одноразовость, взаимозаменяемость, с которой компания обращается со своими сотрудниками.

- *McJob For Leader's Daughter (As part of his campaign to give teenagers responsibility, Prime Minister Thaksin Shinawatra sent his 17-year-old daughter, Paethongtan, to work at a McDonald's in Bangkok. Mr. Thaksin later turned up to buy burgers from her, "for the ministers I am meeting today," he said. Paethongtan is working part time, after finishing her university entrance exams. Mr. Thaksin, a former policeman who became a billionaire, worked part time at KFC while studying in the United States.) (NYT, март 30, 2004 г.)*

(заголовок, оценочный предикат) Дочь лидера страны работает в «Макдоналдсе». (В рамках кампании по воспитанию ответственности среди подростков тайский премьер-министр Таксин Шинаватра отправил свою 17-летнюю дочь Паетхонгтан на работу в «Макдоналдс» в Бангкоке. Позже господин Таксин пришел, чтобы купить у нее гамбургеры «для министров, с которыми я сегодня встречаюсь», – сказал он. Паетхонгтан работает неполный рабочий день, сдав вступительные экзамены в университет. Г-н Таксин – миллиардер, бывший полицейский, во время учебы в Соединенных Штатах работал неполный рабочий день в KFC).

McFake – a girl who is always being fake and tries way too hard to fit in. One minute she talking to you, the next she talked about you – «девушка, которая всегда неискренняя и слишком старается соответствовать моменту. В одну минуту она говорит с тобой, в другую – о тебе» [16].

Senator McFake: John McCain busted wearing medical walking boot on wrong (uninjured) leg for wedding photo. (NYT, 24 нобр., 2017 г.)

(заголовок, оценочный предикат) Сенатор Фейкмейкер: Джон Маккейн запечатлен на свадебном фото в ортопедическом приспособлении на здоровой ноге.

Причиной ценностной концептуализации префикса “Mc” стало усвоение опыта, обусловленного культурой массового потребления. Первоначально у носителей языка сложилось ценностное отношение к конкретному явлению, после оно получило аффективное значение и стало активно применяться в других языковых единицах, так как позволяет привлечь внимание графически. Оно апеллирует к небанальному отражению ситуации, передающему её детали и оттенки, обогащающему воображение и имеющему ценностный концепт, что позволяет лаконично уточнить разнообразные нюансы смысла, в том числе аксиологического плана.

Однако не только массовая культура порождает оценочные концепты. Они могут актуализироваться СМИ, например, оценочная концептуализация постфикса «gate». В период президентской предвыборной кампании 1972 года президента Ричарда Никсона разразился скан-

дал, связанный с попыткой установить подслушивающие устройства в штаб-квартире Демократической партии в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне. Джеффри Александер в своей работе «Смыслы социальной жизни: культурсоциология» подробно описал, как происходило многоэтапное, в течение двух лет, с 1972 по 1974 гг., воздействие через СМИ на американцев посредством аксиологических кодов, сакральных для населения США. В результате этого скандала 37-й президент США Ричард Никсон был отстранён от власти, а слово «Уотергейт» стало символом недоверия американцев к своей власти с сильно заряженной метафорой [1]. Это привело к оценочной концептуализации и образованию постфикса «gate». В результате появились *Irangate* – скандал, связанный с именем президента Рональда Рейгана, *Monicagate* – с президентом Биллом Клинтоном и его романом с Моникой Левински, *Trumpgate* – с дочерью Дональда Трампа Иванкой и другими высокопоставленными лицами в правительстве США.

За последнее время в новостных пропозициях были зафиксированы следующие неологизмы с постфиксом «gate», как связанные с действиями администрации президента, так и имеющие сильную социальную реакцию: *brunchgate, fakenews-gate, paytogate, Schadenfreudegate, vaccinegate, Biden Laptop Gate, Gamergate*.

Emailgate – often used in reference to the controversy surrounding Hillary Clinton's use of a private email server during her tenure as Secretary of State – «часто используется в связи со спорами вокруг использования Хиллари Клинтон частного сервера электронной почты во время её пребывания на посту госсекретаря» [16].

Beyond 'Emailgate': five things we learned about Hillary Clinton today (LAT, 10 марта 2015)	*(заголовок, оценочный предикат) Что скрыто за скандалом «emailgate»: пять вещей, которые мы сейчас знаем о Хиллари Клинтон.*
No, 'Emailgate' Is Not Worse Than Watergate • *The comparison shows just how little Clinton's critics understand about the two scandals. (NYT, окт. 31, 2016)*	*(заголовок, актант-субъект) Нет, скандал «Emailgate» не хуже «Уотергейта». Сопоставление показывает, насколько мало критикам политики Клинтон известно об этих двух скандалах.*

Нарративные рамки «gate» были заданы для суждений по поводу действий социальных противоречий.

Deflategate – the controversy surrounding the New England Patriots and alleged deflation of footballs during the AFC Championship Game – «спор вокруг команды New England Patriots и предполагаемого сдувания футбольных мячей во время игры чемпионата АФК» [16].

• *Deflating 'Deflategate'. (NYT, июнь 12, 2015)*	*(заголовок, актант-объект) Опровержение скандала 'Deflategate'.*

Spygate – involving allegations that the New England Patriots violated rules regarding videotaping opponents' signals – «обвинения в том, что команда New England Patriots нарушила правила, касающиеся видеозаписи сигналов соперников» [16].

Fallout from Canada Soccer spygate continues. Plus, opening ceremony superlatives (NYT, июль 29, 2024)

(заголовок, актант-субъект) Шпионские разборки в канадском футболе продолжаются. И еще о превосходных словах на церемонии открытия.

В процессе ценностной концептуализации постфикса «gate» активную роль сыграли СМИ, которые в новостных нарративах затрагивали сакральные для американского общества ценностные концепты. Носители языка стали активно применять *gate* для создания новых языковых единиц, так как этот постфикс апеллирует к образным ассоциациям, обогащает информационно-содержательное восприятие описываемой ситуации. Символическая мощь этой метафоры настолько сильная, что «гейт» проникло в другие языки, в том числе русский. В НКРЯ зафиксированы следующие слова, связанные с резонансными публичными скандалами: *Моникагейт* (2 примера в НКРЯ) и *Панамагейт* (1 пример в НКРЯ), описывающие американские скандалы, *Кучмагейт* (4 примера в НКРЯ) и *Казахгейт* относятся к политическим резонансным событиям в других странах, как в следующих примерах:

Только на Украине закрыли Чернобыльскую АЭС, как грянуло новое потрясение. Так называемый «Кучмагейт» – скандальное обвинение президента и его окружения в причастности к похищению и убийству журналиста – многие в Киеве называют катастрофой для власти. (Александр Кондрашов. Политический Чернобыль (2001) // Аргументы и факты, 03.01.2001).

«Казахгейт» поставил Бельгию и Францию на грань политического скандала (РИА Новости, 03.05.2017).

Негативный рейтинг Клинтон почти сравнялся с временами «моникагейта» (РИА Новости, 27 марта 2008).

Финансовый регулятор Британии запросил у банков данные по «Панамагейту» (РИА Новости, 26.04.2016).

Оценочная концептуализация происходит в сложные, переломные исторические эпохи, когда культурные традиции обесцениваются, прежние идеологические и этнические устои общества подвергаются переосмыслению. Ярким примером такой концептуализации является суффикс *-ism*. Скандал «Уотергейт» породил ещё одно оценочное суждение на базе лексемы *McCarthyism* («маккартизм»), который обозначал антикоммунистические настроения и практику, связанные с сенатором Джозефом Маккарти в начале 1950-х годов. Этот термин обозначал политическое явление, характеризующееся нагнетанием страха и обвинениями, связанными с коммунизмом. Использование суффикса *-ism* для описания конкретных политических движений или идеологий, как, например, в *Trumpism* («трампизм»). Этот термин возник в контексте политического подъёма Дональда Трампа во время выборов 2016 года.

Этот суффикс имеет долгую историю. В конце XIX и начале XX века суффикс *-ism* начал использоваться для описания дискриминации. Одним из самых ранних и наиболее заметных примеров стал термин «расизм», который появился в начале 1900-х годов. Хотя понятие расовой дискриминации существовало задолго до этого, термин «расизм» вошёл в обиход примерно в 1930 году, отражая веру в превосходство одной расы над другой.

С тех пор суффикс *-ism* широко используется для описания различных форм дискриминации, таких как *sexism* («сексизм»), *classism* («дискриминация по социальному статусу») и

другие. Суффикс *-ism* имеет греческое происхождение. Одно из его значений в социальных контекстах – дискриминация по определённым признакам.

Ableism – discrimination or prejudice against individuals with disabilities – «дискриминация или предубеждение в отношении людей с ограниченными возможностями» [16].

It's not just Beyoncé and Lizzo – culture is full of painful ableism that's too often ignored. (LAT, 2 авг., 2022 г.)	*(заголовок, предикат) Дело не только в Бейонсе и Лиззо – культура полна болезненной дискриминации людей с инвалидностью, на которую часто закрывают глаза.*

Lookism – prejudice or discrimination based on physical appearance and especially physical appearance believed to fall short of societal notions of beauty – «предрассудки или дискриминация, основанные на внешности, особенно на внешности, которая, как считается, не соответствует общественным представлениям о красоте» [16].

BBC subjects older women to 'lookism', says Libby Purves. (LAT, 22 сент., 2020 г.)	*(заголовок, актант-объект) Либби Пёрвз заявляет, что Би-Би-Си относятся к возрастным женщинам предвзято.*

Суммируя вышесказанное, подчеркнём, что доминирующие системы ценностей внутри социума отражаются в медийном дискурсе, который формирует взгляды и мировоззрение реципиентов. Для полноценного исследования дискурса и составляющих его пропозиций нужно выявлять причины концептуализации ценностей. В рамках настоящего исследования были рассмотрены ценностные концептуализации аффиксов, причинами которых становятся усвоение обусловленного культурой массового потребления опыта, СМИ, способные затронуть сакральные культурные коды, и переломные исторические эпохи в моменты обесценивания культурных традиций. Такие аффиксы получают аффективные значения и начинают активно применяться в других языковых единицах, так как прежде всего позволяют привлечь внимание. Более того, они апеллируют к небанальному отражению ситуаций, способны передавать детали и оттенки значения, будоражить воображение и вызывать эмоции. Следовательно, они позволяют лаконично уточнять разнообразные нюансы смысла, включая аксиологического плана.

Список литературы

1. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.

2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Изд-во: Ленанд, 2023. 384 с.

3. *Бабаева Е.В.* Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.10. Волгоград, 2004. 427 с.

4. *Вара Н.Г.* Динамика лингвосемиотических характеристик социальных ценностей в английском рекламном дискурсе // Филологические науки. 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 46–50. EDN: SCZVVH

5. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 396 с.

6. *Дейк Т.А. ван* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

7. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.

8. *Лазарева Э.А.* Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия Уральского государственного университета: серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. Вып. 19, № 40. С. 158–166. EDN: JTYEFX

9. *Лазовская Н. В.* Языковая игра в рекламном дискурсе : на материале русско- и англоязычной рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2007. 23 с.

10. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

11. *Серебренникова Е.Ф.* Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов. Коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.

12. *Слышкин Г.Г.* Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса). Волгоград: Перемена, 2000. С. 38–45.

13. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

14. *Ячин С.Е.* Критика аксиологического разума. М.: Инфа-М, 2022. 137 с.

15. *Merriam-Webste*r. URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 14.02.2025).

16. *Urban Dictionary*. URL: https://www.urbandictionary.com/ (дата обращения: 14.02.2025).

References

1. *Aleksandr C. Jeffrey*. The meanings of social life. M.: PraksiS Publ., 2013. 640 p. (In Russ).

2. *Arutyunova N.D.* A sentence and its meaning: Logical and semantic problems. M.: Lenand Publ., 2023. 384 p. (In Russ).

3. *Babaeva E.V.* Linguistic and cultural characteristics of the Russian and German axiological worldviews: Doctor’s degree thesis: 10.02.10. Volgograd, 2004. 427 p. (In Russ).

4. *Vara N.G.* The dynamics of linguosemiotic characteristics of social values in English advertising discourse. *Philological Sciences*, 2014, no. 7 (37): in 2 parts, part I, pp. 46–50. (In Russ).

5. *Gumbol'dt V. fon* Selected works on language studies. M.: Progress Publ., 2000. 396 p. (In Russ).

6. *Dejk T.A. van* Discourse and power: representation of dominance in language and communication. M.: LIBROKOM Publ., 2013. 344 p. (In Russ).

7. *Karasik V.I.* Language circle: personality, concepts, discourse. M.: GNOZIS Publ., 2004. 389 p. (In Russ).

8. *Lazareva EH.A.* The heading complex of the text as a means of organizing and optimizing perception. *Izvestia Ural federal university journal. Series 1, Issues in education, science and culture*, 2006, vol. 19, no. 40, pp. 158–166. (In Russ).

9. *Lazovskaya N. V.* Language game in advertising discourse: based on the material of Russian and English-language advertising: Ph. D. thesis: 10.02.19. Saratov, 2007. 23 p. (In Russ).

10. *Paducheva E.V.* Dynamic models in the semantics of lexics. M.: Languages of Slavic Cultures Publ., 2004. 608 p. (In Russ).

11. *Serebrennikova E.F.* Aspects of axiological linguistic analysis. *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings*. Collective monograph. M.: TEZAURUS Publ., 2011. 352 p. (In Russ).

12. *Slyshkin G.G.* Discourse and concept (on the linguistic and cultural approach to the study of discourse). Volgograd: Peremena Publ., 2000. P. 38–45.

13. *Stepanov YU.S.* Constants: Dictionary of Russian Culture. M.: Akademicheskij Proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ).

14. *Yachin S.E.* Criticism of axiological reason. M.: Infa-M Publ., 2022. 137 p. (In Russ).

15. *Merriam-Webster*. URL: https://www.merriam-webster.com/ (accessed: 14.02.2025).

16. *Urban Dictionary*. URL: https://www.urbandictionary.com/ (accessed: 14.02.2025).

Статья поступила в редакцию / Received 10.03.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 09.05.2025
Принята к публикации / Accepted 10.05.2025

Научная статья
УДК 81'272:004.738.5
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/120-127

К вопросу о жанровом своеобразии интернет-коммуникации: коммуникативный блок «пост – комментарий»

Татьяна Ивановна Петрова[1], Анна Дмитриевна Каширина[2]

[1, 2] Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
[1] Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного,
petrova.ti@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6772-7202
[2] Студентка, kashirina.ad@dvfu.ru

Аннотация. Широким разнообразием коммуникативных практик в сети Интернет обусловлено активное развитие сетевого жанроведения, в задачи которого входит описание виртуальных жанров, поиск критериев для их классификации. Данное исследование посвящено выявлению жанровых особенностей таких сетевых текстов, как пост и комментарий. Учитывая диалогичность поста, рассматриваем его в коммуникативном блоке с комментарием, представляющим собой различные типы реакций на пост. На основе иллокутивного параметра выделяем несколько вариаций постов и комментариев к ним. В качестве одного из жанрообразующих признаков рассматривается региональная специфика анализируемых текстов. Обращение к проблеме жанра, маркирующего региональное языковое сознание, соответствует принципам актуального сейчас интегрального жанроведения.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, сетевые жанры, пост, комментарий, вариативность жанра, региональное языковое сознание, интегральное жанроведение

Для цитирования: Петрова Т.И., Каширина А.Д. К вопросу о жанровом своеобразии интернет-коммуникации: коммуникативный блок «пост – комментарий» // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 120–127.

Original article

On the issue of the genre identity of Internet communication: communication block "post – comment"

Tatiana I. Petrova[1], Anna D. Kashirina[2]

[1,2] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
[1] Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, petrova.ti@dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6772-7202
[2] Student, kashirina.ad@dvfu.ru

Abstract. The wide variety of communication practices in the World Wide Web is due to the active development of online genre studies, whose tasks include describing virtual genres and searching

© Петрова Т.И., Каширина А.Д., 2025

for criteria for their classification. This study is devoted to identifying the genre features of online texts such as posts and comments. Taking into account the dialogic nature of the post, we consider it in a communicative block with a comment representing various types of reactions to the post. Based on the illocutionary parameter, we identify several variations of posts and comments to them. The regional specificity of the analyzed texts is considered as one of the genre-forming features. Addressing the problem of genre, which marks regional linguistic consciousness, corresponds to the principles of integral genre studies that are currently relevant.

Key words: internet communication, network genres, post, comment, genre variation, regional linguistic consciousness, integral genre studies

For citation: Petrova T.I., Kashirina A.D. On the issue of the genre identity of Internet communication: communication block "post – comment". *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 120–127. (In Russ.).

Отличительной чертой современности стало активное перемещение речевых практик в коммуникативное пространство сети Интернет, что привело к появлению новых исследовательских горизонтов в лингвистике, объединённых общей направленностью на изучение особенностей функционирования языка в виртуальном пространстве. Особую актуальность при этом получило сетевое жанроведение, в проблемное поле которого, по словам Е.И. Горошко, входит «определение, выявление и описание виртуальных жанров; составление модели описания и функционирования виртуальных жанров и их типологии; анализ эволюции виртуальных жанров; выявление сходств и различий между традиционными и виртуальными жанрами; связь жанров и особенностей их формирования с развитием и функционированием языка в коммуникативном пространстве Глобальной паутины» [2, с. 107]. Сложность решения названных проблем, по мнению исследователей, обусловлена динамичностью развития как интернет-технологий, так и непосредственно самих сетевых жанров, и, несмотря на активный интерес к изучению интернет-коммуникации, проблематика виртуального жанроведения остаётся недостаточно разработанной [2; 3]. Очевидной в этом случае оказывается необходимость накопления фактических данных посредством описания конкретных сетевых текстов.

Целью нашего исследования стало выявление жанровых особенностей таких популярных в настоящее время интернет-текстов, как пост и комментарий. Пост понимаем как полиадресованное сообщение, опубликованное в социальной сети и предполагающее определённую реакцию участников данного сообщества, воплощённую в комментарии к публикации. Учитывая выраженную диалогичность поста, рассматриваем его в коммуникативном блоке с комментарием, представляющем собой своеобразное проявление коллективного текста. Основные ***исследовательские задачи*** состоят прежде всего в определении ключевых жанрообразующих признаков элементов названного коммуникативного блока, рассмотрении вариантов постов и комментариев по иллокутивному признаку, выявлении региональной специфики анализируемых текстов.

Материалом для наблюдения послужили тексты постов и комментариев к ним в виртуальном сообществе Ульчского района Хабаровского края в социальной сети «ВКонтакте» (региональное сообщество «Палата № 6 Ульчский район» насчитывает около 4000 подписчиков, среди которых не только жители района, но и все, кто по тем или иным причинам инте-

ресуется местными новостями). Публиковать посты (и комментарии к ним) может любой желающий независимо от возраста, места жительства, интересов, образования и т.п. Этим обусловлена политематичность данного портала: содержание анализируемых нами постов и комментариев отражает новости региона в сфере культуры, отдыха, затрагивает различные социальные проблемы, а также включает обсуждение бытовых вопросов повседневной жизни района; показателен фактор личного знакомства, обусловленный продолжительным проживанием на общей территории.

При описании жанровых особенностей анализируемых нами текстов за основу взят иллокутивный параметр (как известно, выделен в качестве важнейшего в модели описания речевого жанра, предложенной Т.В. Шмелёвой [7]).

В соответствии с этим параметром выделяем четыре основных типа постов: пост-вопрос, пост-сообщение, пост-побуждение, пост-эмотив.

Пост-вопрос всегда ориентирован на получение ответа, поэтому он более других нуждается в ответной реакции; причём, по наблюдению исследователя А.В. Стародубцевой, степень корпоративности диктумного содержания такого поста определяет степень вероятности реакции-комментария [6, с. 64]. Зафиксированные нами факты подтверждают данное наблюдение: так, материалы постов *Кто завтра идет в берлогу?*; *Кто знает в богородске уже рыбачат на льду*; *Как дела в Де-Кастри с коронавирусов? Стоит ли ехать?*; *Я один не пойму? Цур Хабаровского края, пишет что фест 9-10 октября. Все говорят что 2 октября. Кто знает когда именно??*[1] и т.п. получили активное комментирование вследствие того, что соответствуют актуальной для данного сообщества тематике: затрагиваются насущные для Ульчского района проблемы, а упоминание местных неофициальных топонимов (*Берлога, Богородск*), использование общеизвестных в районе аббревиатур и сокращений (*фест, ЦУР*) подчёркивают корпоративность участников сетевого общения.

Пост-побуждение, как и вопрос, предполагает реакцию – вербальную (комментарий) или акциональную (совершение реального действия). Например: 1) *Так ребят, надеемся в Де-Кастри шапку деда Мороза вернули, а теперь Солонцы, будьте добры вернуть снеговика обратно в дк. дискотека стала 100₽ и явно снеговик к этому причастен. будьте людьми, верните пожалуйста*; 2) *Привет, Нижний Амур. Ищу товарища, растерялись как-то. Служили вместе. Информации мало. Андрей. Фамилии не помню. 1981 или 1982 года рождения. Служил в В/Ч 3519 в Хабаровске в 2000-2001 год. Невысокого роста. Малой его звали между собой. Пишите если что. Может кто, что знает. Понимаю, что исходной информации мало*. Подобные посты отражают некоторую ограниченность сетевого коммуникативного пространства, а также лежащую в его основе территориальную общность коммуникантов; именно в таких условиях возможна установка на получение результата.

Пост-сообщение размещается с целью рассказать о каком-либо событии, например: *23 числа в дк денс*. Чаще всего в нём нет выраженной установки на ответ, неслучайно и число реакций-комментариев значительно меньше. Однако сообщение может быть основанием для дальнейшего побуждения к каким-либо действиям. Например: *Уважаемые односельчане сегодня 08.05 в 2:18 по улице Кирова снова произошёл 3 эпизод поджёга, на этот раз камера зафиксировала данную личность, при владении любой информации которая могла бы посодей*

[1] Примеры даются с сохранением авторской орфографии, пунктуации и грамматики.

ствовать скорейшему опознанию неизвестного сообщать в личные сообщения или на номер…. Просьба распространить запись!!!

Пост-эмотив содержит эмоциональное выражение определённой интенции: например, эмотив-жалоба или эмотив-признание; причём посты негативного содержания, по нашим наблюдениям, получают больше реакций, чем посты, выражающие позитивные эмоции. Приведём примеры: 1) *Люди \\ Дайте уже наконец то уехать отсюда* 😹*\\ Таксишку не выловишь\\ Автобус не словишь\\ Метеора не половишь\\ А рыбы так тем более*; 2) *Злата Котова я тебя люблю* 😍😍😍; 3) *Шадрина, люблю тебя!!*; 4) *Солонцы, выступили прекрасно!!!больше всех мне понравились. люблю вас*. Показательно, что в постах такого типа чаще всего используются эмодзи, маркирующие те или иные эмоции.

Мы рассматриваем пост именно в коммуникативном блоке с комментарием, который, являясь реакцией на пост, акцентирует его диалогическую природу, содержит ряд признаков устной диалогической речи: стремление к экономии речевых усилий, краткость, эмоциональность. Характеризуя жанровые особенности сетевого комментария, В.И. Карасик отмечает, что это вторичный текст, представляющий собой «вербальную реакцию на некоторое положение дел или некоторый текст» [5, с. 80]. Основная цель комментария – выразить реакцию на содержание поста: согласие или несогласие с автором, положительную или отрицательную оценку высказывания, вопрос автору и т.д. Комментарий полилогичен, поскольку предполагает участие неограниченного числа пользователей; кроме того, он обладает гипертекстуальностью за счёт ссылок, используемых комментаторами. Исследователи, указывая статус интернет-комментария как ответного текста на предыдущее высказывание, подчёркивают, что его анализ «не представляется возможным без учёта текста комментируемого поста» [1, с. 67]. Вследствие вторичности комментария и его органической связи с текстом поста определяем данный элемент коммуникативного блока как жанр-спутник.

Языковая реализация комментария в социальной сети «ВКонтакте» не имеет чётких требований. Форма комментария свободная, не требующая подчёркнутой логичности. Платформой «ВКонтакте» установлено ограничение на максимальное количество символов, однако нет ограничения по минимальному количеству символов. В отличие от поста авторы комментариев не анонимны, пользователь может увидеть, кто является автором. При этом комментатор может скрываться за несуществующей фамилией и именем, использовать в качестве никнейма любое сочетание букв. Такие возможности порождают раскованность и свободу речевого поведения. При всём многообразии текстов комментариев можно выделить несколько их интенциональных типов: наиболее типичными, по нашим наблюдениям, являются вопрос, оценка, а также информативное высказывание.

Комментарий-вопрос выполняет функцию непосредственного стимула для продолжения коммуникации в виртуальном пространстве; это своеобразное звено между коммуникативным прошлым и коммуникативным будущим в сетевом общении.

Например: (пост) *Видели тигра возле чёрного Яра.* – (комментарий 1) ***А это где чёрный яра?*** – (комментарий 2) *Ангелина, где мост кенжевский* – (комментарий 3) ***Это точная информация!? Или просто кто-то ляпнул*** – (комментарий 4) *Анастасия, или просто кто-то ляпнул, ночью вчера на булаве был, но сегодня в 9 вечера на ягодном*.

Комментарий-оценка может быть направлен как на содержание поста (пост *Уважаемые односельчане сегодня 08.05 в 2:18 по улице Кирова снова произошёл 3 эпизод поджёга…*–

(комментарий 1) ***Жееесть...*** – (комментарий 2) ***Как таких земля носит?*** – (комментарий 3) 😳🤦– (комментарий 4) ***Ужас***), так и на содержание предыдущего комментария (пост *Так ребят, надеемся в Де-Кастри шапку деда Мороза вернули, а теперь Солонцы, будьте добры вернуть снеговика обратно в дк…* – (комментарий 1 (пользователь Полина)) *Я его нашла, село Богородское магазин 14* – (комментарий 2) ***Полина, вот гады, не стыдно ведь***). При этом используются в том числе особые средства выражения эмоциональности: например, комментарий может состоять только из эмотиконов.

Информативный комментарий отличается тем, что содержит актуальную для автора (и для комментаторов) информацию, причём его содержание может быть понятно без обращения к тексту поста. Например: пост *Уважаемые односельчане сегодня 08.05 в 2:18 по улице Кирова снова произошёл 3 эпизод поджёга…*– (комментарий 1) ***Владислав, его не найдёшь, во первых он скрылся скорее всего потому что он не местный, уехал он уже либо в Булаву, Де-Кастри, Селихино, Хабаровск, Комсомольск, либо в Солонцы на лодке либо ещё куда, во вторых его лицо не было видно, рост его не известен, и скорее всего он уже посмотрел эту запись на стене, но он уже далек***. Однако и такой комментарий возникает как реакция на содержание определённого поста, являясь тем же жанром-спутником.

Таким образом, пост и комментарий иллокутивно связаны между собой. Наиболее типичны следующие типы иллокутивной связи: 1) пост-вопрос – информативный комментарий; 2) пост-сообщение – комментарий-вопрос / комментарий-оценка / информативный комментарий; 3) пост-побуждение – информативный комментарий / комментарий-вопрос; 4) пост-эмотив – комментарий-вопрос / комментарий-оценка / информативный комментарий. По первым нашим наблюдениям, бо́льшим разнообразием иллокутивных типов комментариев обладают пост-сообщение и пост-эмотив.

Следует сказать, что анализируемый нами коммуникативный блок различается по структуре: может быть простым, двучленным – с одним комментарием (пост – комментарий), и усложнённым, многочленным – с несколькими комментариями (пост – комментарий 1 – комментарий 2 – комментарий 3…), при этом комментарии могут относиться непосредственно к посту или к предшествующим комментариям. Приведём примеры структурных типов коммуникативных блоков «пост – комментарий».

Простой:

(пост) *Ульчи☺как делища? Кто как лето проводит? Айда рассказываем свои завораживающие душу истории полные колких острот и незабываемых впечатлений* 😊🤭

(комментарий) *Петрович, совсем одичал на Итурупе?*

(автор поста) *Никита, неее* 😁 *наоборот* 😉

Усложнённый:

(пост) *Кто знает в богоросдске уже рыбачат на льду*

(комментарий 1) *Есть такой момент*

(комментарий 2) *Да, на амурчике, и даже на песках уже*

(комментарий 3) *Владислав, это на кенже?*

(комментарий 4) *Егор, да*

(комментарий 5) *Видел людей возле пирса*

В качестве одного из жанрообразующих признаков анализируемого нами коммуникативного блока рассматриваем региональную специфику текстов, которая обусловлена общ-

ностью территории проживания участников сетевого общения и является отражением регионального языкового сознания. Коммуникативный блок «пост – комментарий» представляет собой диалог автора публикации с читателями-комментаторами, основанный на общности их апперцепционной базы.

Данное виртуальное сообщество объединяет пользователей по признаку общности территории, поэтому в обсуждаемых вопросах, имеющих узкую территориальную направленность, так или иначе проявляется языковая картина мира жителей района, их региональная идентичность.

Вербализация регионального языкового сознания в сетевом общении осуществляется двумя основными средствами:

1) с использованием особых лексических единиц, актуальных для данной местности (прежде всего это топонимы);

2) позиционирование себя как части районного сообщества.

Для жителей определённой местности топонимы не только выполняют функцию геопространственных ориентиров, но и концентрируют в себе когнитивно-эмоциональную связь с территорией проживания. В частности, использование неофициальных топонимов объединяет участников виртуального сообщества по критерию «свой – чужой», где «свой» – любой житель Ульчского района, знакомый с объектами, названными неофициальными топонимами. Например, в постах анализируемого сообщества часто используются такие топонимические номинации, как: *Богородск* – неофициальное название села Богородское, *Кенжевский мост* – неофициальное название моста через реку Кривая Кенжа вблизи села Богородское, *Комсомольск* – неофициальное название города Комсомольска-на-Амуре, *Аннинские воды* – неофициальное название села Аннинские Минеральные Воды и т.д. Подобные номинации часто служат ориентирами в объяснении локации (*Ангелина, где мост кенжевский*), поскольку адресат речи, так же как и адресант, знаком с неофициальной системой топонимов Ульчского района. В постах и комментариях территориально ограниченного виртуального сообщества встречаются и уникальные письменные варианты номинаций, понятные исключительно местным пользователям. Так, декодировать обозначение локуса в постах *23 числа* ***в дк*** *денс* или *если бы был тигр* ***возле Бгр*** *то нас бы оповестили* сможет только пользователь, владеющий языком Ульчского района и знающий, что *дк* – это аббревиатурное обозначение посёлка Де-Кастри, а *Бгр* – сокращённое название села Богородское. Следует заметить, что в случае необходимости объяснения неофициального топонима может находить применение фактор личного знакомства. Приведём пример: (пост) *Кто завтра идет* ***в берлогу*** – (комментарий 1) *Че за берлога, я в танке* – (комментарий 2) *Влада,* ***бар Ксюши Комоловой***. Эквивалентность местных названий *Берлога* и *бар Ксюши Комоловой* отражает общность информативного поля коммуникантов, объединённых одной территорией проживания.

Таким образом, употребляя неофициальные топонимы, коммуниканты отделяют себя и обсуждаемую информацию по принципу «своё – чужое», где «своё» является общеизвестным и не нуждается в каком-то особом объяснении.

Маркерами региональности языкового сознания, безусловно, являются и слова-регионализмы. Без каких-либо объяснений, в частности, в тексты постов и комментариев включается региональная промысловая лексика, хорошо знакомая сетевым коммуникантам: *Раньше* ***кинул сетку*** *метров 30* ***полный борт рыбы***; *Возле пирса щука* ***на махалку клюёт*** *очень хорошо*; *Куплю кету свежемороженую* ***серебрянку*** *и* ***икру сырцом*** и т.п. Используемая лексика

отражает специфику популярных занятий местных жителей: рыбная ловля занимает важное место в жизни Ульчского района, соответственно, являясь важной составляющей регионального языкового сознания.

Проявлением языкового сознания считаем и позиционирование себя как части районного сообщества.

Одним из средств выражения идентификации себя как члена местного сообщества являются обращения, указывающие на территориальную принадлежность. Так, автор поста может использовать в качестве обращения официальный топоним в собирательном значении, объединяя потенциальных комментаторов по территориальному признаку: *А теперь* ***Солонцы, будьте добры вернуть*** *снеговика обратно в дк.* В обращении возможна и апелляция к этнической общности: ***Ульчи☺как делища?*** Заметим, что в регионе проживают не только ульчи, но и другие малые народы Дальнего Востока, однако из-за общности истории и территории жители так или иначе самоидентифицируют себя как ульчи, потому что живут в Ульчском районе. Отметим ещё один факт: ***Привет, Нижний Амур*** – таким обращением автор поста, который в настоящее время не живёт в этом регионе, определяет границы проживания людей, являющихся его виртуальным адресатом, выражая свою причастность к этим местам (официально Нижним Амуром называют более широкую территорию).

Ещё одно яркое воплощение региональное самосознание получает в использовании местоименных дейктиков, чаще притяжательных и личных. Показателен такой пример: *Не давно выложили пост* ***наши пацаны*** *с Ульчского района которые принимают участие в спец операции на Украине защищают таких же как мы людей.* ***Наши парни*** *попросили поддержки*. В комментариях повседневной сетевой коммуникации в качестве определения локальных границ сообщаемого используются противопоставления «мы – вы», «у нас – у вас». Например, диалог в комментариях жителей разных сёл района по поводу разных цен: (комментарий 1) *Ну* ***у нас*** *100 уже который год, не ноем* – (комментарий 2) *Константин, ну* ***у вас*** *поселение гораздо больше, соответственно и цена тоже больше.* Участники коммуникации в таком случае осознают свою принадлежность к определённой малой территории в составе большей, общей для всех жителей района.

Указанные маркеры регионального языкового сознания демонстрируют самоидентификацию местных жителей, служат приёмом определения собственных границ проживания, а также транслируют региональные ценности.

В данной статье представлены первые наблюдения, но уже эти результаты позволяют говорить о том, что исследуемый объект заслуживает внимания, поскольку его изучение соответствует принципам актуальной сейчас интегральности теории речевых жанров, к источникам которой, по словам В.В. Дементьева, «относится то, что она привлекает данные <…> практически всех гуманитарных наук, комплексный, многоаспектный характер которых проистекает из многоаспектности человека – психологической, социальной, культурной и т.д.» [4, с. 9]. Именно интегральный подход позволит уточнить характеристики представленного в статье жанрового образования, функционирующего в сфере сетевой коммуникации, прежде всего региональную и когнитивную обусловленность иллокутивных вариантов жанра.

Список литературы

1. *Викторова Е.Ю., Пантеева К.В.* Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // Жанры речи. 2023. № 1(37). С. 66–73. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73

2. *Горошко Е.И., Жигалина Е.И.* Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. Т. 2, № 12. С. 106–117. EDN: PYZMDP

3. *Горошко Е.И., Полякова Т.Л.* К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2(12). С. 119–127. EDN: VLFUMZ

4. *Дементьев В.В.* К проблеме интегрального описания речевых жанров // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1(41). С. 6–22. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22

5. *Карасик В.И.* Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1(41). С. 79–89. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89

6. *Стародубцева А.В.* Принципы реализации комментария, заданные характером исходного поста, в корпоративном субдискурсе соцсети: экспериментальное исследование // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сборник материалов VI(XX) Международной конференции молодых учёных. Выпуск 20. 2020. С. 64–65.

7. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж». 1997. Вып. 1. С. 6–22. EDN: VLXZCJ

References

1. *Viktorova E.Yu., Panteeva K.V.* An Internet comment as a speech genre: Axiological aspect. *Speech genres*, 2023, vol. 18, no. 1(37), pp. 66–73. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73

2. *Goroshko E.I., Zhigalina E.I.* Virtual genre study: fixed and disputable. *Journal of psycholinguistics*, 2010, vol. 2, no. 12, pp. 106–117. (In Russ.).

3. *Goroshko E.I., Polyakova T.L.* The construction of genre typology of the social media. *Speech genres*, 2015, no. 2(12), pp. 119–127. (In Russ.).

4. *Dement'ev V.V.* On the problem of integral description of speech genres. *Speech genres*, 2024, vol. 19, no. 1(41), pp. 6–22. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22

5. *Karasik V.I.* Reader's comment as a genre of the modern Russian blog sphere. *Speech genres*, 2024, vol. 19, no. 1(41), pp. 79–89. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89

6. *Starodubtseva A.V.* Principles of realization of comment determined by the character of the post in corporate subdiscourse of social network: experimental research. *Actual problems of linguistics and literary studies*, 2020, vol. 20, pp. 64–65. (In Russ.).

7. *Shmeleva T.V.* The speech genres model. *Speech genres*: a collection of scientific papers. Saratov: GosUNTs "Kolledzh". 1997, no. 1, pp. 6–22. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 02.03.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 14.05.2025
Принята к публикации / Accepted 17.05.2025

Научная статья
УДК 39(=571)
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/128-136

Образы дочери, сестры, невесты в нивхском фольклоре (по материалам текстов в литературной обработке В.М. Санги)

Мария Алексеевна Шитина[1], Елена Олеговна Кириллова[2]

[1]Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
[2]Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Владивосток, Российская Федерация
[1] Бакалавр, shitina.ma@dvfu.ru
[2] Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы;
старший научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций,
kirillova.eo@ dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4512-8951

Аннотация. Фольклор – неотъемлемая часть культурного наследия народа, отражающая его мировоззрение, традиции и ценности. Нивхи (устар. рус. – гиляки) – малочисленный коренной народ в России, живущий в низовьях реки Амура и на острове Сахалине. Нивхский фольклор, будучи богатым источником мифов, легенд и сказок, обладает своеобразными чертами. Женские образы нивхского фольклора, отражающие традиционные социальные роли и душевные качества женщин, имеют символические черты. Они связаны с традициями народа и вместе с тем оказывают влияние на современную культуру нивхов. В статье рассматриваются образы дочери, сестры, невесты в мифах, легендах, героическом эпосе нивхов на материале текстов т'ылгуров и настундов из сборника В.М. Санги «Легенды Ых-мифа».

Ключевые слова: образы дочери, сестры, невесты, женские образы, нивхский фольклор, этнография, В.М. Санги

Для цитирования: Шитина М.А., Кириллова Е.О. Образы дочери, сестры, невесты в нивхском фольклоре (по материалам текстов в литературной обработке В.М. Санги) // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 128–136.

© Шитина М.А., Кириллова Е.О., 2025

Original article

Images of daughters, sisters, brides in Nivkh folklore (based on materials of texts in literary rendition by V.M. Sangi)

Maria A. Shitina[1], Elena O. Kirillova[2]

[1]Far Eastern Federal Universiy, Vladivistok, Russian Federation
[2] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation;
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation
[1] Bachelor Student, shitina.ma@dvfu.ru
[2] Candidate of Philological Sciences, senior lecturer of the Department of Russian Language and Literature; senior research associate of the Center for Cultural History and Intercultural Communications, kirillova.eo@ dvfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4512-8951

Abstract. Folklore is an integral part of the cultural heritage of any nation, reflecting its worldview, traditions and values. The Nivkhs (Gilyaks) are a small indigenous people in Russia. They live in the lower reaches of the Amur River and on Sakhalin Island. Nivkh folklore, being a rich source of myths, legends and fairy tales, stands out among the cultural traditions of the peoples of the North and Far East of Russia and serves as an object of research. An important component of this folklore are female images, which embody not only traditional roles and qualities of women, but also deep symbolic meanings. The study of female images in Nivkh folklore contributes to a deeper understanding of gender roles and representations in traditional Nivkh society and also reveals the influence of these representations on contemporary Nivkh culture. In this connection, the present study aims to research and describe the images of daughters, sisters and brides in Nivkh myths, legends, and heroic epic, for which purpose the authors resort to analyzing female images in the texts of t'ylgur and nastunds from V.M. Sanghi's book «Legends of Yikh-Myth».

Key words: images of daughters, sisters, brides, female images, Nivkh folklore, ethnography, V.M. Sangi

For citation: Shitina M.A., Kirillova E.O. Images of daughters, sisters, brides in Nivkh folklore (based on materials of texts in literary rendition by V.M. Sangi). *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 128–136. (In Russ.).

Фольклор, как квинтэссенция коллективной памяти и культурного опыта народа, является бесценным источником для понимания его мировоззрения, ценностных ориентаций и социальной структуры. Для малочисленных народов, таких как нивхи, чья традиционная культура на протяжении XX века подвергалась значительным трансформациям, фольклорное наследие приобретает особую значимость, выступая не только хранилищем архаичных представлений, но и важным фактором сохранения этнической идентичности. Нивхский фольклор, богатый мифами, легендами и сказками, занимает особое место среди этнических культур народов Севера и Дальнего Востока России и привлекает исследователей на протяжении XX–XXI вв. [2, 7, 8].

В литературной обработке известного нивхского писателя и этнографа Владимира Михайловича Санги (1935, стойбище Набиль, Ногликский р-н, о. Сахалин) женские образы приобретают новую интерпретацию, сохраняя при этом свою культурную и этническую аутентичность. В своих произведениях писатель не только сохраняет уникальные черты и колорит нивхской культуры, но и адаптирует их для современного читателя, что делает его работы важным мостом между прошлым и настоящим. Работа Владимира Михайловича представляет собой значительный вклад в изучение фольклора нивхского народа, проживающего на Сахалине. Являясь представителем этого малочисленного народа, сохраняя в своём мировосприятии традиционную культуру, В.М. Санги обладает уникальной перспективой осмысления национальных этнических процессов, а также глубоким пониманием внутренней структуры и значения нивхского эпоса.

Цель настоящего исследования – проанализировать образы дочери, сестры, невесты в мифах, легендах, а также героическом эпосе нивхов. Достижению поставленной цели способствует ***решение следующих задач***: исследовать литературу, посвящённую осмыслению нивхского фольклора, изучить тексты т'ылгуров и настундов из сборника на предмет наличия и функционирования в них женских образов. Т'ылгур – это группа жанров, в которую входят мифологические рассказы, предания и шаманские легенды. Настунд – жанр героических поэм; повествование носит импровизированный характер и исполняется шаманами в особой мелодичной манере. В числе задач обозначим выделить тексты, содержащие женские образы, и охарактеризовать частотные типы, проанализировать женские архетипы и символику в нивхских мифах и легендах, представленных в сборнике, сделать выводы об устойчивости выделенных образов.

В данной статье мы обратимся к анализу образов дочери, сестры и невесты в нивхском фольклоре, представленном в литературной обработке В.М. Санги. Изучение репрезентации женских образов, в частности дочери, сестры, невесты, в фольклорных текстах, обработанных им, представляется важным для понимания специфики нивхской семейной модели, роли женщины в традиционном обществе, а также для выявления устойчивых культурных архетипов. Именно поэтому ***материалом для исследования*** был выбран сборник писателя «Легенды Ых-мифа» [5]. Эта книга включает в себя адаптированные для широкого читателя мифы, легенды и сказки, собранные самим автором. Сборник «Легенды Ых-мифа» обладает большой ценностью для исследователей, поскольку не только сохраняет для потомков оригинальные тексты и сюжеты, но и передаёт их через призму литературного таланта Владимира Михайловича, что позволяет глубже проникнуть в мир нивхской мифологии и лучше понять культурные коды и символы этого народа.

Легенды и мифы из сборника В.М. Санги записаны и обработаны на севере Сахалина и соответствуют восточно-сахалинскому диалекту нивхского языка. Об этом свидетельствует в том числе сделанный анализ лексики. Мы сопоставили его с амурским (материковым) диалектом, носителем которого является Ч.М. Таксами, советский и российский этнограф, учёный-северовед, нивховед, составитель первого русско-нивхского и нивхско-русского словаря [6]. Полученные нами результаты дополнительно свидетельствуют о том, что сборник «Легенды Ых-мифа» относится к ценному (аутентичному) материалу для изучения нивхского фольклора – в островном варианте.

Исследование женских образов в нивхском фольклоре на основе сборника В.М. Санги «Человек Ых-мифа» позволило углублённо рассмотреть культурные и социальные аспекты,

отражённые в устном народном творчестве нивхов. В процессе работы было выявлено, что женские образы в нивхском фольклоре представляют собой многообразие ролей и функций, которые они выполняли в традиционном нивхском обществе. Женские образы разнообразно представлены в фольклоре нивхов и обладают множеством схожих черт. Женщины в нивхском фольклоре характеризуются независимостью и силой, способностью самостоятельно преодолевать выпавшие на их долю испытания. В то же время они глубоко уважают и почитают традиции и своих близких. Образы нивхских женщин наделены необычайной красотой и мудростью, что отражает древние представления о них как о потусторонних существах.

В рамках данного исследования первостепенное внимание уделяется образам дочери, сестры, невесты, репрезентированным в нивхском фольклоре. Специфика рассматриваемого типа заключается в частой синкретичности образов дочери и сестры, поэтому анализировать их по отдельности не имеет смысла. Заслуживает обращения также и образ невесты.

Образы дочери, сестры, невесты в нивхском фольклоре сохраняют анонимность, их имена почти не упоминаются, однако это не умаляет их значимости. Дочери, сёстры, невесты могут выступать в функции как героя, так и волшебного помощника, что открывает широкие возможности для анализа.

В функции героя рассматриваемый тип дочери и сестры представлен в двух т'ылгурах и одном настунде: «Как красавица хотела уйти от людей», «Девушка и вехр», «О Буктакане». В двух указанных т'ылгурах разворачиваются бытовые сюжеты, где женские персонажи наравне с мужскими подвергаются испытаниям, демонстрируя при этом смекалку и самостоятельность. В т'ылгуре «Как красавица хотела уйти от людей» героиня, наделённая гордостью, проявляет автономию, отвергая брачные предложения и покидая социум, при этом воля дочери не встречает сопротивления со стороны родителей: *«А женихи стали наезжать один за другим. Говорили с отцом, с матерью. А красавица не желала никого видеть. Родители же так любили свою дочь, что не могли перечить ей <…> "— Отец-мать, мне надоели люди. Я никого не хочу видеть. Уйду я туда, куда ничья нога не знает дороги". Заплакали отец и мать, но и здесь не могли они перечить гордыне дочери»* [5, с. 70]. Акцентируется гордыня героини, что может интерпретироваться как порицание данной черты в контексте традиционных социальных норм. Преодоление испытания, связанного со злым милком (вредоносным злым духом), осуществляется благодаря смекалке героини. Таким образом, текст, фиксируя определённую самостоятельность женского выбора, вместе с тем транслирует архаические представления о женском поведении, где непокорность и гордыня не поощряются.

Образ младшей сестры в т'ылгуре «Девушка и вехр» также обнаруживает черты, характерные для рассматриваемого типа. Сёстры представлены как самостоятельные героини, ведущие вместе быт. Отсутствие в тексте упоминания родителей может указывать на проявление архаического мотива сиротства, типичного для инициационных сюжетов. Т'ылгур представляет особый интерес в аспекте репрезентации сестринских образов: младшая сестра выступает в роли героя, совершающего подвиг (убийство злых духов), старшая сестра – как волшебный помощник и наставник [3, с. 91]. Так, старшая сестра является во сне младшей, сообщая стратегию по борьбе с вехр: *«Пока он летал, наша девушка уснула и видит такой сон. Старшая сестра говорит ей: "— Сестра моя, не будь женой людоеда. Не плоди людоедов, их и так много на земле. Отбери у вехр шкуру людоеда, сожги её. И людоед без своей шкуры не сможет жить на земле и умрёт от разрыва сердца"»* [5, с. 75]. Примечательно, что героиня наделена

как позитивными (сила, смекалка), так и отрицательными качествами**.** Подобно предыдущему т'ылгуру, именно отрицательные черты (в данном случае – любопытство и непослушание) становятся движущей силой сюжета и определяют морально-дидактическую направленность повествования. Если героиня т'ылгура «Как красавица хотела уйти от людей» наделена гордыней, то младшая сестра в «Девушке и вехр» проявляет любопытство, игнорируя совет старшей, что провоцирует её столкновение с вехр.

Особое положение в рассматриваемой типологии занимает настунд «О Буктакане», отличающийся от т'ылгуров «Как красавица хотела уйти от людей» и «Девушка и вехр». В отличие от героинь, изначально наделённых автономией, дочь старейшины в «Буктакане» обретает самостоятельность постфактум, в результате трагических обстоятельств, а не в силу собственного желания. В экспозиции настунда подчёркивается ограничение свободы героини, подчинённой патриархальной воле отца: *«Девочка никогда не выходила из своего дома. Не пускал отец. Она видела только своих родителей и то лишь тогда, когда они входили к ней <…> Так она росла и стала взрослой»* [5, с. 145]. Настунд примечателен совмещением функций героя и помощника в рамках одного повествования (трансформация дочери в мать). Отметим также наличие архаического мотива чудесного зачатия [4, с. 70–73], обнаруживающего параллели в культурах различных народов. Героиня становится матерью в результате двукратных сновидений с чудесным мужчиной, предположительно, принадлежащим к категории «Хозяев» Ых-мифа. Сын героини, обладающий богатырской силой, демонстрирует мифологический мотив быстрого взросления и, достигнув зрелости, реализует себя в героических подвигах, что типологически соотносится с образами героев-полубогов, таких как Геракл в греческой мифологии [1, с. 137–173].

Наряду с функцией героя, тип дочери-сестры представлен в нивхском фольклоре и в роли волшебного помощника, что зафиксировано в четырёх текстах. Несмотря на сохранение выраженных личностных черт, в данной типологической разновидности прослеживается усиление патриархальной доминанты: героини демонстрируют почтение к отцу и беспрекословное подчинение его воле, что проявляется на бытовом уровне повествования. В т'ылгурах дочери, как правило, выполняют хозяйственно-бытовые функции, в частности обеспечивают героя пищей, занимая при этом небольшое положение в пространстве дома, чаще всего угол: *«Вошёл юноша в шалаш и увидел: посредине стоит низкий столик, заставленный всякой пищей, а в углу сидит девушка, которая окликнула его в лесу <…> А девушка улыбается доброй улыбкой и ничего не говорит»* [5, с. 101]. Данный фрагмент иллюстрирует чёткое гендерное разграничение ролей. В качестве рассматриваемого типа нередко выступают дочери божеств. Указанная роль реализуется в трёх текстах.

В продолжение анализа образа дочери в нивхском фольклоре обратимся к репрезентации дочери доброго духа, которая фигурирует в настунде «Человек Ых-мифа». В данном тексте прослеживается мотив оборотничества, реализующийся в появлении девушки перед героем в образе мухи. В рассматриваемом настунде данный мотив обусловлен пограничным характером образа, аналогично проанализированному ранее настунду «О Буктакане», где также фиксируется переход от статуса дочери к статусу жены. Акцентируется исключительная красота героини и её благородное происхождение, на что указывает деталь одежды – «*х'ухт с богатым орнаментом по краям полы»* [5, с. 174]. Особенностью данного образа является необычный контекст встречи персонажей: дочь доброго духа, принявшая облик мухи, должна

была сообщить мальчику о его происхождении, однако попадает в паутину и нуждается в помощи. Герой выступает спасителем, освобождая муху от опасности, что принципиально отличает данную ситуацию от предыдущего т'ылгура. В «Человеке Ых-мифа» героиня одаривает мальчика в благодарность за спасение: «*Женщина подошла к мальчику, расчесала ему волосы, заплела в одну косу, одела в одежду из кожи невиданной рыбы. "— Это тебе в благодарность, человек, ты спас мне жизнь, – сказала она. – Ты Ых-миф-нивнг, житель земли Ых-миф. Когда ты вырастешь, я жду от тебя подвигов, – сказала женщина, и мальчик вновь услышал жужжанье"»* [5, с. 158]. Важно отметить, что в данном настунде дочь доброго духа не выступает в роли постоянного помощника на протяжении всего повествования, а появляется в финале как невеста, после того как герой прошёл ряд испытаний: *«Эта женщина – добрый дух моря, Дочь хозяина моря – старца Тайхнада. Это она, обернувшись мухой, прилетала к тебе. Я породню людей Ых-мифа с добрым духом моря. И тогда жители Ых-мифа и их дети не будут знать голода: к их берегам пойдут неисчислимые косяки рыбы и стада нерп»* [5, с. 175].

Схожий мотив прослеживается в т'ылгуре «О юноше без родственников», где девушка также оказывает помощь герою посредством напутствий: *«В полночь девушка притронулась к его руке и сказала: "— Завтра утром, когда пойдёшь в тайгу, не спеши. Иди вслед за старшими охотниками. Пусть они удаляются, не бойся заблудиться – я прослежу, чтобы ты не сбился с пути. Иди не спеша и придёшь точно к месту охоты"»* [5, с. 108]. Примечательно, что помощь оказывается даже во сне, что подчёркивает потустороннюю природу героини: *«Однажды ночью он увидел сон: девушка, дочь Тайхнгада, говорит ему: "— Что же ты не ставишь ловушки? Твои тести отчаялись и скоро уйдут из тайги. Пора ставить"»* [15, с. 113]. Несмотря на общие черты, проявляющиеся в функции помощника, данные образы дочерей обладают нетипичными для данной роли характеристиками. В отличие от предыдущего примера, дочь Тайхнгада из «Юноши без родственников» не становится женой героя, а оказывает ему содействие в поиске невесты, выступая в роли советчика и наставника, не преследуя личного интереса.

В т'ылгуре «Ымхи и ахмалки» образ дочери Тайхнгада претерпевает трансформацию. В данном тексте она выступает не помощником, а носителем правосудия, наказывая жадного тестя. Героиня мстит за своего отца, подвергшегося несправедливому отношению. В акте возмездия девушка лишает охотника добычи: *«Она не смотрела в сторону охотников. Шла и звала, как щенков: "— Кыть-кыть-кыть". И со всех склонов и распадков, из кустов и из-под валежин, из расщелин и нор выскочили соболи, окружили девушку-красавицу, идут вместе с нею. А она все зовёт: "— Кыть, кыть, кыть". И вдруг все соболи, которых старший ахмалк хранил в амбарах, ожили и присоединились к большому стаду»* [5, с. 69]. Наряду с неземной красотой, дочь Тайхнгада наделена сверхъестественными способностями, что акцентирует её нечеловеческое происхождение: *«Ступит девушка – на одной сопке, ступит второй раз – уже на другой сопке. А вместе с нею перелетает от сопки к сопке стадо соболей»* [5, с. 69].

В исследуемом материале выделяется тип «невеста», часто пересекающийся с типом «дочь–сестра». Этот образ, представленный в четырёх текстах, характеризуется необычайной красотой героинь, выступающих своеобразным «даром» для юношей, прошедших испытания. Свобода выбора невест ограничена, подобно образу «дочери»; однако они способны влиять на решение отца, например, разделив трапезу с героем (согласно нивхскому обычаю, совместная

трапеза подразумевает согласие на брак). Архаичные представления о женщине как о существе потустороннем проявляются в частотном мотиве оборотничества, отсутствующем лишь в одном тексте. Рассмотрим два т'ылгура, иллюстрирующих эти особенности.

В т'ылгуре «Человек и тигр» невеста – сестра спасённого героем человека-тигра из рода Пал-нивгун, обладающего способностью к оборотничеству (превращению в животных во время охоты, битвы и сна). Сюжет, возможно, заимствован у других тунгусо-маньчжурских народов или материковых нивхов. Текст описывает взаимную трансформацию человека и тигра: продолжительное проживание среди Пал-нивгун и принятие их пищи приводит к превращению в тигра, а для обратного превращения героини в человека необходим ритуал: *«Старик хозяин сказал охотнику: "— Не доходя до своего стойбища, сруби балаган и оставь мою дочь в нём. Попроси древних стариков и старух, чтобы они пришли к ней. Пусть её кормят едой людей. Шесть дней пробудет она в балагане. Шесть дней будет есть пищу людей. Тогда моя дочь навсегда станет человеком"»* [5, с. 97]. Несмотря на оборотническую природу, невеста отличается красотой и покорностью, подчиняясь воле отца и брата. После ритуала она становится женой охотника.

В т'ылгуре «Ловец форелей» образ невесты демонстрирует отклонение от ранее рассмотренных типов, обнаруживая сходство с образом жены. Знакомство героя с героиней происходит в контексте, нарушающем традиционные представления о женском поведении: *«И увидел необычное: в реке купаются две женщины. Плавают они, резвятся. И человек подумал: "— Что за женщины? Нивхские женщины не умеют плавать. Кто же они?"»* [15, с. 139]. Божественное происхождение сестёр, дочерей «Хозяина неба» – Клы-ызнга, подчёркивает их исключительный статус. Для брака со старшей сестрой ловец форелей проходит три испытания, превосходящие по сложности даже те, что выпадают на долю «самых богатых небесных людей».

В легенде наглядно представлена некая свобода воли девушки. Сначала героиня отговаривает мужчину от сватовства, боясь испытаний, которые приготовил для него отец, но после того, как герой всё же решается отправиться на небо и попытать удачу, она сама встречает героя в небесном царстве и делит с ним приготовленную еду. Героиня не лишена сочувствия, перед каждым испытанием, которое выпадает на долю человека, она плачет и переживает, жалеет своего жениха. Сочувствие и переживания героини, выраженные в плаче, сближают её образ с типом «жена», для которого характерен подобный мотив скорби по ушедшим на испытания мужчинам. Испытание проходит вместе с мужчиной и невеста. Так, она отказывается не только от родителей, чтобы быть рядом с возлюбленным, но каждый раз, когда провожает его, она отказывается от еды и воды, находясь в состоянии между жизнью и смертью: *«— Я ничего не буду есть. Я отказываюсь от отца-матери. Лучше умереть, чем жить без ловца форелей. Я не знаю, люблю его или жалею. Но только о нём думаю день и ночь»* [15, с. 141]. Но как только ловец форелей возвращается с последнего испытания, невеста снова возвращается к жизни. Данный т'ылгур впервые демонстрирует явное противостояние героини воле родителей, что выходит за рамки традиционной нивхской картины мира.

Таким образом, героини данных типов имеют как схожие, так и отличительные черты. Они могут выступать в роли главных героев или второстепенных персонажей. Женщины типа «дочь–сестра» хранят и чтят традиции предков, выполняют функции, соответствующие их положению в семье, исполняют волю родителей. Наравне с этим могут проявлять самостоятель-

ность, они наделены силой, смекалкой и умом. В мифах и легендах часто выступают в роли помощников героя. Подчёркивается их красота и статусность. Можно сделать вывод о ярком развитии именно этого женского образа. Героини типа «невеста» также разнообразно представлены в фольклоре нивхов. Героини наделены красотой, силой и необычным происхождением. Но если одни девушки покорно исполняют волю своих родителей, то другие готовы пойти наперекор и показать свою независимость.

Женские образы являются неотъемлемой частью нивхской мифологии, отражая их социальные ценности, идеалы красоты и мудрости, а также их духовные представления. Мотивы, общие для различных культур, свидетельствуют о глубокой связи нивхского фольклора с более широкими мифологическими и культурными традициями. Это подчёркивает универсальность и многогранность образов женщин, которые сохраняют свою значимость и актуальность на протяжении веков.

Кроме того, важно отметить, что женские образы у нивхов выполняют значимую воспитательную функцию. Они служат примером для подрастающего поколения, воплощая в себе идеалы и нормы поведения, которые ценятся в нивхском обществе. Через рассказы и легенды передаются важные уроки морали, стойкости и взаимопомощи. Женщины в этих рассказах часто проявляют необычайную силу духа и мудрость, показывая, что настоящая красота заключается не только во внешнем облике, но и во внутренней силе и способности к самоотверженности.

В заключение отметим: анализ произведений В.М. Санги показал стремление автора сохранить аутентичность и уникальность нивхского фольклора, при этом адаптируя его для современного читателя. Это способствует популяризации и сохранению нивхской культуры в условиях глобализации и угрозы исчезновения малых народов. Образы дочерей, сестёр, невест в произведениях талантливого писателя служат мостом между традициями прошлого и современностью, способствуя пониманию особенностей и ценности богатого культурного наследия нивхов.

Список литературы

1. *Кун Н.А.* Легенды и мифы древней Греции. М.: Просвещение, 1975. 463 с.

2. *Подмаскин В.В.* Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // Вестник ДВО РАН. 2004. № 1. С. 94–105.

3. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. С. 88–92. (Вопр. поэтики; Вып. XII).

4. *Пропп В.Я.* Сказка. Эпос. Песня. М.: Лабиринт, 2001. 367 с.

5. *Санги В.М.* Легенды Ых-мифа. М.: Советская Россия, 1967. 222 с.

6. *Таксами Ч.М.* Словарь нивхско-русский и русско-нивхский: около 4000 слов: пособие для учащихся начальной школы. СПб.: Просвещение, 1996. 205 с.

7. *Фетисова Л.Е.* Повествовательный фольклор коренных народов Амуро-Сахалинского региона: своеобразие и взаимодействие традиций. Владивосток: Дальнаука, 2018. 202 с.

8. *Фетисова Л.Е.* Ценностные ориентиры в традиционной культуре нивхов (по материалам устного народного творчества) // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16

References

1. *Kuhn N.A.* Legends and myths of ancient Greece. M.: Prosveshchenie Publ., 1975. 463 p. (In Russ.).

2. *Podmaskin V.V.* Cosmography of the Tunguso-Manchzhurians and Nivkhs. *Vestnik of Far East Branch of the Russian Academy of Science*, 2004, no. 1, pp. 94–105. (In Russ.).

3. *Propp V.Ya.* Morphology of the fairy tale. *Voprosy Portiki*. Vol. XII. L.: Academia Publ., 1928. P. 88–92. (In Russ.).

4. *Propp V.Ya.* Fairy tale. Epic. Song. M.: Labyrinth Publ., 2001. 367 p. (In Russ.).

5. *Sangi V.M.* Legends of the Yh-myth. Moscow: Soviet Russia Publ., 1967. 222 p. (In Russ.).

6. *Taksami Ch.M.* Dictionary of Nivkh-Russian and Russian-Nivkh: about 4000 words: a manual for elementary school students. SPb.: Prosveshchenie Publ., 1996. 205 p. (In Russ.).

7. *Fetisova L.E.* Narrative folklore of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region: originality and interaction of traditions. Vladivostok: Dalnauka Publ, 2018. 202 p. (In Russ.).

8. *Fetisova L.E.* Value Orientations in the traditional culture of the Nivkhs (based on the folklore materials). *Oriental Institute Journal*, 2021, no. 3, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16

Статья поступила в редакцию / Received 25.02.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 14.05.2025
Принята к публикации / Accepted 17.05.2025

Научная статья
УДК 82.09 + 800.61
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/137-141

Особенности функционирования диалектизмов в романе Б.П. Екимова «Родительский дом»

Ульяна Александровна Плахотник [1]

Научный руководитель: **Ольга Анатольевна Швецова** [2]
[1,2] Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Российская Федерация
[1] Студент, ulyanaplakhotnik@yandex.ru
[2] Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
see76@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2167-447X

Аннотация. Диалектизмы – языковые единицы, служащие средством общения для группы людей, проживающей на определённой территории. Язык диалектов отличается от литературного фонетическими и словообразовательными чертами, но, как язык разговорный, является системной разновидностью литературного языка. Проблема изучения диалектизмов русского языка не теряет актуальности, что связано как с обширностью территории России, так и многообразием проживающих на ней языковых сообществ. Многие учёные-лингвисты пытаются выявить условия и причины появления диалектизмов, исследовать их лексический, грамматический и фонемный состав, в том числе обращаясь к художественным текстам. Одним из известных современных писателей, использующих разговорный язык в своём творчестве, является волгоградский прозаик Б.П. Екимов. Для выявления и классификации диалектизмов нами был выбран роман «Родительский дом», имеющий, как и все произведения писателя, черты «деревенской прозы». Диалектная лексика в романе демонстрирует связь с прошлым, традициями, природой и бытом жителей хутора Караичево, а также многогранность и богатство русского языка.

Ключевые слова: диалектизмы, Б.П. Екимов, «Родительский дом», особенности функционирования диалектизмов, «деревенская проза»

Для цитирования: Плахотник У.А. Особенности функционирования диалектизмов в романе Б.П. Екимова «Родительский дом» / науч. рук. О.А. Швецова // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 137–141.

© Плахотник У.А., 2025

Original article

Features of dialectisms' functioning in B.P. Ekimov's novel "Parents' House"

Ulyana A. Plakhotnik [1]

Scientific advisor: **Olga A. Shvetsova**[2]

[1,2] Voronezh State University,
Voronezh, Russian Federation

[1] Student, ulyanaplakhotnik@yandex.ru

[2] Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Russian Language, see76@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2167-447X

Abstract. Dialectisms are language units that serve as a means of communication for a group of people living in a certain territory. Dialect language differs from the literary language by its phonetic and word-forming features, but, as a colloquial language, it is a systematic variety of the Russian literary language. The problem of studying Russian dialectisms remains relevant due to both the vast territory of Russia and the diversity of linguistic communities living there. Many linguists are trying to identify the conditions and causes of the emergence of dialectisms, investigating their lexical, grammatical, and phonemic composition, including by referring to literary texts. One of the well-known contemporary writers who uses colloquial language in his work is Volgograd prose writer B.P. Ekimov. To identify and classify dialectisms we have chosen the novel "Parents house", which, like all the works of the writer, has the features of "village prose". The dialect vocabulary in the novel demonstrates the connection with the past, traditions, nature and life of the farmstead Karaichevo inhabitants, as well as the versatility and richness of the Russian language.

Key words: dialectisms, B.P. Ekimov, "Parents' House", peculiarities of dialectisms' functioning, "village prose"

For citation: Plakhotnik U.A. Features of dialectisms' functioning in B.P. Ekimov's novel "Parents' House" / sci. adv. O.A. Shvetsova. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 137–141. (In Russ.).

Творчество русских писателей богато языковым разнообразием, и каждый из них, пытаясь внести свой вклад в развитие литературы, приумножал возможности нашего многогранного языка. Авторы в своих текстах использовали не только книжную речь, но и разговорную, тем самым ещё больше приближая читателя к народу и его культуре. Поэтому мы заинтересованы в изучении разговорной лексики писателей, а именно диалектной. Для рассмотрения творческого потенциала и языкового многообразия в художественном произведении нами был выбран волгоградский писатель Б.П. Екимов и его роман «Родительский дом». **Цель настоящего исследования** – изучить употребление диалектизмов в речи автора и определить их функционирование в художественном произведении. Достижению поставленной цели способствует **решение ряда задач:** изучить литературу по теме исследования, выявить диалектизмы в романе «Родительский дом», классифицировать их по группам, определить художественную функцию диалектных слов в использованном тексте.

Б.П. Екимов – отечественный прозаик, внёсший большой вклад в развитие современной художественной литературы. За свою многолетнюю писательскую деятельность он создал более двухсот произведений. Его тексты печатаются в самых известных литературных изданиях, например: «Наш современник», «Новый мир», «Россия», «Знамя», «Нива Царицынская». Творчество современного волгоградского писателя Б.П. Екимова традиционно относят к руслу течения «деревенской прозы». В его произведениях «всё отчетливее слышен голос угасающей надежды о возможности утверждения патриархального пути развития России» [4, с. 594–597]. Одним из известных произведений Б.П. Екимова является роман «Родительский дом». Это книга о любви, непростых семейных отношениях на фоне общественного перелома, о красоте донского края. В отличие от старших «деревенщиков», «художественные интонации Б. Екимова отличает сдержанность» [2, с. 78] в разрешении типичных для «деревенской прозы» конфликтов: противостоянии мира деревни и города, которое влечёт за собой противоборство духовности и бездуховности, добра и зла, традиций и новшества.

В центре повествования – жизнь обычной семьи Провоторовых на фоне последних лет советского периода в истории России, которая вынуждена пройти через много испытаний, чтобы сохранить то, что ей дорого. Герои Б.П. Екимова происходят из крестьянского сословия, где традиционным является патриархальный уклад жизни. В тексте показаны трудолюбие и самоотверженность деревенских жителей хутора Караичево, готовых отстаивать свои интересы, приходить друг другу на выручку, идти на уступки, чтобы сохранить семейные и духовные ценности. Язык писателя выразительный и живой, способный передать не столько жизнь людей на хуторе, сколько их эмоции, боль, чувства. Чтобы познакомить читателя с героями, прозаик использует в их речи местный диалект. Диалектизмы помогают в описании крестьянского уклада жизни, передают характер персонажей, сближают с природой. Они играют одну из ключевых ролей в романе «Родительский дом».

Основой для классификации диалектной лексики послужил «Словарь донских говоров Волгоградской области» [3, с. 57–550], с помощью которого нами были выделены четыре группы диалектизмов:

– собственно лексические, например: *булгачить*, *репанец*, *баламука*, *найда*, *жданки*, *брухаться*, *глузды*, *брехать*;

– лексико-словообразовательные, например: *славночко*, *обженить*, *взаправди*, *додумиться*, *крадче;*

– фонематические, например: *лытки*, *жгёт;*

– семантические, например: *пожалиться*, *кричать*, *располагать*.

Собственно лексические диалектизмы (наиболее частотная группа) обозначают прежде всего ландшафтные, погодные, а также земледельческие, скотоводческие реалии, связанные с сельским бытом:

БУЛГАЧИТЬ [булгёчить], -чу, -чишь, несов. Будить, поднимать на ноги; беспокоить, тревожить, будоражить. Булгачить, поднимать людей (Нех). – *Я уж пацана с собой вожу, чтоб не булгачил ее* [1, с. 14];

РЕПАНЕЦ [репаниц], -нца, -ы, м. Презрит. или ирон. Необразованный человек. – ... *Не нам, репанцам, в такие дела стремиться* [1, с. 71];

ГЛУЗД(Ы) – забить/забивать глузды. Путать/сбивать с толку. – *Так бы и гутарил, а то забивает глузды* [1, с. 108].

Лексико-словообразовательные диалектизмы используют в произведении обычно герои старшего поколения. Например, мать Мити Провоторова Таиса:

СЛАВНОЧКО [славначка], нрч. в знач. сказ. Хорошо, приятно, славно. – *Вот это по-умному – обрадовалась мать. – Вот это правильные слова говоришь, сынок. Как бы это славночко было* [1, с. 26];

ОБЖЕНИТЬ [абжынйть], - ню, -нишь, сов. Соединить браком мужчину и женщину; женить, поженить. – *Всех бы обженить доразу* [1, с. 26].

Фонематические диалектизмы также характеризуют речь жителей хутора Караичево Ростовской области, например деда Митрия:

ЛЫТКИ -ок, мн. Голени, икры ног. – *Так лытками и жгет* [1, с. 112];

ЖГЕТ, жгу, жжёшь, жгут; жёг, жгла; жги; жёгший; жжённый (-ён, -ена); жёгши; несов. Виляет. – *Сам бы за ней похромал. Так лытками и жгет* [1, с. 112].

Семантические диалектизмы представлены у прозаика в наименьшей степени. Они выполняют вспомогательную, «поддерживающую» функцию по отношению к диалектизмам других типов: помогают сохранять выразительность и экспрессивность речи, передают местный колорит, поскольку имеют один и тот же морфемный состав со словами литературного языка, но отличаются от них значениями. Они встречаются в речи Таисы.

ПОЖАЛИТЬСЯ, [пажалицца], -люсь, -лишься, сов. Высказать жалобы, пожаловаться на кого-, что-л.; посетовать. – *... Я, может, и выше пойду. По-женски – где покричу, где пожалюся…* [1, с. 191];

КРИЧАТЬ [кричать], -чу, -чишь, несов**.** Проливать слезы от горя, боли и т.п., плакать. – *... Я, может, и выше пойду. По-женски – где покричу, где пожалюся…* [1, с. 191].

Таким образом, в творчестве Б.П. Екимова чаще всего встречаются собственно лексические диалектизмы, которые создают определённый местный колорит, характеризуют особености казачьей жизни на хуторе Караичево, быт и традиции, погодные и природные условия придонской земли. Диалектизмы других типов дополняют эти представления и придают экспрессивность речи. Стиль автора отличается выразительностью и простотой, что позволяет читателю погрузиться в удивительно добрые, трогательно нежные и пронизанные светлой грустью строки романа, повествующие об обычных людях и общественных конфликтах, о России, которая когда-то была и которая утеряна навсегда.

Список литературы

1. *Екимов Б.П.* Родительский дом. М.: Современник, 1988. С. 14–191.

2. *Ковтун Н.В.* Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI веков // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 77–87. EDN: QBFPYN

3. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. *Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.

4. *Тагильцев А.В., Вагапова А.М.* Борис Екимов: новации и традиции в «деревенской» прозе // Молодой ученый. 2022. № 22(417). С. 594–597. EDN: HYDNXA

References

1. *Ekimov B.P.* Parents House. Moscow: Sovremennik, 1988. P. 14–191. (In Russ.).

2. *Kovtun N.V.* The patriarchal myth in the traditionalistic prose at the turn of the 21st centuries. *Siberian philological journal*, 2013, no. 1, pp. 77–87. (In Russ.).

3. Dictionary of Don Dialects of the Volgograd Region. Comp. by *R.I. Kudrjashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun. Ed. by R.I. Kudrjashova*. 2-nd ed. Volgograd: Izdatel', 2011. (In Russ.).

4. *Tagiltsev A.V., Vagapova A.M.* Boris Ekimov: innovations and traditions in the 'village' prose. *Young Scientist*, 2022, no. 22(417), pp. 594–597. URL: https://moluch.ru/archive/417/92332/ (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 25.02.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 12.05.2025
Принята к публикации / Accepted 12.05.2025

Научная статья
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/142-151

Метаязыковой комментарий *в буквальном смысле слова*: семантика и функционирование

Валерия Геннадьевна Залуцкая[1]

Научный руководитель: **Ирина Николаевна Токарчук**[2]

[1,2] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

[1] Бакалавр, zalutckaya.vg@dvfu.ru

[2] Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, https://orcid.org/0000-0003-3324-3968, tokarchuk.in@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются структурные, синтагматические, семантические, прагматические особенности метаязыкового комментария *в буквальном смысле слова*. Обосновывается избирательность в употреблении структурных вариантов данного метапоказателя, а также востребованность постпозитивного его расположения по отношению к маркируемому компоненту высказывания. Установлено четыре типа употребления метакомментария *в буквальном смысле слова* в зависимости от производимой операции над смыслом выделяемого компонента и характера семантики последнего.

Ключевые слова: метаязык, метатекст, метатекстовый показатель, структурный вариант, препозиция, постпозиция, тип употребления

Для цитирования: Залуцкая В.Г. Метаязыковой комментарий в буквальном смысле слова: семантика и функционирование / науч. рук. И.Н. Токарчук // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 142–151.

Original article

A metalinguistic commentary *V Bukvalnom Smysle Slova*: semantics and functioning

Valeria G. Zalutskaya [1]

Scientific advisor: **Irina N. Tokarchuk**[2]

[1,2] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

[1] Bachelor, zalutckaya.vg@dvfu.ru

[2] Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature, https://orcid.org/0000-0003-3324-3968, tokarchuk.in@dvfu.ru

Abstract. The article examines the structural, syntagmatic, semantic, and pragmatic features of the metalingustic commentary of *v bukvalnom smysle slova* (*in the literal sense of the word*). The

© Залуцкая В.Г., 2025

selectivity in the use of structural variants of this meta-indicator is substantiated, as well as the relevance of its postpositive location in relation to the marked component of the utterance. There are four types of metacommentary usage, depending on the operation performed on the meaning of the selected component and the nature of the semantics of the latter.

Key words: metalanguage, metatext, metatext indicator, structural variant, preposition, postposition, type of usage

For citation: Zalutskaya V.G. A metalinguistic commentary *V Bukvalnom Smysle Slova*: semantics and functioning / sci. adv. I.N. Tokarchuk. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 142–151. (In Russ.).

Изучение системы языковых средств, функционирующих на уровне метаязыка и метатекста, является важным направлением современной лингвистики. В лингвистической литературе определены основные функции таких средств, проведена их классификация, многие языковые единицы такого рода получили лексикографическую интерпретацию. Однако подробное описание оборота *в буквальном смысле слова*, его семантических проявлений в условиях сочетаемости с компонентами, имеющими разные синтаксические и семантические характеристики, в настоящее время в русистике отсутствует. Между тем данный метапоказатель востребован в устной и письменной речи носителей русского языка и характеризуется разнообразием и неоднозначностью семантических операций над смыслом выделяемого компонента в различных контекстах. В современном мире, где коммуникация играет ключевую роль, понимание тонкостей языковых выражений имеет важное значение для успешного общения, предотвращения недопонимания и коммуникативных неудач. **Цель настоящей работы** состоит в выявлении и описании семантических и функциональных свойств метапоказателя *в буквальном смысле слова* в современном русском языке с учётом его структурных вариантов, позиции по отношению к выделяемому компоненту и семантических особенностей последнего.

Понятие метатекста было введено в лингвистический обиход А. Вежбицкой, которая придаёт значимость следующим аспектам данного явления:

1. Метатекст как рефлексия: метатекстовые элементы позволяют авторам и читателям рефлексировать над содержанием и структурой текста. Это включает в себя различные формы самоцитирования, комментарии к собственному тексту, а также ссылки на другие произведения и контексты.

2. Функции метатекста: метатекст может выполнять множество функций, включая пояснение, интерпретацию, оценку и критику. Он помогает читателям лучше понять замысел автора, интерпретировать текст и увидеть его в более широком контексте.

3. Взаимодействие текстов: важность взаимодействия между текстами через метатекстовые элементы, что позволяет создавать межтекстовые связи и обогащает литературное произведение дополнительными оттенками значений [1, с. 219].

Данный вопрос весьма активно разрабатывается в русистике. Так, И.Т. Вепрева предлагает рассматривать этот термин в узком и широком понимании [2, с. 75]. По мнению автора, А. Вежбицкая предлагает широкое понимание «метатекста», для которого «характерно ситуативно-прагматическое содержание», в то время как в узком смысле «метатекст» выступает как текст, который содержит элементы рефлексии на самого себя [2, с. 76–77]. И.Т. Вепрева под-

чёркивает, что в этом случае метатекстовые элементы служат для объяснения, комментирования или интерпретации собственного содержания, структуры и замысла автора [2, 80–81].

Своё определение данному понятию даёт Н.П. Перфильева: «компонент текста, выраженный средствами языка и вторичных коммуникативных систем»; метатекст включает как самоотсылочные элементы, так и интертекстуальные связи, которые помогают создать более глубокий и многослойный смысл произведения [4, с. 2].

Таким образом, исследователи приходят к выводу о различении понятий собственно метатекста и метаязыка.

Вслед за Н.С. Милянчук под метаязыком мы понимаем совокупность языковых единиц, выражающих оценку (с той или иной точки зрения) выбранных говорящим средств выражения, а под метатекстом – совокупность средств словесной экспликации процесса «строительства» текста, главное назначение которых – «прояснять “семантический узор” основного текста, соединять различные его элементы, усиливать, скреплять» [3, с. 52].

Обратимся к имеющимся в русистике квалификациям единиц с метаязыковой функцией. Такие единицы Н.П. Перфильева называет метапоказателями [4, с. 40], Т.Б. Радбиль – метаязыковыми комментариями [5, с. 411], И.Т. Вепрева вводит термин «рефлексив» [4, с. 76], Р.И. Розина – вводный метаязыковой оборот [8, с. 426], а Е.К. Столетова – метаязыковая единица [10, с. 272]. Согласно позиции Н.П. Перфильевой, метапоказатели – это «средства выражения метатекста», выражающие речевую рефлексию говорящего, то есть наблюдение адресанта над собственным речевым поведением [4, с. 40]. Т.Б. Радбиль даёт следующее определение метаязыковому комментарию: «объективный индикатор языковой рефлексии носителя языка, показатель её приоритетов и скрытых тенденций»; посредством языкового комментария говорящий управляет своим дискурсом, организует его структуру для оптимального восприятия адресатом и т.д. [5, с. 412]. По определению И.Т. Вепревой, рефлексив – «это метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы; относительно законченное метаязыковое высказывание, содержащее комментарий к употребляемому слову или выражению» [2, с. 76]. Высказывания-рефлексивы погружены в определённый общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей. Данный термин подчёркивает главную, родовую черту метаязыковых образований – наличие языковой рефлексии, направленность языкового сознания на познание самого себя. Р.И. Розина утверждает, что вводные метаязыковые обороты обладают способностью выражать определённое отношение к стилю, манере речи, к характеру и способу изложения [8, с. 426].

В исследованиях Н.П. Перфильевой [4, с. 50], И.Т. Вепревой [2, с. 172], В.В. Сидоровой [9, с. 40, 42–43] зафиксировано основное употребление оборота *в буквальном смысле слова* с целью показать, что слово употребляется в прямом значении, а не в переносном; говорящий подаёт адресату сигнал об этом, когда происходит нейтрализация значений (прямого и переносного) в контексте. Это может быть полезно, если есть опасность коммуникативной неудачи или если мы хотим выделить слово как объект анализа рефлексии говорящего. Сюй Сюцзюань и И.Н. Токарчук отмечают, что такое употребление обусловлено непосредственной семантикой данного метапоказателя, а именно – значением слова *буквальный* (‘полностью соответствующий чему-л.’, ‘дословный’, ‘точный’, ‘прямой’) [12, с. 73].

Между тем в работах Т.Б. Радбиля отмечается, что данный оборот может употребляться при словах, вообще не имеющих переносного значения: «показательны случаи, когда экспли-

цируется вполне понятная установка на уточнение значения слов, которая реально ничего не уточняет, а всё окончательно только запутывает»; либо может иметь место апелляция не к «буквальному», а к какому-то иному прочтению; либо адресат не может интерпретировать смысл высказывания иначе, чем предполагал говорящий, который стремится предотвратить такую альтернативную интерпретацию, используя выражение *в буквальном смысле слова* [7, с. 145–149].

Наблюдения над функционированием метакомментариев показывают, что они могут иметь различные варианты, обусловленные несколькими причинами. Во-первых, это их функциональное разнообразие: метаязыковые показатели служат разным целям в общении, поэтому их формы и варианты могут отличаться в зависимости от этих целей. Во-вторых, это контекстно-стилистическая зависимость: разные ситуации и жанры коммуникации могут требовать различных форм комментариев. Так, по нашим наблюдениям, *в буквальном смысле слова* в основном характерен для разговорного и публицистического стилей речи. Он используется для уточнения и подчёркивания прямого значения слов, чтобы избежать неправильной интерпретации или недоразумений. В-третьих, значение имеют прагматические цели, например, интенсификация и выразительность: разные варианты могут использоваться для усиления эмоциональной или логической нагрузки высказывания.

На основе анализа материала из основного корпуса НКРЯ, содержащего 1354 вхождения для рассматриваемого метапоказателя, было установлено, что он имеет три структурных варианта.

Вариант *в буквальном смысле* является самым распространённым и насчитывает 828 вхождений, что связано, вероятно, с его краткостью и удобством как в устной, так и письменной речи. *В буквальном смысле слова* – второй по частотности вариант (389 вхождений), а *в буквальном смысле этого слова* – наименее распространённый вариант (137 вхождений), который применяется в случаях, когда необходимо более точно указать на конкретное слово, чьё зачастую буквальное значение подчёркивается. Например: *В результате в Новосибирск полетело **(в буквальном смысле)** очередное письмо* (И. Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // Ковчег, 2013 // НКРЯ); *Но в данном случае пойдёт речь о **в буквальном смысле слова** грязных деньгах: потрёпанных, засаленных, кишащих болезнетворными микробами. Насколько они действительно опасны для здоровья?* (Л. Свистунова. Грязные деньги // Зеркало мира, 2012 // НКРЯ); *Многие улицы и площади Флоренции были закрытыми **в буквальном смысле этого слова** – их запирали на ночь, а в случае опасности перегораживали цепями* (С.А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999) // НКРЯ). В первом случае компонент, выраженный глаголом *полетело*, использован в прямом значении (‘перемещаться, двигаться по воздуху при помощи летательного аппарата’) – сделан акцент на пересылке письма авиапочтой; во втором подчёркивается прямое значение прилагательного *грязные* в сочетаемости с существительным *деньги* (‘покрытый грязью, запачканный’) и в целом употребление этого сочетания как свободного, а не устойчивого; в третьем примере говорящий подчёркивает, что улицы были недоступными ночью потому, что вход в них перекрывали, а не просто запрещали туда ходить, – днём их открывали и делали доступными для посещения.

Таким образом, метаязыковой показатель *в буквальном смысле* имеет несколько структурных вариантов, каждый из которых выполняет свою функцию в зависимости от контекста и степени уточнения. Наибольшей распространённостью характеризуется вариант *в буквальном*

ном смысле, востребованность которого объясняется его краткостью и удобством, в то время как более детализированные варианты *в буквальном смысле слова* и *в буквальном смысле этого слова* используются для акцентирования внимания адресата, казалось бы, на прямом значении конкретного слова и придания большей точности выражаемой информации в целом – за счёт компонентов в их составе: существительного *слово* в форме род.п. и / или определения *этого* – местоименного прилагательного с указательной семантикой.

Анализ позиции изучаемого метапоказателя по отношению к маркируемому компоненту высказывания, а также семантических особенностей синтаксического компонента проводился на материале 300 примеров из основного корпуса НКРЯ, полученных методом сплошной выборки для каждого из представленных выше трёх структурных вариантов – по 100 примеров соответственно.

Что касается позиции метапоказателя, то он может выступать не только в препозиции по отношению к компоненту, который он оценивает, но и в постпозиции. По нашему мнению, позиция играет важную роль в организации высказывания с метаязыковым комментарием, влияя на его восприятие и интерпретацию слушателями или читателями. В зависимости от позиции в предложении метаязыковые комментарии могут выполнять различные функции и достигать различных коммуникативных целей.

Данный оборот чаще всего употребляется после соответствующего ему компонента, будь то слово или словосочетание, как показывают приведённые выше примеры. Так, из рассмотренных 300 случаев 171 приходится на постпозицию. Это размещение имеет определённые функции и прагматические цели, влияющие на восприятие высказывания. Например: *Более того, нашли возможность поближе познакомиться с начальником лагеря – майором МВД – и прикармливали его* ***в буквальном смысле*** (И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999) // НКРЯ). Метапоказатель стоит после глагола *прикармливали*, который употреблён в переносном значении (‘давать взятки, задабривать какими-то благами для достижения своих целей’). В работе Сюй Сюцзюань отмечается, что прямое значение не может быть реализовано в этом контексте, но говорящий настаивает и на буквальном прочтении – хотя бы частично, так как одним из средств задабривания в этом примере является еда [11, с. 135–136]. Исходя из данного результата, можно предположить, что такая позиция позволяет читателю или слушателю сначала воспринять само слово в контексте высказывания, а затем догадаться, действительно ли оно употреблено в прямом значении. То есть сам метапоказатель в контексте и в сочетаемости с тем или иным словом получает разную функциональную нагрузку.

Препозиция метаязыкового комментария вне зависимости от его структурного варианта встречается реже (129 примеров из 300), что, по нашему мнению, может объясняться несколькими причинами.

Во-первых, увеличение когнитивной нагрузки. Препозиция требует от слушателя или читателя удержания метаязыкового комментария в памяти до получения основной информации, что увеличивает когнитивную нагрузку. Например: *Последнюю точку в истории Ивановки поставила гражданская война, когда антоновцы* ***в буквальном смысле*** *сравняли имение с землей. По словам Александра Ермакова, бессменного директора музея-усадьбы, погибли все 24 строения, не осталось даже фундамента. Все пришлось отстраивать с нуля* (А. Шлыков. Музей-усадьба «Ивановка» // Русский репортёр, 2014 // НКРЯ). В этом случае автор отграничивает прямое значение компонента – сочетания слов *сравняли имение с землей* (от зданий не

осталось даже фундамента, т.е. останки строений находились на одном уровне с землёй, вровень с ней, не возвышались над ней) – от возможного здесь переносного. Если прочитать это предложение не задумываясь, то можно случайно опустить метапоказатель *в буквальном смысле*. Тогда в силу существования фразеологизма *сровнять с землёй* значение компонента изменится на переносное (‘разрушить до основания’). Конечно, эти значения в данном контексте связаны, но для автора важно подчеркнуть элементы прямого смысла.

Во-вторых, подготовка к восприятию информации, то есть функция предупреждения о восприятии смысла маркируемого слова или выражения. Препозиция метапоказателя настраивает слушателя или читателя на то, что последующая информация будет подчёркнута как важная или особенная, хотя не всегда подразумевает её использование строго в прямом значении, а может служить для усиления внимания или акцента. По нашему мнению, такая подготовка может казаться избыточной и усложнять восприятие. Например: *Нашел он его* ***в буквальном смысле*** *на земле* (От динамита до «Виагры» // Коммерсантъ-Власть, 2000 // НКРЯ). Компонентом выступает существительное, употреблённое в прямом значении. В приведённом контексте не совсем понятно, какое значение у этого слова, поэтому кажется, что предшествующий ему метапоказатель уместен. Но если рассмотреть более широкий контекст, то сразу становится ясно, что другого варианта понимания нет, а значит, данный метапоказатель избыточен, ср.: *На самом деле Нобель просто-напросто выбрал удачный адсорбент для нитроглицерина. Нашел он его* ***в буквальном смысле*** *на земле. Попробовал разновидность глины – инфузорную землю, или кизельгур, и та подошла идеально*.

Таким образом, можно сделать вывод, что препозиция менее удобна, чем постпозиция. Употребление метапоказателя после компонента чаще используется в связи с его способностью эффективно уточнять и акцентировать информацию после её восприятия, что делает коммуникацию более естественной и понятной.

Стоит отметить, что в ходе исследования замечается определённая градация среди структурных вариантов данного метапоказателя. Наиболее частотно постпозиция выявляется при употреблении метаязыкового комментария *в буквальном смысле этого слова*. Вероятно, такая закономерность связана с тем, что в составе данного варианта есть местоименное прилагательное *этого*, уточняющее информацию, о каком слове идёт речь и на что именно нужно обратить внимание, а постпозиция представляет собой самое «комфортное», удобное для понимания читателя или слушателя положение.

Анализ семантики синтаксического компонента, маркируемого рассматриваемым метапоказателем, позволил выделить четыре его разновидности.

1. Употребление в прямом значении при возможности переносного значения как фонового.

2. Употребление в прямом значении при отсутствии переносного.

3. Употребление в переносном значении при выделении элементов прямого.

4. Употребление в переносном значении при невозможности реализации прямого.

Первый тип является основным. Метапоказатель выступает при компоненте, имеющем в языке как прямое, так и переносное значение, но говорящий обращает внимание адресата на то, что здесь значение компонента – прямое и что его нужно воспринимать именно так, несмотря на то что в этом контексте возможно и переносное значение. Также возможен особый эффект: переносное значение служит фоном для прямого. Например: *Поэтому старинные тряпичные*

куклы обычно безлики ***в буквальном смысле этого слова*** (Куклы из бабушкиного сундука (2004) // Народное творчество, 21.06.2004 // НКРЯ); *Открыл* ***в буквальном смысле слова****: у него был ключ от входной двери* (Ю. Лепский. В поисках Бродского // Дальний Восток, 2019 // НКРЯ); *Река* ***в буквальном смысле*** *открыла огромное захоронение: сотни мумифицированных самой природой тел* (Д. Рощеня. В. Ханевич: «Колпашевский яр – символ нашего забвения» (06.11.2015) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015 // НКРЯ); *Я с удивлением обнаружила, что для обсуждения этих тем ни у меня, ни у моих собеседников* ***в буквальном смысле*** *нет слов* (Ю. Лепский. В поисках Бродского // Дальний Восток, 2019 // НКРЯ). Если в первом примере компонентом выступает краткое прилагательное *безлики*, употреблённое в прямом значении (‘не имеющий лица’), при отсутствии апелляций к переносному значению (‘лишённый индивидуальности, своеобразия, характерных отличительных черт’) в качестве фона для прямого, то второй и третий примеры демонстрируют отсылку к переносному значению глагола *открыть* (‘показать что-то новое, неизвестное’), несмотря на разные прямые значения этого слова, реализованные в данных контекстах. В четвёртом примере автор подчёркивает, что *нет слов* означает не просто растерянность, а отсутствие словарного запаса требуемой тематики.

Второй тип характеризуется тем, что метапоказатель маркирует прямое значение у компонента, у которого либо вообще нет переносного, либо – тоже при отсутствии переносного – говорящий делает акцент на своём понимании прямого лексического значения выделяемого компонента. Например: *Кабак выходил задним своим фасом на пустырь, и огороженного двора,* ***в буквальном смысле****, вовсе не было* (Ю.Н. Тынянов. Малолетный Витушишников (1933) // НКРЯ); *Лумумбу убивать не пришлось; в том же 61-м его* ***в буквальном смысле слова*** *ликвидировали бельгийцы* (Д. Великовский. ЦРУ без прикрытия // Русский репортёр, № 7, 5–12 июля 2007 // НКРЯ); *Среди нас Виктор – единственный спортсмен* ***в буквальном смысле этого слова****, так как занимается боксом, играет в волейбол и баскетбол* (В.А. Степанов. 116-й Рейс «Персея» // Спортсмен-подводник, 1962 // НКРЯ). В последнем случае компонентом выступает существительное *спортсмен*, выраженное прямым значением, так как переносных значений это слово не имеет, автор имеет в виду человека, профессионально и постоянно занимающегося спортом (настоящего спортсмена), а не раз от разу или просто физкультурой, фитнесом, йогой для здоровья, либо противопоставляет употреблению этого слова в шутку.

Для **третьего типа** характерно употребление компонента в переносном значении с элементами прямого. Например: *Ведь люди также способны* ***в буквальном смысле слова*** *отравлять жизнь своим половинкам и добиваться того, что продолжительность их жизни сильно сокращается...* (Мужчины и женщины // Знание – сила, 2014 // НКРЯ); *Кроме того, ученые полагают, что* ***в буквальном смысле*** *«двигателем прогресса» на заре человеческой цивилизации могли стать активные тектонические зоны, с которыми связаны землетрясения и вулканические извержения* (А.М. Городницкий. Тайны и мифы науки. В поисках истины (2014) // НКРЯ). В качестве компонента в данном случае выступает сочетание слов *двигатель прогресса*, переносное значение которого имеет связь с прямым из-за уточнения в контексте *активные тектонические зоны* (т.е. зоны, в которых наблюдается бурное движение тектонических плит), то есть сделан акцент на движение в прямом значении (‘находиться в движении, перемещаться, направляться’), в чём и состоит роль метапоказателя.

Особенностью **четвёртого типа** является то, что метапоказатель употребляется при компоненте в переносном значении при невозможности реализации в этом контексте прямого;

отсутствует связь с прямым значением или апелляция к элементам прямого лексического значения невозможна. Например: *Этот парадокс* ***в буквальном смысле*** *сносит людям крышу* (О. Андреева. Стланная стлана // Русский репортёр, 2014 // НКРЯ); *И мало того, что мой милый ревновал меня* ***в буквальном смысле слова*** *к каждому столбу, он не мог спокойно перенести того факта, что я могу еще кому-нибудь нравиться, например своим читателям* (Ю.И. Андреева. Многоточие сборки (2009) // НКРЯ); *И вот янки вспоминают о санкциях ООН, хотя сами развязали войну, наплевав на ООН практически* ***в буквальном смысле этого слова*** (В. Лихачев. Война не по сценарию (2003) // Встреча (Дубна), 09.04.2003 // НКРЯ). В третьем примере компонентом при метапоказателе выступает деепричастие *наплевав*, которое употреблено в переносном значении (‘отнестись к кому-, чему-л. с пренебрежением, проявить презрительное безразличие к кому-, чему-л.’). У глагола *наплевать* есть прямое значение (‘наделать плевков где-л., на что-л.’), но в этом контексте оно не может быть реализовано, то есть в этом контексте прямое и переносное не нейтрализуется; *Но она и ухом не повела* – ***в буквальном смысле этого слова*** (Ю. Друнина. Алиска (1973) // НКРЯ). В последнем случае в роли компонента выступает сочетание слов *ухом не повела*, которое является устойчивым с переносным значением (‘не обращать внимания’). В работе И.Н. Токарчук и Сюй Сюцзюань такие случаи квалифицируются как не соответствующие семантике данного выражения и сходные с употреблением частицы *буквально 1* [13, с. 60], а Т.Б. Радбиль полагает, что в подобных примерах избыточна экспликация установки на прямой смысл [5, с. 412]. По нашему мнению, такое функционирование данного метапоказателя не является нормой, несмотря на распространённость в речи носителей современного русского языка, что может быть объяснено модой на данное языковое средство, как показывают факты НКРЯ.

Анализ 300 случаев употребления метаязыкового показателя *в буквальном смысле слова* из НКРЯ показал, что он чаще всего используется для маркировки прямого значения компонента, к которому относится. При этом четвёртый тип употребления, который вызывает сомнения с точки зрения нормы, вполне конкурентоспособен по сравнению с первым, основным. Даже в случае суммирования первого типа со вторым и третьим, в которых представлена оппозиция прямого значения и переносного либо другого прямого, число употреблений четвёртого типа будет составлять треть от общего числа рассмотренных примеров (статистическая выкладка представлена в таблице 1).

Таблица 1

Статистика частотности употребления разных семантических типов метапоказателя *в буквальном смысле слова*

1 тип	43%
2 тип	16%
3 тип	7%
4 тип	34%

В заключение можно отметить, что исследование функционирования метаязыкового показателя *в буквальном смысле слова* в современном русском языке, проведённое на основе анализа примеров из НКРЯ, позволило выявить его семантические особенности и разнообразие функций в различных контекстах. Нами выявлено 3 структурных варианта реализации метаязыкового показателя *в буквальном смысле слова*, наиболее частотный из которых – *в буквальном смысле*. С точки зрения позиции по отношению к синтаксическому компоненту высказы-

вания (слову или словосочетанию) рассматриваемый метапоказатель чаще занимает постпозицию, что в большей степени характерно для варианта *в буквальном смысле этого слова.*

Выявленные семантические особенности компонента, взаимодействующего с объектом исследования, показали наличие оппозиции между прямым и переносным значением компонента и поиски определённого баланса между ними – при подчёркивании прямого (первый и третий типы, 50% от общего числа рассмотренных фактов). Это позволяет говорящему избегать двусмысленности и чётко обозначать буквальный смысл высказывания, добавляя точности. Вместе с тем весьма ощутима тенденция к употреблению данного метапоказателя – возможно, как выразительного средства – при компонентах с переносным значением при отсутствии в контексте нейтрализации с прямым (34%).

Таким образом, данное исследование показало многообразие значений и функций выражения *в буквальном смысле слова* в современном русском языке, подчеркнув его важность как инструмента для создания точных и выразительных высказываний. Полученные результаты открывают новые перспективы для дальнейших исследований в области семантики и прагматики русского языка, а также для более глубокого понимания механизмов метаязыкового комментирования.

Список литературы

1. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.

2. *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

3. *Милянчук Н.С.* Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: дисс. … канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 214 с.

4. *Перфильева Н.П.* Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. 285 с.

5. *Радбиль Т.Б.* Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 411–423.

6. *Радбиль Т.Б.* Метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова* в русской речи // Русский язык в школе. 2013. № 8. С. 67–73.

7. *Радбиль Т.Б.* Метаязыковые комментарии с компонентом «смысл слова» в современной русской речи // МОВА. 2014. № 21. С. 145–149.

8. *Розина Р.И. Так называемый*: семантика вводных метаязыковых оборотов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд. РГГУ, 2009. С. 426–432.

9. *Сидорова В.В.* Метаязыковые высказывания: лексикографическая интерпретация и эвристический потенциал: дисс. … магистра филологии. Екатеринбург, 2014. 149 с.

10. *Столетова Е.К.* Метаязыковые единицы *в каком-то смысле* и *своего рода* как показатели нетривиального взгляда говорящего на ситуацию: сходства и различия в семантике // Русский язык: история, диалекты, современность. Вып. XV. М.: Изд. МГУ, 2016. С. 272–277.

11. *Сюй С.* Семантика и функционирование полифункционального слова *буквально* в современном русском языке: дисс. … канд. филол. наук. Владивосток, 2024. 188 с.

12. *Сюй С., Токарчук И.Н.* Метаязыковой потенциал частицы *буквально* // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 3. С. 67–76.

13. *Токарчук И.Н., Сюй С. Буквально* и *в буквальном смысле слова*: семантико-функциональные соответствия // Филология без границ: Международная научная конференция, посвящённая 105-летию филологического образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 27–29 ноября 2023 г.: тезисы материалов конференции / отв. ред.: Г.М. Крылова, А.А. Анисова, О.Н. Мальцева. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2023. С. 60.

References

1. *Vezhbitska A.* Metatext in the text. *New in foreign linguistics. Issue 8: Linguistics of the text*. Moscow, Progress, 1978. P. 402–421. (In Russ.).

2. *Vepreva I.T.* Linguistic reflection in the post-Soviet era. Moskow, OLMA-PRESS Publ., 2005. 377 p. (In Russ.).

3. *Milianchuk N.S.* The linguistic-pragmatic category of non-categorical statements in the scientific style of the modern Russian language: Ph. D. thesis. Vladivostok, 2005. 214 p. (In Russ.).

4. *Perfilieva N.P.* Metatext in the aspect of text categories. Novosibirsk, NSPU Publishing House, 2006. 285 p. (In Russ.).

5. *Radbil T.B.* Metalinguistic commentary as a means of manipulating the addressee. *Logical analysis of language. Addressing discourse*. Ed. by N.D. Arutyunova. Moskow: Indrik Publ., 2012. P. 411–423. (In Russ.).

6. *Radbil T.B.* Metalinguistic commentary *v horoshem smysle slova* In Russian. *Russian language at school*, 2013, no. 8, pp. 67–73. (In Russ.).

7. *Radbil T.B.* Metalinguistic comments with the component "smysl slova" in modern Russian speech. *MOVA*, 2014, no. 21, pp. 145–149. (In Russ.).

8. *Rozina R.I. Tak nazyvaemyj*: semantics of introductory metalanguage phrases. *Computational linguistics and intelligent technologies.* Moskow: RGGU Publishing House, 2009. P. 426–432. (In Russ.).

9. *Sidorova V.V.* Metalanguage statements: lexicographic interpretation and heuristic potential: Master thesis. Ekaterinburg, 2014. 149 p. (In Russ.).

10. *Stoletova E.K.* Metalinguistic words *v kakom-to smysle* and *svoego roda* as markers of non-trivial view on a certain situation: similarities and differences in semantics. *Russian language: history, dialects, modernity*. Moskow: MGU Publishing House, 2016. P. 272–277. (In Russ.).

11. *Xu Xiujuan*. Semantics and functioning of a multifunctional word literally in modern Russian: Ph. D. thesis. Vladivostok, 2024. 188 p. (In Russ.).

12. *Xu Xiujuan, Tokarchuk I.N.* Metalanguage potential of the particle *bukvalno. Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 3, pp. 67–76. (In Russ.).

13. *Tokarchuk I.N., Xu Xiujuan*. *Bukvalno* and *v bukvalnom smysle slova*: semantic and functional correspondences. *Philology without borders. International Scientific Conference dedicated to the 105th anniversary of Philological Education in the Russian Far East, Vladivostok, November 27–29, 2023: abstracts of conference materials.* Ed. by G.M. Krylova, A.A. Anisova, O.N. Maltseva. Vladivostok, Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2023. P. 60. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / Received 12.05.2025
Одобрена после рецензирования / Revised 14.05.2025
Принята к публикации / Accepted 16.05.2025